Владимир Бардин

ЕЩЕ ОДНО ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ ЗЕМЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

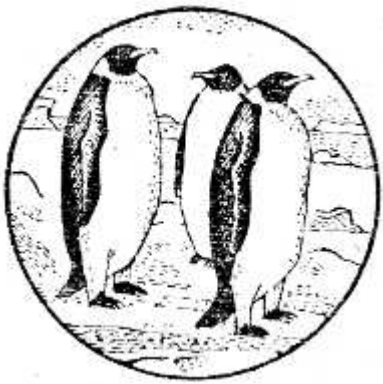
Известный полярный исследователь рассказывает об одном из своих путешествий в Антарктиду. На пути следования экспедиции — Канарские острова, столица и порт Республики Берег Слоновой Кости — Абиджан, остров Святой Елены, где провел свои последние годы Наполеон, острова Южного океана. Путешествие заканчивается на полярной станции Молодежная — центре советских исследований в Антарктике.Описываются природа, история освоения и современные дни этих далеких мест. Книга иллюстрирована цветными фотографиями и картами.

- Еще одно путешествие на край земли
  - ○
  - ○
  - ○ ОТ АВТОРА
  - ○ Глава первая
    - ■
    - ■ ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА
    - ■ ГУАНЧИ — КТО ОНИ?
    - ■ КОНТИНЕНТ В МИНИАТЮРЕ
    - ■ CASA DE COLON
    - ■ СВЯТОЙ ОТЕЦ, ДЕРЕВЯННАЯ НОГА И АДМИРАЛ НЕЛЬСОН
    - ■ ПОД СЕНЬЮ ДРАКОНОВОГО ДЕРЕВА
    - ■ «ОСТРОВА ВЛАГОДЕНСТВИЯ»?
  - ○ Глава вторая
    - ■
    - ■ СТРАНА У ЭКВАТОРА
    - ■ БРЕМЯ ПОЗНАНИЙ
    - ■ В ЛАГУНЕ
    - ■ АБИДЖАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП
    - ■ ПОД ПОЛОГОМ ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА
    - ■ УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ
  - ○ Глава третья
    - ■
    - ■ ЧЕРНЫЙ ЗАМОК
    - ■ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
    - ■ УЭЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ
    - ■ ЭРА НАПОЛЕОНА
    - ■ ГРОБНИЦА СЛАВЫ
    - ■ О ЧЕМ БЫ РАССКАЗАЛА ЧЕРЕПАХА
    - ■ ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЖЕМСТАУН

- Глава четвертая
  -
  - НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ
  - ОГНИ ВО МРАКЕ
  - УТРО В ЗАЛИВЕ МОРБИАН
  - СРЕДИ СЛОНОВ И КРОЛИКОВ
  - ТРЕВОЖНЫЙ КРИК
  - ПАМЯТЬ О ЗИМОВКЕ
  - СУРОВЫЙ ФЬОРД
  - НАД ОЗЕРОМ ДАСТЕ
  - «НЬЮ-РОБИНЗОНЫ»
- Глава пятая
  -
  - КАЧКА
  - ИМЕНА НА КАРТЕ
  - О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ
  - ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ НА МАТЕРИК
- Глава шестая
  -
  - ЛЮБО-ДОРОГО
  - ВЕСЕЛЫЙ ПОСЕЛОК
  - РАКЕТЫ И ПОМИДОРЫ
  - ДОМ С ЗЕЛЕНОЙ ВЕРАНДОЙ
  - ЧУДЕСА АНТАРКТИДЫ
  - ИСТОРИЯ СОБАКИ
  - МОСКВА — 13 783 КМ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- АНТАРКТИДА — КОНТИНЕНТ НАУКЙ

Еще одно путешествие на край земли

Моей матери, всегда провожавшей меня и моих товарищей в Антарктиду, посвящается эта книга



ОТ АВТОРА

Описание дальних стран, их жителей, роскоши тамошней природы, особенностей и случайностей путешествия и всего, что замечается и передается путешественниками — каким бы то ни было пером, — все это не теряет никогда своей занимательности для читателей всех возрастов.

И. А. Гончаров

Мне посчастливилось совершить шесть плаваний в Антарктиду Казалось бы, в наше время в таком путешествии нет ничего особенного. Ежегодно к берегам Южного континента ходят научно-исследовательские и транспортные суда, а в последнее время все чаще летают самолеты. XX век — век научно-технической революции, освоения космоса, океана — стал и веком освоения Антарктиды. Но все же и сейчас экспедицию в Антарктиду язык не поворачивается назвать обыкновенной.

Для меня и моих товарищей каждое путешествие на ледяной юг было событием удивительным. Даже в размеренной, строго регламентированной судовой жизни с беспрестанными дежурствами на камбузе, палубными авралами, учебными тревогами мы находили что-то необычное. А уж когда на пути оказывался заморский порт или одинокий остров, о нашем восторге и говорить не приходилось!

Конечно, самое первое плавание в Антарктиду было особенно волнующим, как и многое, что человек совершает впервые.

В двух первых плаваниях, которые совпали с Международным геофизическим годом, я, вначале студент-практикант, а затем лаборант, работал под руководством профессора географического факультета МГУ, впоследствии академика К. К. Маркова, учителя многих советских географов. Встреча с ним во многом определила мою дальнейшую судьбу. В первых советских антарктических экспедициях участвовало немало и других крупных ученых. Эти плавания стали для меня и моих сверстников вторым университетом.

Большую часть времени, невзирая на погоду, мы проводили на палубе, боясь что-либо пропустить: дельфинов и летучих

рыбок в тропиках и на экваторе, странствующих альбатросов в холодных водах южного полушария и, наконец, первый айсберг. Мы с упоением следили за тем, как меняется окружающий морской ландшафт, когда, пересекая широты, сначала «взбирались» к экватору, а затем «спускались» все ниже и ниже к Южному полярному кругу.

Иной раз в морских путешествиях жалуются на однообразие океана, навевающего, мол, скуку. Это заблуждение, вызванное скорее всего отсутствием должного внимания и неумением наблюдать.

Во время плаваний в Антарктиду К. К. Марков стал интересоваться проблемой неоднородности ландшафтов океана. Ее разработке была посвящена целая серия его работ по географии океана. Его увлеченность невольно передавалась окружающим, особенно молодым участникам экспедиции.

На пути в Антарктиду не совершалось выдающихся открытий. По ходу судна метеорологи и геофизики, гидрологи и биологи вели обычные наблюдения. Многие закономерности, которые удавалось подметить, были уже известны, но мы, как говорится, ощущали их кожей.

Константин Константинович Марков наслаждался каждым путешествием в Антарктиду. Всякий раз он брал с собой довольно большую, специально подобранную библиотеку, куда входили не только научные работы по географии Антарктики, но и многие художественные произведения. Особенно любил он «Фрегат Палладу» И. А. Гончарова и «Путешествие на корабле «Бигль»» Дарвина.

Заметив в руках какого-нибудь заскучавшего молодого научного сотрудника детектив, он воспринимал это почти как личную обиду и настоятельно советовал прочесть одну из своих любимых книг. Иной раз сам вручал ее и при этом говорил: «Путешествие для каждого человека, тем более для ученого, — кладезь открытий. Путешествие, совершенное Чарлзом Дарвином, когда ему было столько же лет, сколько вам, молодой человек, сформировало его как выдающегося естествоиспытателя!» И надо признать, после «Бигля» и «Паллады» немногие снова брались за детектив.

Отправиться в Антарктиду, особенно в пору первых советских экспедиций, было редкостной удачей. Я помню, как провожали эти экспедиции. Мы уходили тогда из Калининграда. Все суда, находившиеся в порту, салютовали нам своими гудками! Именно тогда мной овладело чувство вины перед оставшимися на берегу. Но по возвращении из экспедиции я неожиданно обнаружил, что далеко не все понимают и разделяют мое увлечение Антарктидой.

Кое-кто даже выразил мне сочувствие, решив, что это своего рода неизбежные издержки избранной мной специальности — географии, когда, вместо того чтобы сидеть в домашнем уюте, приходится мыкаться по белу свету.

Эта непонятная для меня точка зрения сыграла тем не менее свою положительную роль: я избавился от «комплекса вины» перед всеми, кому не представилась возможность попасть в Антарктиду. И вот опять я отправляюсь к этому материку с тем же ощущением праздника, хотя прошло уже более двадцати лет. Только теперь прошлый опыт тревоги и переживания прежних экспедиций сплелись воедино. Я помню все, от знаменательных событий до нелепых мелочей. Особенно живы воспоминания о тех людях, с которыми мне довелось путешествовать. В дальних экспедициях крепко дружат, иной раз ссорятся, но редко остаются равнодушными друг к другу.

Каких замечательных людей я встретил в Антарктиде! Многих я уже никогда не увижу, но они живут в моей памяти и сопровождают меня в очередной рейс...

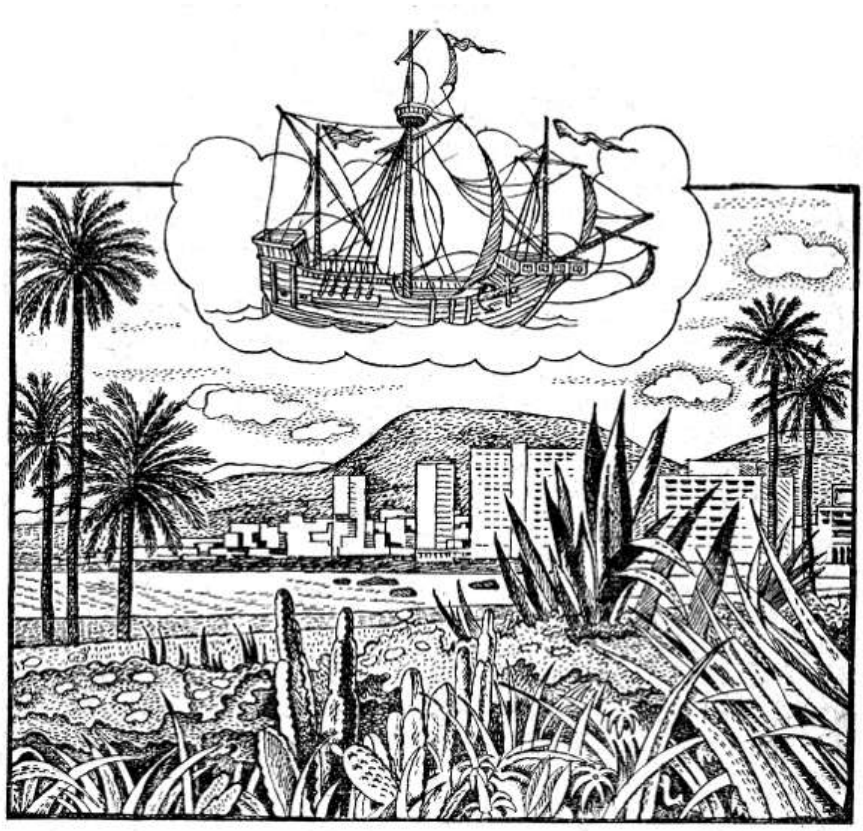
Очерки, составившие главы этой книги, написаны в разное время и на материалах разных экспедиций. Каждый из них рассказывает об одном из интересных районов Атлантики или Южного океана. Но все вместе, дополняя и продолжая друг друга, они создают, как надеется автор, картину дальнего морского путешествия. Герои этой книги — научные работники и моряки — участники антарктических плаваний. Подлинные имена их не названы. Главная цель моего повествования не документальная точность, а стремление показать, чем интересно и привлекательно плавание в Антарктиду в наши дни...

Глава первая
ОСТРОВА ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

Гран-Канария (Gran Canaria), о-в в Атлантич. ок., в группе Канарских о-вов.

1533 км²... Выс. до 1950 м. Гл. г. — Лас-Пальмас.

Советский энциклопедический словарь (СЭС). М., 1979



ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Гран-Канария... Зеленый утренний свет пропитан морской соленой свежестью, как будто каждое утро остров вырастает из волн.

Кармен Лафорет

Много раз на пути в Антарктику и обратно я видел с борта судна очертания Канарских островов. Однажды под вечер, когда на океан спустились сумерки, особенно запомнилась дивная картина: на фоне бирюзового неба рельефно выступает серебрящийся конус вулкана; его вершины касаются лучи уходящего за горизонт солнца, а над самым кратером висит легкое малиновое облако. Я знал, что это действующий вулкан Пико-де-Тейде (3718 метров) — высшая точка Канарских островов и всей Испании.

В другой раз мы проходили острова ночью и видели огни Лас-Пальмаса, самого крупного здешнего города. Судовая радиогазета разожгла наше любопытство сообщениями о красотах местной природы, райском климате островов, плантациях бананов и апельсиновых рощах. Кто-то на палубе, заглядевшись на огни заморского города, не преминул заметить, перефразируя Маяковского: «Так и жизнь пройдет, как прошли Канарские острова!»

Новые события корабельной жизни вскоре заслонили мимолетные впечатления. Осталось, правда, чувство сожаления: были ведь совсем рядом, жаль, не довелось зайти.

Но вот накануне отплытия в очередной рейс в Антарктику узнал я, что на этот раз наше судно побывает на Канарских Островах! От Ленинграда до них всего неделя ходу. Но нам пришлось зайти в Гданьск за польскими биологами, потом нас штормило в Северном море и Бискайском заливе, так что лишь через полмесяца оказались мы у желанных островов.

Было около трех часов пополудни. Почти все участники Экспедиции находились на палубе. Солнце стояло еще высоко, горизонт застилала желтоватая дымка. Дул сухой северо-восточный ветер: мы вошли в зону пассатов. Всего в 100 — 120 километрах к востоку были берега знойной Африки.

Впереди, прямо по курсу, громоздились тяжелые кучевые

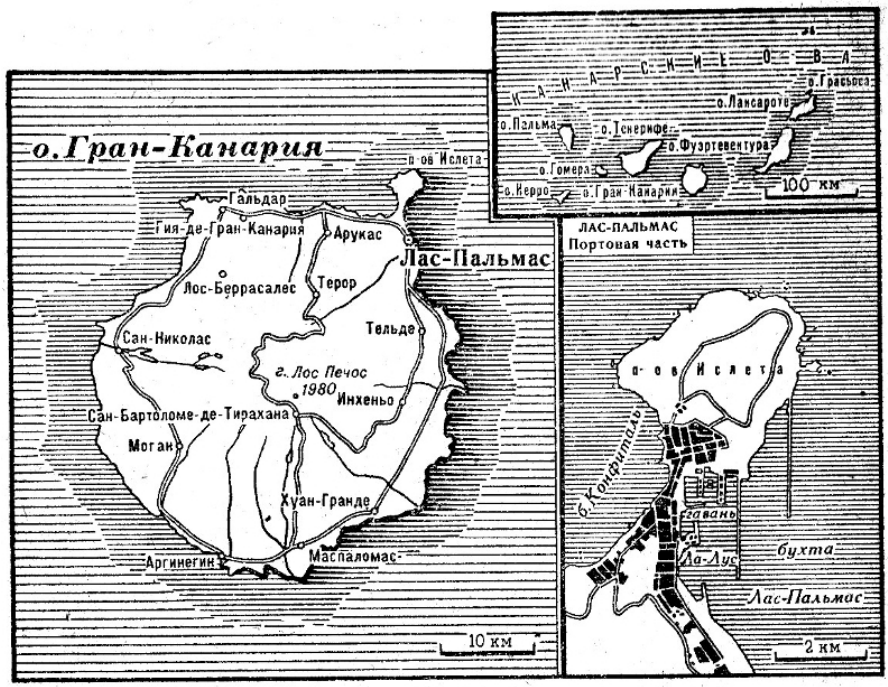
облака. Такие мощные облака в тропических широтах образуются обычно над сушей. Перегнувшись через поручни, я смотрел на вспененную, бегущую вдоль бортов воду и вспоминал звучные названия Канарских островов.

Тенерифе... Самый крупный остров, на карте он похож на утенка. Именно там расположен вулкан Пико-де-Тейде. У подножья вулкана раскинулся большой город Санта-Крус, конкурирующий с Лас-Пальмасом за право быть столицей архипелага.

Фуэртевентура... второй по площади, но самый узкий и длинный остров, под стать своему названию. Лансароте, Пальма, Гомера, Иерро... сравнительно небольшие, но отнюдь не менее привлекательные для путешественника острова. И наконец, Грасьоса, Монтанья-Клара, Лобос, Алегранса... Острова-карлики, по сути скалы в океане, большей частью необитаемые. Лишь на Алегрансе живет около десятка человек, причем только женщины.

Мы направляемся на остров Гран-Канария, третий по площади, но первый по числу жителей, расположенный в самом центре архипелага.

Я попытался вообразить, как выглядит этот гористый округлый островок, который в поперечнике достигает почти пятидесяти километров. И в памяти всплыла фраза из книги современной испанской писательницы Кармен Лафорет: «На карте остров напоминает по форме кошачью голову, но только с одним ухом — на северо-востоке...» И островок сразу ожил. Я представил себе это единственное ухо — небольшой, обглоданный волнами полуостров Ислета, по прикрытием которого с восточной стороны расположена гавань Ла-Лус, куда мы сейчас направлялись.



Остров Гран-Канария. Канарские острова. Лас-Пальмас

На палубе бывалый моряк из экипажа судна, живой и сметливый парень, жестикулируя, делился своими познаниями с новичками.

— В Лас-Пальмасе, — говорил он, — беспошлинная торговля, дешевые индийские магазины.

— Почему же индийские? — перебил недоверчиво слушавший его бородатый полярный доктор с биноклем на шее. — Ведь острова-то испанские.

— Индийцы здесь по всем портам торгуют. Был я в Гибралтаре, и там то же самое.

— А сувениры здесь есть? —спросил один из новичков, худенький повар из состава зимовщиков Молодежной.

— Этого добра сколько хочешь: сомбреро, чучела черепах, крокодилов...

— Но ведь крокодилы на Канарских островах не водятся, — возразил бородатый доктор.

— Ну, значит, привозные, — легко парировал бывалый моряк и продолжал: — Самые ходкие товары — шерсть английская, сервизы американские из небьющегося стекла, магнитофоны японские. Все достать можно, только цены тут нетвердые, надо это иметь в виду.

— На каком языке спрашивать-то? Ни индийского, ни

испанского я не знаю! — воскликнул худенький повар.

— Да и не надо, — успокоил его моряк.— На родном своем изъясняйся. На то они и торговцы, чтобы покупателя понимать.

— Музеи-то в городе есть? — продолжали мы его расспрашивать.

— Почему же нет? Дом Колумба, например. А во дворе дома — говорящие попугаи на цепочках сидят.

— А музей гуанчей? — спросил доктор.

— Аборигенов? Я в нем не был, говорят, там одни мумии. Но утверждать не берусь.

— А природа на острове... — начал было еще один новенький. Но, не дослушав его, моряк воскликнул:

— Да вон, смотрите, уже и острова виднеются! Вулкан, пляж, пальмы.

— Земля, земля! — раздались торжествующие возгласы.

Впереди сквозь солнечную дымку явственно проступили очертания большого гористого острова...

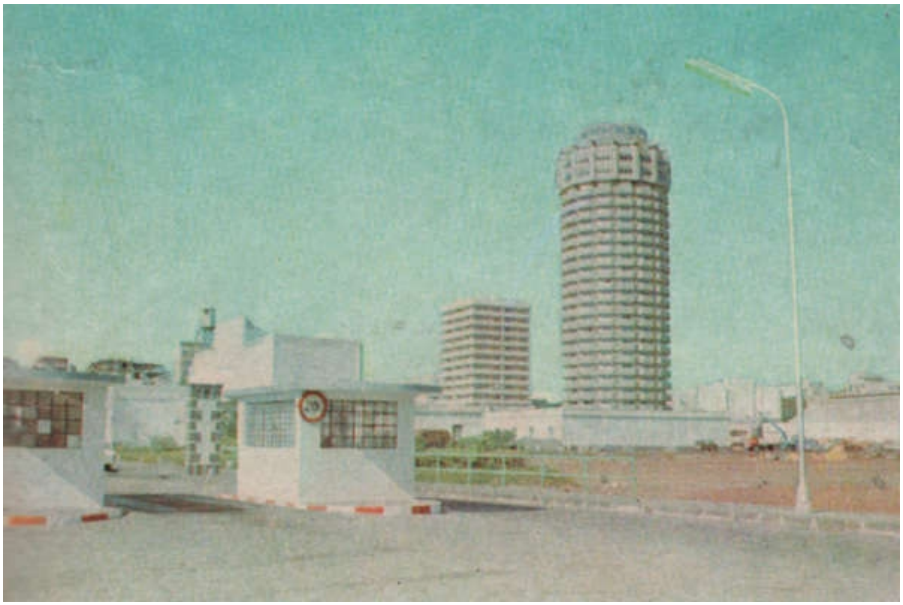
Еще с того дня, когда мне впервые довелось увидеть Канарские острова, я прямо-таки «заболел» ими. Меня интересовали все сведения об архипелаге. Узнав, что классик испанской литературы Перес Гальдос был родом с Канарских островов, я пытался найти в его произведениях какое-либо упоминание о них. Но — редкий случай для литератора — он нигде не обмолвился о земле своего детства. Зато Кармен Лафорет, отрочество которой прошло на острове Гран-Канария, посвятила родным местам автобиографический роман «Остров и демоны». Действие его протекает несколько десятилетий назад в Лас-Пальмасе и его окрестностях, то есть как раз там, где нам предстояло побывать. Вот несколько строк из этого романа: «... пароход, обогнув большой волнорез, входил в Пуэрто-де-ла-Лус. Бухта сверкала на солнце. Очертания стоящих на якоре кораблей... расплывались в полуденном мареве. Город Лас-Пальмас, протянувший вдоль берега кварталы белых домов, сады и пальмовые рощи, казалось, дрожал и плавился...»

Почти такую же картину увидели и мы с борта нашего судна.

Канарские острова называют перекрестком Атлантики. Лас-Пальмас на острове Гран-Канария — самый крупный город архипелага. По пути в Антарктику сюда часто заходят советские экспедиционные суда.

...Солнце уже спускалось к горизонту, когда мы бросили якорь на внешнем рейде, прямо напротив Лас-Пальмаса. Здесь находилось около дюжины кораблей, и среди них советское торговое судно «Железноводск». Нам пришлось ждать, пока у причала освободится место и лоцман введет нас в гавань. Мимо нашего борта горделиво проходили большие пассажирские суда, сновали юркие катера. Неожиданно из-за маяка на самом конце длинного мола появились... алые паруса! Трехмачтовый барк «Морфей» (прочел в бинокль название бородатый доктор), сделав изящный маневр, набрал в паруса ветер и заскользил в открытый океан.

Я попросил у доктора бинокль. Прямо передо мной выросли белоснежные корпуса океанских судов, хаос корабельных мачт и труб. За ними виднелась городская набережная. С крыш высоких зданий смотрели в сторону моря крупные надписи: HOTEL CHRISTINA, HOTEL SANTA CATALINA. В просветах между домами зеленели пальмы.



В припортовой части Лас-Пальмаса высятся отели для туристов: одно время Канары считались недорогим курортом, и побывать здесь стремились многие. Но времена изменились. Сегодня гостиницы Лас-Пальмаса большинству не по карману и наполовину пустуют.

Дальше город взбирался на холмы. На крутых, почти лишенных зелени склонах лепились маленькие домики. Лишь в распадках они сбегались теснее и, словно поддерживая друг друга, карабкались на обширный уступ, где располагался верхний ярус города. Эта часть была явно моложе, здесь преобладали современные светлые многоэтажные здания. На фоне их белых стен салатными и голубыми пятнами выделялись небольшие домики под яркими черепичными крышами. Дальше все тонуло в дымке. Горы уходили ввысь, исчезая в облаках.

Лишь холмистый полуостров, защищающий порт с севера (то самое единственное «кошачье ухо»), был как на ладони. Склоны его холмов, лишенные растительности, казались мертвенно-серыми. Какие-то полуразрушенные строения, похожие на руины старинной крепости, дополняли эту безрадостную картину. По склону одного из холмов шла белая надпись: VIVA SANTA BARBARA! А на вершине его мы увидели приземистый форт с большим орудием, смотрящим в сторону моря. Очевидно, святая Барбара, которую прославляла надпись, покровительствовала военным.

Солнце тем временем почти спряталось за остров.

Раскинувшийся перед нами город начали окутывать сумерки. Но высоко на склонах косые солнечные лучи еще выхватывали из полумрака белые дома. Наконец все погрузилось в темноту, и только легкие кучевые облака над островом горели предзакатными красками.

Прибыл лоцман. Заработали двигатели, и тихим ходом мы вошли в порт. С капитанского мостика прозвучало: «Палубной команде выйти на швартовку» — и сразу, как только мы обогнули край мола: «Отдать кормовой». Заурчала якорная цепь. Швартовка началась.

Кучевые облака над островом померкли, и лишь на большой высоте еще летели по небу алые перистые стрелы. Но вот зажглись огни на судах, вспыхнули разом ярко-желтые фонари вдоль набережной, и порт сразу повеселел.

Около семи часов вечера после необходимых формальностей мы сошли на берег. Один за другим более ста участников экспедиции — геологи, географы, геодезисты, метеорологи, летчики, строители, механики, врачи, повара — в общем спциалисты всех родов, необходимые для работы в Антарктиде, — и почти столько же человек из судовой команды зашагали вдоль длиннющего, трехкилометрового, мола. И когда первая, самая нетерпеливая группа уже достигла ворот порта, последняя, в которой были люди обстоятельные, привыкшие никогда никуда не спешить, еще только сходила с трапа.

А на судах, тесно стоящих вдоль мола, — сухогрузах, наливных, рыболовных — кипела жизнь. Шла погрузка и разгрузка, закачивалось дизельное топливо, прибиралась палуба.

— Сингапур, Лондон, Гонконг, Гавр, Марсель, Кадис, Токио, Сидней, — перечислял идущий рядом со мной бородатый доктор порты их приписки.

Нам навстречу попадались моряки разных рас: сухопарые, бледнолицые англосаксы; низкорослые, смуглые малайцы; темнокожие, сверкающие зубами африканцы. Долетали обрывки фраз на самых разных языках.

Наш добровольный гид, разбитной моряк, за которым неотступно следовала группа новичков, пояснял:

— Лас-Пальмас — один из главнейших портов Испании. Не уступит любому европейскому. Стоит на пересечении морских путей через Атлантику. Прямые линии в Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Дакар, Конакри и Абиджан, а когда Суэц блокировали — из Европы в Индийский океан, Банконг, Рангун, Фримантл... — Он со вкусом, словно щелкая орешки, перечислил еще с десяток заморских портов.

Над маслянистой водой, над застывшими у причалов судами

и длинными приземистыми пакгаузами висел густой рыбный запах. Мы шагали между штабелями приготовленных к погрузке ящиков и корзин с бананами, апельсинами помидорами, огибали портовые краны.

У ворот порта бегали ребятишки, предлагали всякую мелочь. — Русский, покупай! Покупай, русский! — весело выкрикивали они.

Но никто из нас в этот первый вечер в Лас-Пальмасе не был расположен вступать в торги. Всем хотелось хотя бы немного познакомиться с городом.

Наш моряк уверенно шагал вперед, не обращая на шустрых мальчишек никакого внимания.

От порта мы свернули налево, к центру. Прохожие на улицах мало отличались от публики, наполняющей в летний сезон наши южные курортные города. Да и что удивительного? Канарские острова в наши дни — модный курорт, излюбленный европейцами. В магазинах, мимо которых мы проходили, заканчивался рабочий день. Большей частью это были частные лавочки, принадлежащие действительно индийцам.

Иногда нас окликали, зазывали в лавки. У входа в один из магазинчиков. висел написанный от руки плакатик: «магазин индусский, говорим по-русски!» Так хозяин демонстрировал знание русского языка.

В небольшом сквере на площади Сервантеса прямо на газоне под пальмами сидели несколько бородатых обтрепанных парней и девушек с распущенными волосами. Тут же лежали походные сумки.

— Туристы... — неуверенно произнес молоденький повар.

— Хиппи, — поправил моряк. — Вон как заросли.

Пройдя по улице Хуана Режона (это имя еще нам встретится), мы свернули на оживленную Альбареда и вышли к парку Санта-Каталина. Здесь на уютной площади среди пальм уже зажгли свои огни вечерние кафе, звучала музыка, но посетителей было немного.

— Курортники уже разъехались, — пояснил моряк, — мертвый сезон.

За парком Санта-Каталины дома стали солиднее и многоэтажнее, а улицы скучнее и официальнее. Проспект Леон-и-Кастильо, на который мы вышли, казалось, никогда не кончится.

— Он идет вдоль берега через весь город, — пояснил моряк и предложил возвращаться. Время было уже позднее, и все повернули назад. По короткой и мрачноватой улочке Симона Боливара мы вновь вышли к парку Санта-Каталины и наткнулись на особняк, где размещалось местное туристическое агентство.

Рядом в газетном киоске мое внимание привлекла небольшая книжка о Канарских островах на аглийском языке. В ней было много фотографий, карта острова и план Лас-Пальмаса. Не раздумывая, я купил ее.

Увидев у меня в руках книгу, все заинтересовались. Но наш гид-моряк неодобрительно покачал головой.

— Книги здесь дороги, — сказал он. — Такая книжечка, считай, стоит столько же, что и автоматический, самораскрывающийся зонтик.

Новички сочувственно поглядели на меня, и только молодой гидролог Василий Евграфович одобрил мою покупку.

ГУАНЧИ — КТО ОНИ?

Они направлялись на остров Гран-Канария, носивший в старину у гуанчей название Тамаран.

Кармен Лафорет

В приобретенной мной в первый же вечер книге было написано, что вопрос о происхождении коренных жителей Канарских островов — гуанчей — до сего дня остается спорным. Откуда они взялись? Может быть, это были потомки финикийцев, а может быть, египтян или жителей Карфагена. Не исключались в качестве прародителей и викинги.

Как я выяснил еще раньше; когда только начал интересоваться Канарскими островами, многие ученые-антропологи полагали, что гуанчи — сохранившиеся представители распространенной в Европе в эпоху позднего палеолита кроманьонской расы. Но каким образом попал на Канарские острова Кроманьонский человек — мне узнать не удалось.

Так или иначе, Канарские острова были известны еще древним грекам и римлянам. О них слагались красивые легенды. Об «островах благоденствия», «островах удачи», находящихся на краю света, писали Платон, Геродот, Плутарх, Плиний Старший, Гораций.

Позднее всякие упоминания о Канарах вообще обрываются и появляются вновь только в средние века, когда с началом эпохи Великих географических открытий отважные мореплаватели — генуэзцы, португальцы, каталонцы — все чаще и чаще стали появляться у берегов архипелага.

Первыми известными истории европейцами, которые достигли в 1291 году Канар, были два брата Вивальди из Генуи. Двадцать лет спустя побывал здесь другой генуэзский мореплаватель — Ланселлото Малоселло. Вероятно, в его честь один из Канарских островов стал называться островом Лансароте.

Около 1339 года уроженец острова Майорки Долсет составил первую навигационную карту архипелага. Затем последовало еще несколько экспедиций, но о них почти не сохранилось сведений.

К моменту появления европейцев на островах насчитывалось около 20 тысяч коренных жителей. Гуанчи занимались земледелием и скотоводством. Они умели изготавливать орудия

из кости, дерева, вулканических пород — базальта, обсидиана. В пещерах, где они обитали, удалось обнаружить каменные топоры, кинжалы, рыболовные крючки, наконечники для копий, разнообразные гончарные изделия, разрисованные красными и черными красками. Металлы гуанчам не были известны.

Выращивали они ячмень и пшеницу, из которых приготавливалось традиционное блюдо — гофио — нечто вроде лепешек из предварительно прожаренного и измельченного зерна. Оно и сейчас широко распространено на островах, но теперь его делают в основном из кукурузы. Из козьего молока изготовляли сыр и масло. Кроме баранины островитяне ели собачье мясо: ведь на острове водились крупные, похожие на овчарок собаки. Кстати, название островов произошло от латинского canis, что означает «собачьи». Меню островитян разнообразили дары моря — рыба, устрицы, крабы — в общем все, что можно было выловить непосредственно у самого берега.

Известно, что аборигены были весьма сведущи в искусстве врачевания. Подобно древним египтянам, гуанчи знали тайну бальзамирования трупов. Мумифицированные тела усопших помещались в пещеры, расположенные в труднодоступной горной местности. Рядом с мумией оставляли запас пищи и разнообразные предметы обихода.

Гуанчи были рослыми и стройными людьми. Среди них встречались как блондины, так и брюнеты. В строении их лиц были характерны выступающие скулы.

Общество гуанчей подразделялось на королевскую фамилию, знать и простой народ. На острове Гран-Канария короля избирали на специальном совете. Ему полагалось иметь жену также из королевской семьи, причем не возбранялось жениться на родной сестре. Хотя у гуанчей главенствовали мужчины, женщины также играли важную роль в общественной жизни, и когда началась борьба с завоевателями, они сражались против них бок о бок со своими мужьями и братьями.

У аборигенов Канарских островов существовал культ священных девственниц, живших уединенно в горах и питавшихся лишь растительной пищей.

К сожалению, изучать обычаи и нравы этого народа европейцы начали лишь после того, как он фактически прекратил свое существование в результате ассимиляции и массового истребления колонизаторами. Поэтому сведения, которыми мы располагаем об обществе гуанчей, скудны и разрозненны.

Археологи нашли на островах наскальные письмена и рисунки такого же типа, как во Франции и Ирландии. Пока они не расшифрованы. Ученые считают, что язык гуанчей был близок

к берберскому. На восточных островах существовало звуковое письмо, на западных — иероглифическое. Это говорит о том, что племена гуанчей были чрезвычайно разобщены, они вели поистине «островную» жизнь, и водные преграды даже в несколько десятков километров были для них почти непреодолимы.

Удивительно и непонятно: у этого островного народа не было никакого флота, хотя бы простейших лодок. А ведь их предки могли попасть на острова только морским путем. Почему же гуанчи не сохранили навыки мореплавания? Да, недаром происхождение этого народа считается одной из величайших загадок истории!

...С середины XIV века гуанчей стали поставлять на средиземноморские рынки рабов. А вскоре и сами острова превратились в предмет купли-продажи. Активное участие в этой торговле принимала церковь. В 1334 году папа Клемент VI «уступил» Канары за 400 золотых флоринов вместе с рядом других дальних островов некоему Луису Серда— авантюристу, известному под именем Принца Удачи.

В 1402 году король Кастилии Генрих III пожаловал Нормандскому дворянину Жану Бетанкуру титул короля Канарских островов. Несмотря на героическое сопротивление Гуанчей, Бетанкуру удалось завоевать острова Лансароте, Фуэртевентура и Иерро. Но попытки захватить Гран-Канарию не увенчались успехом и стоили ему многих жертв. В 1405 году он возвратился во Францию, а королем здесь стал его племянник Масиот Бетанкур. Но тот в конце концов распродал острова, которые впоследствии стали переходить из рук в руки испанских и португальских феодалов.

С каждым годом все больше кораблей направлялось в поисках легкой наживы к берегам Канарских островов. В середине XV века испанец Гарсиа Эррера сумел построить форт в Гандо, на месте нынешнего аэродрома Лас-Пальмаса. Но когда испанцы стали проникать на территорию, где жили священные девственницы, возмущенные гуанчи напали на испанцев и разрушили их крепость.

Начиная с 1477 года, после брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, испанская экспансия усиливается. На Гран-Канарию высаживается отряд под командованием идальго Хуана Режона. Это его именем названа улица в припортовом районе Лас-Пальмаса. Гуанчские племена на острове разделялись в то время на две части: одна возглавлялась Дорамасом, другая — Тенесором. Режону удалось покорить большую часть гуанчей. Дорамас пал в бою, и его голова была выставлена на обозрение

для устрашения непокорных гуанчей. Тенесора заключили в тюрьму, а позже привезли в Испанию и крестили.

Только к 1483 году сопротивление гуанчей было окончательно сломлено. Поскольку наиболее яростным оно было на Гран-Канарии, этот остров и получил название Великий.

Когда я отвлекся от мыслей о прошлом архипелага, час был уже поздний. Но спать не хотелось. Я вышел на палубу. По правому борту, прижатому к молу, было сумрачно и пустынно, у трапа маячила одинокая фигура вахтенного, по левому — за лесом мачт безмолвными огнями сиял город.

Я поднялся палубой выше. На юте прохаживалось несколько полярников. Еще не со всеми познакомился я за эти первые дни плавания, но одного из бодрствующих, гидролога Василия Евграфовича, приметил давно. Лицо у него было доброе, располагающее и немного растерянное; последнее объяснялось, может быть, тем, что он вот-вот должен был стать отцом. Уже в самом начале экспедиции с нашим гидрологом произошел казус. Он впервые отправился в Антарктиду. Кто-то из бывалых полярников, любящих делиться опытом, рассказал ему о частых нарушениях радиосвязи, вызываемых магнитными бурями, полярными сияниями и прочей «чертовщиной», и посоветовал отправлять радиограммы, особенно праздничные, загодя. И вот, чтобы наверняка застраховаться от сюрпризов коварного магнитного поля Антарктики, Василий Евграфович отправил новогоднее поздравление домой еще из Ленинграда, разумеется, с просьбой вручить накануне Нового года.

Однако уже на второй день плавания судовой радист, ухмыляясь, вручил Василию Евграфовичу радиограмму от жены, в которой содержалась просьба не злоупотреблять спиртными напитками. Иным она не могла объяснить себе его новогоднее поздравление в ноябре. Само собой, эта история стала достоянием экспедиции, и Василию Евграфовичу искренно сочувствовали.

Сейчас гидролог сосредоточенно вышагивал взад и вперед по палубе. В ожидании скорого отцовства он теперь часто пребывал в возбужденном состоянии. Не спал еще и пассажирский помощник капитана. В его каюте горел свет.

С пассажирским помощником вся экспедиция была уже хорошо знакома. К концу первой недели он почти со всеми был на «ты», запросто заходил в каюты, рассказывал анекдоты и громче всех хохотал над ними. Любил спеть и сплясать в компании, но душу отводил, уединяясь в каюте и наигрывая на тромбоне всегда одну и ту же мелодию: «Марш Черномора». Фамилия пассажирского помощника была звучная, обязывающая —

Муромец, и звали соответственно Ильей. Разумеется, в экспедиции его тут же окрестили Богатырем.

На этот раз пассажирский помощник не музицировал. Увидев нас, он высунулся из иллюминатора:

— Вечерний моцион, наука?

— Да, перед сном.

— А мне не до сна, списки готовлю. На завтра экскурсию организуем. Для вас, для науки, между прочим, стараемся.

— Отлично! — одобрили мы с Василием Евграфовичем.

— Вот у вас, говорят, литература какая-то есть.—Он покосился на книжку о Канарах в моих руках. — Дайте посмотреть, может, сгодится что для экскурсии.

Я протянул книгу в иллюминатор.

— Ну ладно, ребята, — он неожиданно посерьезнел. — Спокойной вам ночи. Мне еще дел невпроворот.

Голова его, сверкнув лысиной, нырнула в иллюминатор, рука задернула штору.

Мы сделали еще круг по палубе и разошлись по каютам.

КОНТИНЕНТ В МИНИАТЮРЕ

Казалось невероятным, что в пределах этого небольшого округлого острова может встречаться столь разнообразная растительность, а климат быть столь же различным, сколь непохожи друг на друга характеры людей.

Кармен Лафорет

Утром прямо к трапу подали автобус. Наш гид, молодой смуглый канарец, у которого я по-английски их куда мы направимся, пробормотал в ответ что-то по-испански. В дальнейшем он ехал молча, лишь изредка принося отдельные слова, чаще всего названия местечек, которые мы проезжали. Я положил на колени книгу, на развороте которой была карта Гран-Канарии.

Из Лас-Пальмаса в разные концы острова идут три основные дороги: южная, центральная и северная. Мы поехали по центральной. Миновав город, дорога сразу же устремилась вверх по гористым склонам. Вскоре исчезли последние городские постройки, осталось позади здание тюрьмы, одиноко высящееся на выжженной солнцем площадке. Стали встречаться банановые плантации — небольшие пятачки пышной зелени на уступах гор. Глядя на примыкающие к крохотным оазисам сухие бесплодные склоны, можно было представить, сколько усилий нужно было затратить, чтобы создать эти зеленые островки.

Сухие ветры, дующие из Африки, иссушают почву. Она требует постоянного орошения, а воды на острове мало. Постоянных рек нет, а временные летом пересыхают. С большим трудом накапливают крестьяне пресную воду — главным образом во время редких, но обильных ливней.

— Бананы, — произнес в микрофон наш гид и снова надолго замолчал.

Бананы — основная сельскохозяйственная культура Гран-Канарии: остров ежегодно экспортирует свыше трех миллионов банановых гроздьев, существует даже народный праздник —день покровительницы этого растения. Однако бананы, без которых сейчас немыслимо представить Канары, начали выращивать здесь лишь со второй половины прошлого века. А до этого на островах

занимались главным образом виноградарством и виноделием. Ныне площади виноградников сократились. Бананы оказались здесь самой рентабельной культурой. Основная их часть вывозится в континентальную Испанию.

Автобус, урча, забирался в горы. Банановые плантации вскоре исчезли: выше 400 метров над уровнем моря бананы на Гран-Канарии не культивируются. Зато стали попадаться участки... картофеля. Оказывается, это третья по значению сельскохозяйственная культура архипелага. Мягкий климат островов позволяет собирать три урожая картофеля в год. Выращиванию картофеля, который очень любят на Канарах, способствует то обстоятельство, что его можно возделывать между банановыми деревьями. Эти две культуры прекрасно уживаются друг с другом.

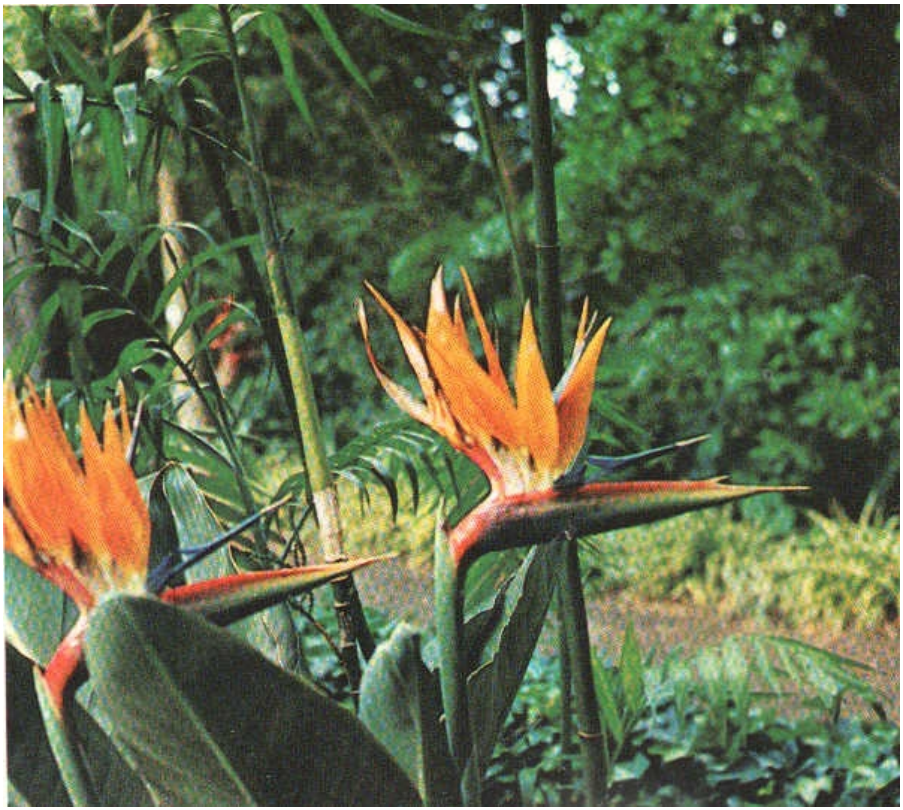
Второе же место после бананов занимают помидоры. Дорогу, которая ведет от Лас-Пальмаса на юг вдоль побережья, называют помидорной, так как вдоль нее располагаются основные посадки томатов. С ноября по апрель на острове собирают до 100 тысяч тонн помидоров. Их основная масса экспортируется в Англию и страны Северной Европы.

Из овощей на острове выращивают также огурцы, лук, перец, бобы. Возделывают здесь и другие полезные растения: табак, сахарный тростник, хлопчатник. На острове немало фруктовых садов. Однако все эти культуры занимают сравнительно небольшие площади. Табачным фабрикам острова, выпускающим высококачественные сигареты и сигары, не хватает собственного сырья.

А дорога забиралась все выше и выше. У меня появилась надежда, что мы доберемся до центральной части острова. Там на высоте около двух тысяч метров сохранились реликтовые сосновые леса, описанные Кармен Лафорет: «...среди хаоса гор, видных из порта Техеда, под стражей южных вершин Нубло и Бентайги, на многие километры тянутся сосновые леса, жаркие, сухие, выросшие на вулканической почве».

Но планы экскурсии были иными. Нас везли к кратеру древнего вулкана Бандама, на высоту всего лишь 600 метров. На поворотах можно было прочесть гигантские рекламные надписи, выложенные цветными камнями: «Летайте самолетами компании «Иберия»», «Пейте виски «осборн»». Наш автобус продолжал набирать высоту. На склонах появились заросли древовидных канарских молочаев, кактусов, а вдоль дороги запестрели пятнистые стволы эвкалиптов.

Природные условия Гран-Канарии очень разнообразны. Путешествуя по острову, можно увидеть заросли кактусов и агав, эвкалиптовые и сосновые леса, участки песчаной пустыни и оазисы пальм.



Здесь встречаются растения — пришельцы из далеких стран. Семена одних были принесены сюда птицами, ветром, течениями, другие были специально ввезены человеком. Один из экзотических цветков, освоившихся на острове, — райская птица (Strelitzia reginae). Родина его — Южная Африка.

И вот наконец взору открылся кратер Бандама — гигантская воронка диаметром более километра и глубиной около 200 метров. По бортам воронки виднелись застывшие пласты лавы, которая когда-то бурлила в этом котле и выплескивалась через край.

Вулканическая деятельность на Канарских островах продолжается. Кратеры, потоки застывшей лавы встречаются здесь повсюду. В 70 километрах от Гран-Канарии, на Тенерифе, последнее извержение произошло в 1909 году. На острове Пальма находится самый большой на Земле вулканический кратер — Ла-Кальдера — воронка глубиной более двух километров. Раз в пять лет в этом кратере устраивается народное празднество.

Подземные толчки, вызывающие легкие землетрясения, для

канарцев обычное дело, и на них не обращают особого внимания.

Большинство исследователей считают Канары цепочкой третичных вулканов, поднявшихся из глубин океана. По мнению других, острова имеют единую тектоническую основу с Африканским материком, представляя собой продолжение горных цепей Атласского хребта. Есть и еще более смелое предположение, согласно которому острова — остатки легендарной Атлантиды, погрузившейся в морские пучины. Любопытно, что эта последняя гипотеза, не находящая научного обоснования, могла бы достаточно логично объяснить происхождение гуанчей и отсутствие у них навыков мореплавания. Если бы Атлантида существовала именно в этом месте, гуанчи могли бы прийти сюда по суше, а, живя в горах, как пастушеское племя, могли уцелеть, когда земная твердь разверзлась и океан поглотил Атлантиду. Но, увы, наука не нашла фактов в пользу этого предположения.

Обрывистые скальные склоны гигантского кратера Бандама внизу сглаживаются, сменяются осыпями, поросшими чахлым кустарником, и наконец переходят в ровный пятачок — дно кратера. И здесь, в самом чреве вулкана, на дне адского котла, который, возможно, вот-вот закипит, мы обнаружили мирный сельский пейзаж: участок возделанной земли и крохотную ферму в окружении плодовых деревьев. Приглядевшись, различили и тропинку, взбирающуюся среди кустарника на край воронки.

Трудно представить, как можно жить на дне кратера вулкана, куда солнце заглядывает лишь ненадолго, а в остальное время дня глубокие тени перемещаются по склонам каменного мешка. Кажется, стоит спуститься сюда — и начнешь мыслить в рамках этого ограниченного пространства; стены кратера заслонят окружающий мир...

На площадке у края кратера устроена стоянка для туристских автобусов. В магазинчике торгуют: сувенирами, открытками, изделиями из дерева, кожи. К услугам туристов прохладительные напитки — пиво, соки, неизменная кока-кола.

Для путешественников на Канарах существуют самые разнообразные виды транспорта.

После непродолжительной остановки снова в путь. Наш гид по-прежнему немногословен, и нам остается только догадываться о дальнейшем маршруте. Узкая ухоженная дорога то взбирается на гору, то ныряет в живописные долины: по склонам гор рассыпаны разноцветные домики в мавританском стиле, окруженные цветниками и садами.

Наш проводник, пробуждаясь от спячки на крутых поворотах, изрекает названия поселений: Санта-Бриджида, Сан-Матео... Это курортные городки. Здесь можно отлично отдохнуть: подышать целительным горным воздухом, полюбоваться живописной природой. На острове есть и свои целебные источники. Долина Беррасалес — всего в 57 километрах от Лас-Пальмаса — славится углекислыми водами, помогающими при ревматизме и артритах.

В узкой долинке мелькнула группа женщин, стирающих белье у запруды; за поворотом показался рекламный щит виски «белая лошадь» — вставший на дыбы конь с роскошным хвостом и гривой.

Вдоль дороги разбиты виноградники, огороженные высокими каменными заборами с вмазанным битым стеклом, но идиллически оплетенными голубыми вьюнками.

Мы минуем перевал на высоте тысяча метров и медленно движемся среди лиственных и хвойных деревьев — лавров, канарского земляничника, древовидного вереска, канарских

сосен. Гран-Канарию называют континентом в миниатюре. По склонам гор здесь растут тропические леса, а в прибрежных районах можно увидеть засушливые песчаные пустыни с пальмовыми оазисами.

Среди местных растений меня особенно интересовало драго — дерево-долгожитель, способное жить несколько тысяч лет. Его обычно называют драконовым деревом. Оно встречается только на Канарах, сохранившись здесь с третичного периода. Климат островов мало изменился за прошедшие тысячелетия, и многие растения, вымершие в Средиземноморье, по-прежнему растут и цветут на Канарах. Из 1500 видов растений примерно треть — местного происхождения. Остальные — пришельцы из других стран, легко приспособившиеся к здешним благоприятным условиям.

Дикую растительность теснят плодовые деревья. Сосновые, эвкалиптовые, лавровые леса соседствуют с рощами апельсинов, авокадо,с яблоневыми и грушевыми садами. Всюду видны старательно возделанные участки и оросительные каналы.

Автобус ныряет в глубокую цветущую долину, и мы въезжаем в опрятный городок.

На центральной площади наш гид провозглашает:

— Терор. Стоянка.

Терор — своеобразный старинный городок. Над его узкими улицами низко нависают деревянные резные балконы домов, многие дверные проемы сверху украшены полустершимися гербами. Здесь живет около десяти тысяч канарцев. Нас подвозят к самому интересному в городе зданию — базилике Святой девы дель Пино. Дева эта покровительствует острову и его основному кормильцу — банановому дереву.

Базилика Святой девы дель Пино, покровительницы бананового дерева, — одна из достопримечательностей острова.

В полутьме храма тускло поблескивает золотом алтарь, сбоку — кафедра, украшенная каменьями, распятие.

Из притвора выходит старик и обращается к нам по-испански. Возможно, он спрашивает, кто мы и зачем оказались здесь, или рассказывает о празднике святой девы, который отмечается ежегодно в начале сентября.

Выслушав старца, мы прощаемся с ним и выходим из храма. Пора в обратный путь. На узкой улочке наше внимание привлекает красочный бар. Заглянув внутрь, видим на полках за спиной хозяина батареи расфранченных бутылок и гроздья бананов. Мы изрядно проголодались и решили отдать должное главной культуре острова. Бармен предлагает нам превосходный канарский ром, который доставляют ему из соседнего городка Арукаса. Мы готовы сдаться, но как раз в этот момент сигналит наш автобус.

От Терора до Лас-Пальмаса немногим больше 20 километров. Пересекаем еще несколько узких долинок — и вот снова пригороды Лас-Пальмаса. Мы спускаемся к городу с другой, западной стороны, прямо в район порта. По склонам лепятся друг к другу маленькие домики. Они совсем не походят на богатые виллы курортных городков, но и им не откажешь в живописности.

Ветер доносит запах гнилой рыбы, но наш доктор уверяет, что так «благоухают» крабы. Где-то поблизости располагается

рыбоконсервный завод. Рыбный промысел, переработка улова играют немалую роль в жизни островитян, обеспечивают работой тысячи жителей архипелага. Тунцы и бонито, сардины, кефаль, осьминоги, омары, крабы, креветки, устрицы — вот далеко не полный перечень полезных обитателей местных вод. А неподалеку, у берегов Сахары, находятся еще более богатые рыбные «пастбища», куда также наведываются канарские рыбаки. Кроме консервов, канарцы заготавливают большое количество соленой и сушеной рыбы, получают различные побочные продукты — рыбий жир, рыбную муку.

Автобус минует поворот на полуостров Ислета, то самое «кошачье ухо», где установлено орудие, которое мы заметили еще с борта судна. Путь на полуостров преграждает шлагбаум.

Внизу как на ладони огромный порт, второй по грузообороту в Атлантике. Наше судно уже не стоит у пирса, а выведено на внешний рейд. Очевидно, долго находиться в порту — непозволительная роскошь.

— Будем кантоваться на шлюпках, — замечает доктор, — причал рядом с площадью Каталины.

Через пять минут мы уже на знакомой площади, возле причудливого здания гостиницы, похожего на водонапорную башню. Прежде чем сесть в шлюпку, я захожу в расположенное поблизости туристическое агентство. Там великое множество всяких проспектов, рекламирующих поездки по различным городам Испании: Толедо, Барселона, Мадрид.

— О Канарских островах есть что-нибудь? — спрашиваю я у скучающего в одиночестве представителя агентства.

Он достает три тоненьких проспекта: один о архипелаге, другой — об острове Гран-Канария, третий — о Лас-Пальмасе.

— Спасибо, — говорю я и даю ему на память советскую марку, посвященную Антарктиде.

Он с удивлением рассматривает ее, затем расплывается в довольной улыбке, лезет куда-то под прилавок и протягивает крохотную баночку.

— Сувенир, — поясняет он мне, — наши канарские оливки.

Чего только нет на Канарских островах!

CASA DE COLON

Город начинается на полуостровке, где расположен порт, тянется дальше по перешейку, окаймляет бухту и, захватывая район парков, лежащий напротив порта, простирается вдоль берега, оканчиваясь кварталами Триана и Вегета. Здесь подлинное сердце города.

Кармен Лафорет

На следующее утро мы с первыми шлюпками вновь отправляемся на берег. Мне не терпится попасть старинный район Лас-Пальмаса, к музею Колумба и в музей гуанчей. Любителей старины среди нас оказалось не так уж много. Ко мне присоединяются лишь Василий Евграфович и доктор.

Автобус везет нас на юг вдоль побережья по длинной улице Леон-и-Кастильо, названной в честь феодальных королевств на территории Пиренейского полуострова. Леон-и-Кастильо переходит в парадную, сверкающую витринами Триану. Эта тесно застроенная прибрежная полоса между морем и холмами — самый старый район города, основанного испанцами во второй половине XV века, в годы правления Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Лас-Пальмасу — пятьсот лет, столько же, сколько самой Испании. Ведь история этой страны, как единого государства, начинается с объединения Кастилии и Арагона, последовавшего за браком Изабеллы и Фердинанда.

Мы выходим на конечной остановке у здания театра, носящего имя Переса Гальдоса. Отсюда уже рукой подать до Вегеты — так называется старинный квартал, где находится Музей Колумба.

На углу одной из улочек, примыкающей к театральной площади, многолюдно. У моста, переброшенного через Гинигуаду — неширокий овраг, рассекающий город и выходящий к самому морю, идут строительные работы — расчищается и укрепляется русло. Сейчас по нему сочится жалкий ручей, но в дождливое время сюда устремляются бурные потоки с гор, и на день-два овраг оживает. Конечно, именно с этого места смотрела на бег воды канарская девочка, юная Кармен Лафорет: «Подобно всем

островитянам, она обожала воду, основу жизни, воду, которую здесь жадно собирают до последней капли...»

Тут же рядом прямо на улице седой старик продает в клетках с виду непримечательных птиц, размером чуть побольше воробья, и утверждает, что это знаменитые певуньи канарейки. Канары — родина этих птиц. Отсюда еще с конца XV века их стали завозить в Европу.

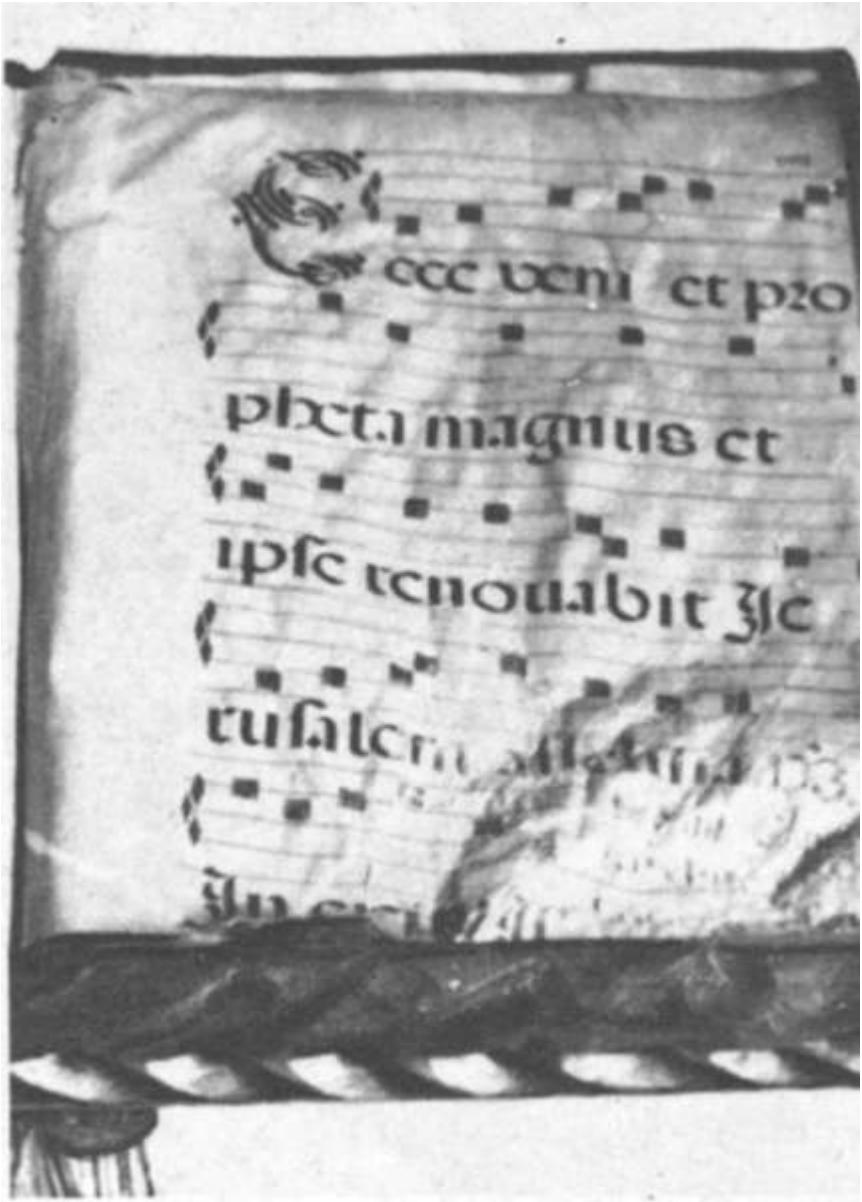
Улица, ведущая к музею, сузилась. Начались кварталы Вегеты. Казалось, мы очутились в старинном испанском городе, перенеслись во времена Колумба, в век доблести и великих географических открытий, в век пиратства и святой инквизиции. Мы подошли к трехэтажному особняку с длинными балконами — бывшей резиденции военного губернатора Лас-Пальмаса, где пять всков назад ненадолго останавливался открыватель Нового Света.

В центральном квартале Вегеты располагается Casa de Colon — Дом Колумба.

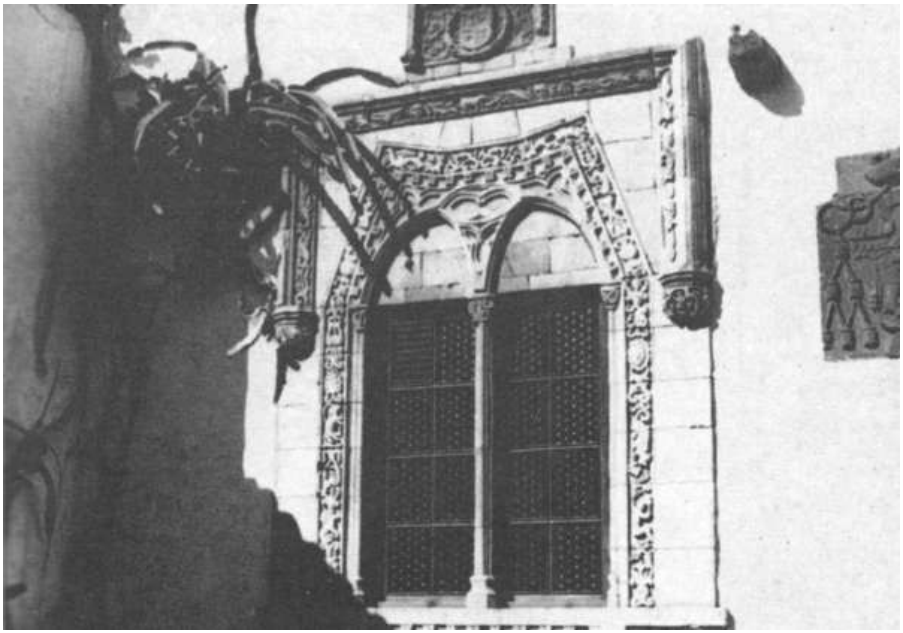
Каравеллы Христофора Колумба «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта» прибыли сюда летом 1492 года. Прожив на Канарских островах около месяца, Колумб ушел в плавание, сделавшее его знаменитым. Историки утверждают, что великий мореплаватель еще трижды побывал на островах, последний раз — в 1502 году. Существует предание, что Колумб был влюблен в Беатрис де Бобадилью — кастильскую девушку с острова Гомера, это и

побуждало его вновь и вновь возвращаться на Канары.

Сейчас особняк, где в те достославные времена находилась резиденция военного губернатора, — исторический музей CASA DE COLON, то есть Дом Колумба. Почти никто сейчас не знает, и мало кто интересуется, кто был владельцем этого дома, всесильным губернатором города. Немало было затем правителей, чьи имена бесследно растворились во мраке времени. Помнят же и чтят не их, власть имущих, а знаменитого мореплавателя.

В Доме Колумба собраны редкие исторические документы обихода, которыми пользовались как испанцы, так и покоренные ими гуанчи, старинное оружие; можно полюбоваться и картинами знаменитых живописцев, например Веронезе и Моралеса. Во внутреннем дворике — патио — сидят на специальных подставках большие яркие попугаи на цепочках: экзотические птицы были непременной принадлежностью домов испанской знати.

Экспонаты Дома Колумба: старинная испанская книга, в которой упоминается о заходе каравелл знаменитого мореплавателя на Канарские острова.

Экспонаты Дома Колумба: ручная мельница из базальта. Гуанчи — коренное население Канар — растирали в ней зерно.



Патио — внутренние дворики испанских домов; нередко они украшены вьющимися растениями, скульптурами, барельефами.

Нашему доктору не терпелось скорее попасть в музей с мумиями гуанчей, и он тянул нас на улицу. Я развернул туристский проспект с планом города, чтобы выяснить, где же находится этот музей. Оказалось, что он в нескольких кварталах от Дома Колумба, на улице Верно. На карте музей был назван Канарио.

— Улица, где находится Канарио, названа именем профессора Верно, который занимался изучением черепов гуанчей и обнаружил их сходство с кроманьонцами, — объяснил нам доктор.

Мы едва поспевали за ним. Я было задержался возле кафедрального собора Святой Анны, построенного еще во времена Колумба, но наш бородач не давал нам остановиться. По дороге он рассказывал:

— Еще в студенческие годы я интересовался тайнами бальзамирования. Это тонкое искусство, требующее огромных знаний. Немногие древние народы владели этим мастерством —

египтяне, инки и местные аборигены. Гуанчи бальзамировали умерших так же, как египтяне, но составы бальзамов были у них, конечно, разные. На Канарах, например, использовали при бальзамировании сок драконового дерева. К сожалению, кладбища гуанчей были разграблены еще в средние века. Мумиями торговали моряки, из праха аптекари готовили различные снадобья. А иной раз мумии использовались даже как топливо.

Тем временем мы уже подошли к музею на улице Верно. Но нам не повезло: он был закрыт. Раздосадованный доктор пытался уговорить сторожа пропустить нас, но тот был непреклонен, объяснив нам, что как раз сегодня в музее санитарный день.

Мы вернулись на площадь, к собору Святой Анны.В центре сквера перед храмом, на каменных плитах ворковали стайки голубей. На лавочках сидело несколько смуглых женщин, а рядом на площадке резвились малыши, потомки безжалостных конквистадоров и обездоленных гуанчей. По углам сквера застыли бронзовые собаки, верно, те самые, честь которых названы острова.

После музея ноги сами собой устремляются к скамейке, в тень пальмового дерева. Мы отдыхаем, и мысли снова возвращаются к истории острова.

СВЯТОЙ ОТЕЦ, ДЕРЕВЯННАЯ НОГА И АДМИРАЛ НЕЛЬСОН

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Роберт Льюис Стивенсон

После окончательного покорения островов испанцами, которое было завершено к концу XV века, мир и спокойствие не балуют его жителей. Пираты, корсары, флибустьеры, люди без роду и племени (история сохранила лишь их отдельные имена, а чаще прозвища) облюбовали острова и сделали их уютные, укромные гавани своими убежищами. Эта своеобразная пиратская «республика» просуществовала почти четыре столетия.

Одно из первых пиратских нападений произошло в Канарских водах в 1552 году, когда пират Жан Флорин атаковал испанский корабль и похитил часть сокровищ Монтесумы, которые Кортес вывозил из Мексики. Впрочем, можно ли считать такое нападение пиратским? По сути, один грабитель грабил другого.

В 1543 году известный в те времена морской волк Жан Альфонсо Сентонж вошел в гавань Лас-Пальмаса и захватил три груженных сахаром корабля. В 1551 году Менжун Кабан безуспешно пытался завоевать остров Лансароте. Вскоре после этого другой пират, по прозвищу Святой Отец, ворвался в гавань Ла-Лус; намереваясь разграбить галеры, возвращающиеся в Испанию из Индии. Однако эта попытка не увенчалась успехом.

Пиратов, очевидно, было великое множество, некоторых сохранились скупые сведения. В 1553 году пират Деревянная Нога атаковал город Санта-Крус на острове Пальма. Через шесть лет его «коллега» Калафат захватил остров Лансароте. В последующие годы Жак Сорес грабил португальские корабли вблизи острова Пальма, который лежал на их пути в Бразилию. Жан Капдевиль в 1571 году высадился на остров Гомера и сжег его столицу.

Было бы наивно думать, что испанские колонизаторы лишь оборонялись. Их корабли, снаряженные на островах, то и дело совершали разбойничьи рейды к берегам Африки для захвата рабов.

В 1599 году датский командор Ван Дер Доез привел в Лас-Пальмасскую гавань целый флот из 75 кораблей. Осадив город,

он потребовал выплатить ему 400 тысяч дукатов. Однако островитяне сумели дать отпор, и датчане вынуждены были отступить.

В XVII веке активизируются англичане. В 1657 году адмирал Блейк при попытке захватить Санта-Крус на Тенерифе потерял более пятисот человек.

Наконец, последнее нападение было совершено выдающимся английским флотоводцем адмиралом Нельсоном в 1798 году. За четыре года до этого он потерял при взятии корсиканского города Бастии правый глаз. Атака Санта-Круса стоила ему правой руки, но лавров не принесла.

Только начиная с XIX века шум сражений на островах стал стихать. Однако теперь при отсутствии внешних врагов возрастает соперничество между самими островами. На право быть столицей Канар претендуют два наиболее крупных города — Лас-Пальмас и Санта-Крус. В 1852 году испанская королева Изабелла II провозгласила канарские гавани свободными портами, где разрешалась беспошлинная торговля. С этого времени экономическое положение Канар заметно улучшается, а порты Лас-Пальмас и Санта-Крус начинают играть важную роль во внешнем торговом обороте Испании. В 1912 году острова были подразделены на две самостоятельные провинции — восточную и западную — со столицами Лас-Пальмас и Санта-Крус. Спор за первенство между этими городами закончился «ничьей».

В последующие годы история Канар тесно связана с событиями европейской и мировой политики. В июле 1936 года на островах вспыхнул фашистский мятеж против республиканской Испании. А во время второй мировой войны здесь размещалась база германского подводного флота, осуществлявшего разбойничьи операции в Атлантике.

ПОД СЕНЬЮ ДРАКОНОВОГО ДЕРЕВА

Это старое-престарое дерево с человеческой душой. Дерево, чей толстый перекрученный ствол напоминает страстное сплетение человеческих тел...

Кармен Лафорет

С площади Святой Анны не хотелось уходить. Вегета с ее маленькими домиками, узкими улочками, над которыми, как и в Тероре, нависают резные деревянные балконы, привлекала тишиной и покоем.

Однако старинный район невелик. Внушительные, но безликие здания из бетонных блоков и металлических конструкций со всех сторон наступают на Вегету и придают Лас-Пальмасу вполне современный облик. Сейчас в городе 260 тысяч жителей, около половины всего населения острова, а пять лет назад было на 80 тысяч меньше. Город бурно развивается. Канарские острова стали одним из наиболее оживленных туристских центров. На Гран-Канарию ежегодно приезжают отдыхать свыше четверти миллиона человек, и еще столько же — в качестве транзитных пассажиров, подобных нам. Здешний аэропорт, второй по Величине в Испании после Мадрида, связан с крупнейшими городами мира — Лондоном, Парижем, Стокгольмом, Осло, основными центрами Северной и Западной Африки. На Канарских островах пересекаются многие авиалинии, идущие через Атлантику. К услугам приезжих отели, пансионаты и кемпинги — как в самом городе, так и на всем острове. Обслуживание туристов давно превратилось здесь в своего рода «индустрию», приносящую немалый доход.

Городским постройкам стало тесно на узкой прибрежной полосе, и город начал карабкаться вверх по склонам холмов. «Лас-Пальмас, подобно Риму, расположился на семи холмах» — эту фразу можно было прочитать в любом рекламном проспекте. Мы не стали подниматься наверх, в новые кварталы, а пошли назад, к порту, стараясь не удаляться от моря. Стояла ласковая, солнечная погода, какая у нас бывает в средней полосе в самый разгар весны — не зря Канары называют островами вечной весны.

Вегета — исторический центр Лас-Пальмаса. Уголок площади перед зданием муниципалитета.

На нашем пути оказался парк, носящий имя Дорамаса (помните, так звали одного из последних вождей гуанчей, которому испанцы отрубили голову). Нам неудержимо захотелось побыть в тени экзотических деревьев.

В парке немало диковинных пальм, кактусов, но наше внимание привлекло драконовое дерево. Его гигантский ствол, на удивление, расширяется не только книзу, но и кверху, а тянущиеся к небу, тесно переплетающиеся голые ветви походят на натужные жилы. Оно появилось на свет задолго до того, как сюда пришли европейцы, было немым свидетелем поражения гуанчей, событий новой и новейшей истории, и сколько ему еще предстоит увидеть... С удивлением и восхищением взирали мы на это мощное дерево, которое с равным основанием можно назвать и уродливым и прекрасным.

Я дополню свои впечатления о драго словам Кармен Лафорет: «...твердые листья его кроны, заостренные, словно иглы, царапают мягкий шелковистый воздух, и под корой течет красный сок... Если нож поранит его, наружу брызнет не свежий водянистый сок — из его плоти будет сочиться кровь, как из раненого человеческого тела».

Недаром гуанчи обожествляли это дерево. Гибель его, по их представлениям, предвещала несчастье, зато цветение сулило хороший урожай. Сок драго, как уже рассказывал нам доктор, использовался при бальзамировании: им натирали кожу усопших. Позднее, после захвата островов европейцами, сок дерева, «драконова кровь», шел на приготовление лекарств. Его использовали при лечении желудка, кожных язв. Из него добывали золотую краску, которой красили свои волосы европейские модницы.

В конце парка за решетчатой оградой поблескивали изумрудные дорожки плавательных бассейнов, а чуть в стороне из-за глухой стены доносились негромкие голоса и тугие удары теннисного мяча. В парке размещается также зоопарк и так называемый Пуэбло Канарио (этнографический музей), где дважды в неделю проводятся концерты народных песен и танцев. Я представил, как одетые в яркие национальные наряды танцоры: женщины в широких цветных юбках колоколом с кружевными передниками, белоснежных блузках и темных маленьких шляпках гордо выступают рядом с напористыми, темпераментными партнерами в белых бриджах, заправленных в замшевые сапожки,

светлых рубашках и цветных жакетах в талию. Музыканты наигрывают на тимпле — маленькой пятиструнной гитаре. Медленная мелодия сентиментального канарского танца «Фолио» сменяется огненной, стремительной «Исой».

День клонился к вечеру. И хотя у нас еще было желание забежать на знаменитый пляж — Лас-Кантерас, все же, увидев указатель ZOO, мы решили хотя бы бегло ознакомиться с представленной здесь фауной.

Зоопарк был компактный и уютный. Прямо у входа в клетках мы увидели обезьян. Флегматично ходили павианы, шимпанзе раскачивались на трапециях. В другом уголке зоопарка, в тени, на влажной, обильно политой земле стояла пара розоватых фламинго. Он грустно созерцал окружающий мир, она копошилась длинным клювом в мокром песке у его ног.

Чей-то пристальный взгляд заставил меня обернуться. Сзади из-за толстых вертикальных прутьев решетки на меня смотрел большой бурый медведь, кто знает, возможно, наш соотечественник. Был он худ, обтрепан, шерсть свалялась и кое-где висела клочьями. Я понял, что здешний зоопарк представляет экзотических для Канар животных. А нам хотелось бы увидеть местных птиц— ведь здесь обитают эндемичные виды дятлов, коршуны, грифы. Василий Евграфович очень интересовался потомками той самой породы собак, которая обитала на островах во времена гуанчей.

Но из клеток на нас флегматично глядели львы. Казалось, ничто не могло вывести их из этой своеобразной львиной нирваны.

Пройдя мимо клеток с пестрыми горбоносыми и хохлатыми попугаями, я невольно замедлил шаг перед просторной вольерой, где стояла большая белая красавица лама. Ноги ее, казалось, вросли в землю, свою маленькую головку с большими наивными глазами она повернула в мою сторону. Во взгляде ламы было доверие, беззащитность и в то же время святая уверенность в том, что на свете все же так много прекрасного!

— Если так будем канителиться, на пляж не успеем, — пробасил над самым ухом доктор.

«ОСТРОВА БЛАГОДЕНСТВИЯ»?

Пляж Лас-Кантерас расположился совсем рядом с портом, по другую сторону узкого перешейка, идущего к «кошачьему уху» — полуострову Ислета. Полоса золотистого песка выгнулась дугой на несколько километров. Залив отделен здесь от открытого моря береговым рифом — непреодолимым препятствием для акул. Кроме того, риф защищает лагуну от волнения, и купаться здесь можно даже в самые свирепые штормы. Вдоль пляжа тянется набережная, застроенная нарядными домами, в основном отелями. Постояльцы их не только наслаждаются видом на море, но и могут, накинув халат, пересечь полоску пляжа и ступить в воды океана. В разгар туристского сезона здесь яблоку негде упасть,но сейчас середина ноября, и на пляже только редкие любители морского купания.

Вода кажется нам теплой и очень соленой, с непривычки от нее щиплет глаза. К нашей группе тем временем подходит полисмен. Белые плавки доктора ему положительно не нравятся.

— Ох уж эти испанцы, эти пуритане, эти католики! — ворчит доктор, поспешно натягивая брюки.

Вдоль набережной под большими зонтами расставлены столики. По краю зонтиков крупно выведено одно-единственное слово YES. Очевидно, на любую вашу просьбу должен последовать такой ответ. Мы садимся выпить пива. Пиво холодное, бутылочное, марки TROPICAL. Официанты — молодые расторопные мужчины в черных брюках и белых рубашках.

За соседним столиком девушка и юноша, обнявшись, шепчут что-то друг другу. На песке спиной к нам стоит высокая стройная девушка в бикини. Мимо проходит босоногий хиппи в драных шортах, сделанных из обрезанных джинсов. С этой праздной картиной не вяжется возникшая на набережной фигура пожилой испанки в черном, несущей с озабоченным лицом тяжелую сумку с картошкой. Но она вскоре исчезает из виду. Чумазые ребятишки возятся у столиков. Один воровато обернулся, схватил оставленную недопитую бутылку кока-колы, отпил из нее, передал товарищу, потом аккуратно поставил на место.

Вдали разбивались о поросшие зеленоватыми водорослями рифы океанские валы. И на них можно было смотреть бесконечно...

Как только не именуют Канарские острова — и островами благоденствия, и островами удачи. Но простому люду здесь живется не так-то легко. Это проскальзывает даже в рекламных

изданиях. Особенно усугубил положение экономический кризис, который затронул и этот район Испании. Сократились строительные работы, из-за относительного повышения цен уменьшился наплыв туристов. Это оставило без работы многих простых тружеников архипелага. Крестьяне, любящие свою землю и желающие хозяйствовать на ней, далеко не всегда могут это осуществить. Удобной для возделывания земли на островах мало, и она дорога. Поэтому многие вынуждены эмигрировать в поисках заработка. Большинство уезжает в Южную Америку, где в течение многих лет каторжным трудом старается скопить нужную сумму для покупки на островах участка, где можно было бы разбить банановую плантацию и остаток своей жизни трудиться на родной земле.

...На город опустился вечер. На площади Санта-Каталины, как обычно, сверкают огоньки кафе. Но мы спешим на пристань. Здесь в ожидании шлюпок собрались наши полярники и моряки. Все толпятся кучками, обмениваются впечатлениями.

Немного в стороне стоит открытый катер с высокими бортами. Около него на причале прохаживается девушка с голубыми глазами и пышными волосами. Броская надпись на ее желтой майке призывает принять участие в ловле акул. Рядом на пристани вздернута на крюке двухметровая хищница с перекошенной зубастой пастью. В руках у девушки билетики. За 250 песет можно отправиться на увлекательную морскую охоту. Внизу в катере сидят двое пожилых широкоплечих мужчин в синих спецовках — исполнители этого трудного спектакля. Желающих сесть в катер немного: парочка влюбленных, которым все безразлично, главное, быть вместе, и пожилой рыжеватый господин с дамой в сомбреро — явные туристы. Больше никого. Девушка подходит к нашей группе, протягивает билетики. Но время нашего пребывания на островах истекло. Мы показываем на приближающуюся шлюпку, и она сразу теряет к нам интерес.

Специальный катер возит туристов на ловлю акул. Но даже с помощью эффектной рекламы трудно собрать желающих: курортный сезон закончился.

...Ночью мы покидаем Лас-Пальмас. Яркие огни набережной еще долго желтеют во мраке. А на рассвете с верхнего мостика я бросаю последний взгляд на север, где за кормой, за пепельной дымкой океана, растаяли острова вечной весны, в прошлом край света, а ныне одно из бойких мест земного шара; острова, с которым издавна у моряков было связано столько надежд и столько разочарований.

Глава вторая
ПОБЕРЕЖЬЕ ЗНОЙНОГО ЛЕТА

Абиджан (Abidjan), столица (с 1960) и гл. порт Республики Берег Слоновой Кости... Пищ., легкая, деревообр. пром-сть. Грузооборот порта 6 млн. т. в 1975...

СЭС

СТРАНА У ЭКВАТОРА

Во тьме над морем вспыхивали молнии. Они озаряли тяжелые темно-фиолетовые гроздья облаков. В разрывах между ними сияли звезды. Большая Медведица, непривычно перевернутая, висела над самым горизонтом: ручка ковша утопала в море. Было душно и влажно, легкий ветерок, разгуливающий по палубе, почти не приносил облегчения, в каютах было и вовсе нестерпимо: вышла из строя установка кондиционирования воздуха.

Необходимость пополнить запасы горючего, пресной воды и продовольствия вынудила нас отклониться от генерального курса на восток, к берегам Гвинейского залива. Наутро ожидался Абиджан — столица государства с необычным названием — Берег Слоновой Кости.

Большинство участников экспедиции никогда здесь не были. Вечнозеленые леса, экваториальные грозы, кровожадные крокодилы, разъяренные слоны, муха цеце — для полярников экзотика. Другое дело — киты, странствующие альбатросы, императорские пингвины — это для многих было привычным, обыденным. Но холодный юг, высокие широты еше далеко впереди. Пока же мы пришли едва ли не в самое жаркое место на земном шаре, и Африка властно завладела нашим воображением.

Глядя на географическую карту континента, вывешенную в музыкальном салоне, можно было по достоинству оценить Гвинейский залив, к побережью которого выходит около десятка африканских государств: Либерия, Берег Слоновой Кости, Гана, Того, Бенин, Нигерия, Камерун, Экваториальная Гвинея, Габон... В восточной части залива находится островок со звучным названием — Фернандо-По, вызывающий в памяти веселую, придуманную К. Чуковским путаницу географических названий: «Мы живем на Занзибаре, в Калахари и в Сахаре, на горе Фернандо-По, где гуляет Гиппо-по...»

— Ну, полярнички, набирайтесь тепла на экваторе, успеете еще померзнуть на полюсе! — советовал пассажирский помощник, наш Богатырь.

На кормовой палубе пробовали показывать кинофильм, но не было звука. Механик безуспешно копался в аппарате, стучал по динамику и в ответ на негодующие возгласы бурчал что-то о повышенной влажности. Потом неожиданно хлынул дождь, и палуба опустела.

Вот бы попасть в штурманскую, взглянуть на карту, где

прокладывают наш курс, полистать лоцию. Но как это осуществить? На экспедиционных судах, на которых я плавал раньше, моряки и полярники жили одним коллективом, работали и развлекались вместе — у нас были общие салоны для отдыха, общая кают-компания. Нередко нам приходилось подменять матросов на корабельных вахтах. Здесь же экипаж жил своей обособленной жизнью. Нас с комфортом везли в Антарктиду. Поили, кормили. Нам не приходилось дежурить на камбузе: чистить картошку, мыть посуду, исполнять обязанности официанта. Чистенькие молоденькие стюардессы дарили нам вежливые улыбки, но старались держаться на расстоянии. До встречи с нами экипаж обслуживал рейсы между портами Европы, а тут неожиданно судно послали на край света, в Антарктику. И вот уже третью неделю мы как пассажиры практически изолированы от экипажа. С нами общается только вездесущий пассажирский помощник.

Я поднялся наверх, прошел, никого не встретив, мимо каюты капитана и заглянул в ходовую рубку. В полумраке у картушки компаса спиной ко мне, чуть шевеля штурвал, стоял рулевой. Далеко впереди, прямо по курсу, горели огни какого-то судна. В углу рубки вырисовывался силуэт вахтенного. В штурманской было пусто. Я проскользнул к большму столу, где под настольной лампой лежала карта Гвинейского залива с крупной врезкой — планом порта Абиджан. Узкий канал вел из залива во внутреннюю лагуну. Там на берегу располагались причалы, якорные стоянки, больница, рыбный порт, склад древесины.

Над ухом кашлянули. Передо мной стоял пассажирский помощник. На этот раз он не смеялся, а смотрел строго и с укоризной.

— Внизу, в салоне, я специально для вас вывесил все необходимые материалы, а здесь служебное помещение. Старпом увидит — будут неприятности. Эх, наука!

Я извинился. Он скучно посмотрел на меня, но вдруг глаза его сверкнули:

— В Антарктиде, мне говорили, есть камни с гранатами с ноготь величиной?

— Есть, — подчеркнуто сухо ответил я.

— Надо бы достать для экипажа как сувенир.

— До Антарктиды еще долго плыть. А нельзя ли сейчас посмотреть лоцию Гвинейского залива?

— Лоцию не обещаю, за нее старпом мне голову оторвет! Но литературу кое-какую достану. Через часок сам в каюту принесу. Чего не сделаешь для науки.

...Внизу, в музыкальном салоне, около карты Африки

толпились полярники. Рассматривали очертания залива, читали историко-географическую справку о Береге Слоновой Кости, отпечатанную на машинке и прикрепленную рядом.

Экзотическое название страны появилось на португальских картах еще во второй половине XV века. Однако первые европейские поселения (французские) были созданы здесь только в 1637 году и просуществовали недолго. Новые партии колонистов прибыли лишь через 50 лет под охраной вооруженного отряда. Им уже удалось «пустить корни».

С середины XIX века французы начинают активно расширять свои владения в этом районе. Местное население находилось на разных ступенях социального развития — от родового строя до раннего феодализма. Французам удалось опередить англичан (основных соперников по колониальным захватам), первыми вступить в контакт с африканцами и навязать им ряд кабальных соглашений, а в 1888 году — договор о протекторате. Вслед за этим начался насильственный захват африканских территорий, обложение населения налогами, что сопровождалось многочисленными столкновениями, а порой и настоящими войнами с местными племенами. Восстания африканцев следовали одно за другим вплоть до конца первого десятилетия XX века и вынудили колонизаторов искать опору в лице местной знати.

Абиджан

После второй мировой войны движение за независимость усилилось. В 1958 году страна получила автономию в составе Французского сообщества, а два года спустя была провозглашена независимая Республика Берег Слоновой Кости.

Площадь этой страны — 322,5 тысячи квадратных километров (примерно такая же, как Норвегии), а живет в ней восемь миллионов человек (Приводятся данные на 1980 год — *Прим. авт.*) . Коренные жители — разноязычные африканские народы: бауле, анья, бете, сенуфо и другие. Государственный язык — французский.

После ужина в каюту зашел пассажирский помощник. В руках он держал карту и довольно толстую книгу под названием «Берег Слоновой Кости».

— Вот, — с гордостью сказал он, похлопывая по книге, — изъял из библиотеки старпома, до завтра. И не нужно копаться в лоции.

Как только пассажирский помощник ушел, я погрузился в чтение. Были здесь сведения о геологии (в этой стране можно было встретить породы того же типа, что и в Антарктиде), о рельефе (преобладают низменности, гор почти нет), о климате (у моря — постоянная высокая влажность, в глубине страны — чередование влажных и засушливых сезонов), о растительности (саванна и лесосаванна на севере, экваториальные леса на юге), о животном мире (исключительно богат и разнообразен) и т. д. Особенно подробно рассказывалось об экономике.

Французские авторы книг о Береге Слоновой Кости преподносят эту западноафриканскую республику как своего рода витрину капиталистического развития в Африке, всячески рекламируя ее достижения. Много говорится о том, что страна занимает ведущее место в Африке по производству кофе, какао и бананов, о внедрении новых экспортных культур — ананасов, гевеи, кокосовой и масличной пальм.

Однако плодами «экономического бума» в республике пользуется лишь незначительная прослойка сельских буржуа, а также так называемая «бюрократическая элита» — правящие круги, тесно связанные с неоколонизаторами. В то же время массам африканских крестьян внедрение капиталистических методов хозяйствования приносит лишь классовое расслоение, обезземеливание, разорение и безработицу.

Было уже за полночь, когда я, отягощенный полученными знаниями, уснул с книгой в руках.

БРЕМЯ ПОЗНАНИЙ

Ранним утром на палубе уже находилось несколько человек. Среди них был бородатый доктор и трое поляков, принимавших участие в сезонных работах нашей экспедиции. Палуба была мокрая, в сиденьях пластиковых стульев, не убранных после вчерашнего неудачного киносеанса, блестели лужицы воды. Все стояли у правого борта, всматриваясь в голубоватую пелену рассвета.

Наконец выплыло солнце, и проступили очертания берега: низкая ровная темная полоса. Сначала она словно висела в воздухе, отделенная от воды тонким светлым воздушным слоем. Потом очертания сделались рельефными, стали видны прибрежные леса. В одном месте над сплошной стеной деревьев поднимались клубы дыма — возможно, это был лесной пожар. Прямо по курсу сверкали на солнце большие баки с горючим, стеклянные фасады высотных зданий и уже совсем близко, у самого берега, блеснул глаз прожектора на башне маяка: приближался порт.

Мимо нас прошел американский лесовоз. На его палубе лежали бревна шоколадного цвета.

— Красное дерево, — кивнул Анджей, молодой польский биолог, похожий больше на киноактера, чем на ученого.

— Лес тут — главная после какао и кофе статья экспорта, — поделился я своими познаниями. — Однако сведе́ние лесов, расширение плантаций кофе и какао приводят к истощению земли и катастрофической эрозии. Возникли серьезные экологические проблемы.

Бородатый доктор одобрительно взглянул в мою сторону.

— Первая порода, которую стали отсюда вывозить, носит название «акажу». В настоящее время на 10 гектаров леса приходится в среднем уже не более одного ствола, — продолжал я.

Теперь бородач смотрел на меня с явным изумлением. Мне же, на удивление, вспоминались целые фразы из книги — видимо, ночное чтение не прошло даром.

— Древесина породы макоре имеет муаровые оттенки, а стволы босе — бледно-розовую окраску и пахнут ладаном...

— А что означает название города? — спросил Анджей.

— Абиджан произошло от словосочетания «амби джан», что в переводе с языка местного племени эбрие означает «срезанные листья». Именно здесь, — я простер руку вперед, в направлении

берега, — было заключено перемирие, положившее конец одной из междоусобных войн.

— При чем же здесь листья? — недоумевал бородач.

— Листья срезáли, чтобы отдохнуть на них после сражения, — пояснил я, как будто это было делом само собой разумеющимся, и обратился к биологу:

— Интересно, как европейцы переносят здешний климат с его влажностью, зноем, духотой?

— Я бы лично предпочел приезжать сюда лишь в отпуск: покупаться, позагорать, — живо откликнулся Анджей.

— И подцепить желтую лихорадку, — добавил Ежи, его молчаливый товарищ с огромным выпуклым лбом и глубоко запавшими темными глазами.

— Или стать жертвой мухи цеце, — рассмеялся третий поляк, кинооператор, по имени Збышек. Он был ненамного моложе своих товарищей, но благодаря открытому, доверчивому взгляду выглядел совершенным юнцом. Ему и Ежи, кинорежиссеру, предстояло снять фильм о путешествии в Антарктику.

Збышек наладил камеру и приготовился к съемке. В полумиле от нас ослепительно сверкала полоска золотистого песка, на который накатывались океанские волны. Там, за пляжем, в тени пальм, угадывались живописные строения. У самой кромки прибоя лежало на боку большое полузатопленное судно. Оно село на мель при входе в порт.

Абиджанский порт построен сравнительно недавно, в 1950 году, после того как был прорыт трехкилометровый канал, соединивший лагуну Эбрие с морем. Необходимость создать современный порт была огромной. На всем побережье страны протяженностью в 550 километров не существовало ни одной естественной бухты, пригодной для строительства такого порта. Полоса песчаных отмелей почти повсеместно преграждала доступ к берегу. Суда выгружались на открытых рейдах, а это было дорого, неудобно и препятствовало развитию торговли. Попытки прорыть канал предпринимались еще в начале нашего века, но береговые течения заносили русло канала песком. Теперь все эти трудности позади. Превращение лагуны Эбрие в портовую гавань способствовало быстрому развитию Абиджана. Сегодняшний Абиджан — морские ворота республики — ежегодно посещают тысячи кораблей. В стране появился и собственный торговый флот.

...Загремела якорная цепь, и на мачту подняли флажковый сигнал: «Просим лоцмана». Чтобы попасть в порт, требуется немалый опыт. Об этом красноречиво свидетельствовал остов севшего на мель судна.

Вход в канал показался нам совсем крошечным, трудно было представить, как в него протиснется наше судно. Но, судя по карте, ширина канала — более 300 метров, а глубина в центральной части —15 метров. Это позволяет заходить в порт практически любому океанскому лайнеру.

Еще немного — и мы увидим чудесную лагуну с раскинувшимся на ее берегах городом!

Лоцманский катер, однако, задерживался.

— Девятый час, а они начинают работать с восьми, — рассуждал наш доктор.— Кофе, наверно, попивают. Интересно, какой здесь кофе?

Ответил ему Ежи, тонкий ценитель этого напитка.

— Здесь, как и в Конго, выращивают «робусту», по объему экспорта кофе Берег Слоновой Кости занимает третье место в Африке. Местные сорта уступают по аромату «арабике» и потому дешевле, но в них высокое содержание кофеина. «Робусту» хорошо смешивать с более ароматными сортами. Впрочем, к примеру, итальянцам, которые любят пережаренный кофе, а естественный аромат не ценят, «робуста» подходит как нельзя лучше.

Увидев появившуюся на палубе стайку наших стюардесс, доктор переменил тему:

— Девчонки у нас на судне очень уж строгие. Я тут заговорил с одной про то, про се, есть ли муж, дети — ничего особенного, но она на меня так глазищами сверкнула, будто я людоед какой-то. «С пассажирами, — говорит, — я на личные темы не беседую». Развернулась на 180 градусов — и адью.

Справа от входа в канал по глади моря медленно перемещались длинные узкие лодки. Это были рыбачьи пироги. В водах Гвинейского залива водятся угорь, тунец, макрель, сардина и множество других рыб. И конечно, здесь полным-полно акул.

На берегу за каймой песка из-за пальмовой рощи выглядывали странные угловатые конструкции, сложные переплетения труб. То был крупнейший в стране нефтеперерабатывающий завод. Издали он походил на скелет ископаемого гиганта. Над одной из труб горел газовый факел. И, довершая картину, над кучкой людей на пляже, над рассыпанными по морской глади утлыми пирогами набирал высоту мощный реактивный лайнер, оставляя за собой серый хвост выхлопных газов.

Вот тебе и Тропическая Африка!

В ЛАГУНЕ

Около девяти к нам подошел катер и на борт поднялся лоцман. Это был немолодой худощавый европеец с резкими чертами лица.

— Я так и думал, что лоцманы здесь иностранные, — воскликнул доктор. — Уверен, французы и американцы занимают здесь все ключевые позиции — и на транспорте, и в промышленности, и в медицине.

Заработали двигатели, и мы быстрым ходом пошли к устью канала. Миновали входной маяк. Ослепительная, манящая полоска пляжа сверкнула сквозь зелень пальмовой рощи и осталась позади. Справа вдоль канала шло шоссе. Здесь все выглядело серо и буднично. Друг за другом следовали склады, баки с горючим, рекламные щиты фирмы ЭССО. Зато слева к самой воде подходили густые заросли пышных кустарников, а чуть дальше поднимались высокие кокосовые пальмы.

Внезапно берега канала расступились, и мы увидели город на берегах лагуны. Он почти сплошь состоял из белых зданий — утопающих в зелени небольших особняков и современных высотных коробок в 20 — 30 этажей. А на переднем плане громоздились у причалов мачты судов и портовые краны.

— Здесь корабли почти со всего света, — сказал Анджей, не отрывая глаз от бинокля. — Вот тот крайний — сухогруз «Замок дракона» из Панамы, за ним «Святой Лак» и «Святой Винсент» — из Дюнкерка, «Лобиго» в середине — местный. За ним с голубой трубой «Виграфьорд» — какой-то скандинав. Порт приписки отсюда не виден.

— А вы поглядите-ка лучше сюда, — окликнул нас с другого борта неугомонный доктор.

Мы обернулись. На противоположной стороне лагуны у самой воды стояли крытые тростником африканские хижины, которые раньше мы видели только на картинках. Их вид резко контрастировал с роскошными особняками и высотными зданиями, расположенными на другом берегу.

Машину вновь застопорили. Очевидно, все причалы были заняты, и нам предстояло выжидать, пока освободится место.

Поверхность лагуны была атласной, без единой морщинки. Сюда не достигал морской бриз, и жара особенно давала себя знать. У борта на глади воды растекались радужные нефтяные пятна. Небольшой краб бочком деловито пробирался вдоль корпуса. За его движениями, перегнувшись через поручни,

следила теперь добрая половина полярников.

Шло время, и наше нетерпение возрастало: когда же можно будет сойти на берег? Но нас продолжали держать на рейде. К кораблю подплывали на катерах портовые чиновники с портфелями. Наше начальство заполняло какие-то бумаги, оформляло счета.

После обеда небольшая видавшая виды баржа привезла пресную воду. На корабль перебросили шланги, подключили насосы. Нам предстояло принять около 600 тонн воды.

Теперь уже было ясно, что сегодня нам берега не видать. К тому же распространился слух, что в город пустят только тех, кому были сделаны прививки от желтой лихорадки.

Я поднялся на верхний мостик. В углу, облокотясь на поручни, стояла статная девушка — наш судовой парикмахер. Недалеко от нее прохаживались два стриженных наголо полярника. Близость незнакомого города, зеркальная гладь лагуны, дурманящая, вязкая духота — все вызывало какое-то смутное беспокойство.

Я поздоровался с девушкой и остановился поблизости. Мы помолчали.

— Вам нравится здесь? — спросил я робко, готовый к тому, что она тут же повернется и уйдет.

— Нет, Африку я не люблю, — нисколько не смущаясь ответила она. — Мне по душе северные страны, особенно Норвегия. Один рейс, который мы делаем, так и называется — «по шхерам и фиордам».

Два расхаживающих по палубе полярника явно нервничали, поглядывая в нашу сторону. Я собрался было продолжать расспросы, но тут на трапе показался пассажирский помощник. Девушка вздохнула:

— Совсем забыла: у нас же в 5.30 спецзанятия, — и побежала вниз.

Два полярника проводили ее задумчивыми взглядами и, не сказав мне ни слова, ушли. Я остался на верхнем мостике один.

Над лагуной сгущались сумерки. На стоящем поодаль лесовозе спешили закончить погрузку. Бревна поднимали на палубу прямо с воды, с пригнанных к борту плотов.

Цепочка лагун, соединенных каналами, тянется вдоль всего побережья. В лагуны впадают реки, что весьма удобно для сплава леса в Абиджан, откуда ценную древесину отправляют на экспорт. По лагунам перевозят и другие грузы, в том числе марганцевую руду, добываемую в ста километрах к западу от Абиджана, вблизи устья одной из наиболее крупных местных рек, которая, как я с удивлением узнал, называется Бандама, точно так же, как

потухший вулкан на острове Гран-Канария. Любопытно, что реки Берега Слоновой Кости, несмотря на весьма влажный климат, мелководны, порожисты и почти непригодны для судоходства. Берега их, как правило, сильно заболочены, и местное население предпочитает селиться подальше, на междуречьях, совсем не так, как у нас. Я начал было мечтать о путешествии по лагунам на байдарке, но, вспомнив о бесчисленных опасностях, подстерегающих путешественников в здешних местах, призадумался. Не так страшны казались бегемоты, слоны, крокодилы, как разные мелкие твари вроде ядовитых змей, комаров и мухи цеце. И, отмахиваясь от мошек, налетевших откуда-то на палубу, я покинул верхний мостик.

В курительном салоне было людно, работал телевизор. Отчаянно пришлепывала по столу компания заядлых доминошников. Среди них был и наш доктор.

На телеэкране три африканца вели беседу «за круглым столом». Речь шла о политике. После хроники нам показали одну из серий французского кинофильма «Алло, полиция».

Всеобщее оживление вызвала последовавшая затем спортивная передача — эпизоды футбольного матча между командами Берега Слоновой Кости и Того. В спортивной программе оказали также велосипедные гонки на автомагистрали Абиджан — Бваке, известной как «дорога какао», поскольку она соединяет столицу с основными плантациями этой одной из важнейших для страны экспортной культуры.

Уже поздно вечером абиджанский диктор — эффектная африканка — мягко улыбнулась и произнесла: «Бон суар».

— Желает нам доброй ночи, — хмыкнув, пояснил доктор.

Зазвучали торжественные звуки национального гимна — передача закончилась.

Я вышел из накуренного салона на мокрую палубу. Ночное небо озаряли молнии. Грохотал гром. Видимо, только что прошел ливень. Но дышалось по-прежнему тяжело, температура воздуха едва ли упала до 28 градусов. В одних трусах, взмокший от жары, на палубу вылез доктор. Постоял с минуту, молча глядя в небо, почесал грудь и произнес, тяжело отдуваясь:

— Нет, это мне не подходит! Скорее бы в Антарктиду!

АБИДЖАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Утром нас пустили наконец к причалу, обозначенному на плане порта как «причал для банановозов» (по экспорту бананов страна занимает пятое место в мире). Вдоль всего пирса здесь тянулись навесы. Под один из них трое африканцев с помощью автопогрузчика укладывали ящики с бананами.

— Салют, камарады! — крикнул им доктор. Он уже приготовился к выходу в город, был «при галстуке» и в соломенной шляпе. — С полярным приветом!

И вот долгожданный миг наступил. Мы устремились вниз по трапу. Под ногами не зыбкая палуба, а твердая земля. Земля Тропической Африки!

Я сошел на берег вместе с доктором, Ежи, Анджеем и Збышеком.

Несмотря на ранний час, было жарко и душно, но мы ощущали необыкновенный прилив сил; ноги, соскучившиеся по твердой почве, прямо-таки галопом несли нас вперед. Миновав портовые склады, мы стали подниматься туда, где были сосредоточены наиболее высокие здания.

За железнодорожным полотном показался белый куб вокзала, на фронтоне которого было написано: «Абиджан — Нигер». Отсюда начиналась единственная железная дорога страны, пересекающая ее с юга на север и связывающая Абиджан с Уагадугу — столицей соседнего африканского государства — Верхней Вольты. Дальше до Нигера дорогу так и не довели. Протяженность этой одноколейной железнодорожной трассы почти 1200 километров. Около половины ее проходит по территории Берега Слоновой Кости. Более 50 лет сооружалась эта дорога. Первыми строителями ее были в основном принудительно согнанные сюда африканцы, которые преодолели стену «зеленого ада» (так называли влажные тропические леса европейцы) и проложили сотни километров пути в засушливой саванне. Сейчас дорога переведена на дизельную тягу, и ею пользуются ежегодно свыше двух миллионов пассажиров. Возрастают и грузовые перевозки. Ведь для расположенной в «континентальном плену» Верхней Вольты это единственный выход к морю.

По тротуару вдоль шоссе, на которое мы вышли, важно шествовала высокая молодая африканка с черными, мелко вьющимися волосами, в длинном, почти до земли, оранжевом платье.

Пройдя немного вслед за незнакомкой, мы оказались на просторной площади. Два современных вытянутых дугой здания по обеим сторонам шоссе открывали въезд в центральную часть города.

По шоссе проносились машины. Мы влились в поток идущих по тротуару абиджанцев. Большинство прохожих были рослые, стройные африканцы. Гораздо реже встречались европейцы. Лица их показались нам чересчур бледными и отнюдь не загорелыми, как можно было бы ожидать на экваторе.

— Наверное, просиживают весь день у своих кондиционеров, спасаясь от жары, — не без зависти сказал доктор.

В деловых кварталах города мало экзотики, зато в жилых районах больше национального колорита, особенно в пестрых одеждах местных жителей.

Африканки носят длинные яркие одежды.

Встречные женщины поражали красочностью своих одежд. Их яркие длинные платья издали бросались в глаза. Даже молодые девушки с множеством мелких косичек, торчащих на голове, как иголки у ежа, носили платья по щиколотку. В брюках позволяли себе появляться на улицах Абиджана лишь француженки.

— Какие здесь у всех роскошные волосы! — восхищался доктор, провожая взглядом статную африканку в балахоне,

напоминающем леопардовую шкуру. Африканка несла полиэтиленовый пакет с огромным гусем. Другая женщина шла с тазом на голове, доверху заполненным какой-то экзотической зеленью. — Однако, внимание! Мы подходим к рынку, — провозгласил бородач.

— Хорошо бы снять настоящий африканский базар, — загорелся Збышек.

Однако базар разочаровал нас. На пятачке среди городских зданий жались друг к другу торговые ряды. Это был небольшой рынок, который посещали жители центральных кварталов. Помимо продовольствия здесь торговали изделиями для туристов. Продавцы оживились, завидя нас, настойчиво рекламируя свои товары, предлагали искусно вырезанные из дерева фигурки, маски. Но мы по совету доктора не торопились.

— Дерево не тот товар, — отговаривал он нас от опрометчивой покупки. — В стране Берег Слоновой Кости, конечно же, надо приобретать слоновую кость!

Но слоновая кость стоила слишком дорого. Тем не менее доктор уже присмотрел одну статуэтку.

Збышек снял несколько общих видов, но не хватало жанровых сценок. Опустив камеру, он разочарованно буркнул:

— Нет, это не настоящий базар.

— Нечего здесь больше делать. Надо ехать в джунгли, а то протопчемся без толку, время упустим, а вечером — уходить, — решил Анджей. И тут же, не спрашивая нашего мнения, он остановил проезжающее мимо такси. Доктор с нами не поехал, решив достать все-таки слоновую кость.

Машина рванулась вперед. За несколько минут мы пересекли располагающийся на холме деловой и административный центр города — Плато. Высотные современные здания, где размещались министерства, банки, иностранные фирмы и другие офисы, остались позади.

К деловым кварталам примыкали утопающие в зелени виллы и особняки. Здесь было чисто, респектабельно, но явно не хватало национального колорита. Отсюда, с вершины холма, по огромному 545-метровому мосту, переброшенному через один из рукавов лагуны, мы спустились в африканский район Треквиль. Дорогу обступили низкие деревянные постройки, среди которых кое-где торчали одинокие стволы пальм. На пыльных улицах совсем не было видно европейцев.

Внезапно Збышек, сидящий на переднем сиденье с кинокамерой, издал торжествующий возглас. Неподалеку от шоссе перед приземистым каменным строением с колоннами кишела толпа, виднелись ряды лотков. Груды бананов, ананасов,

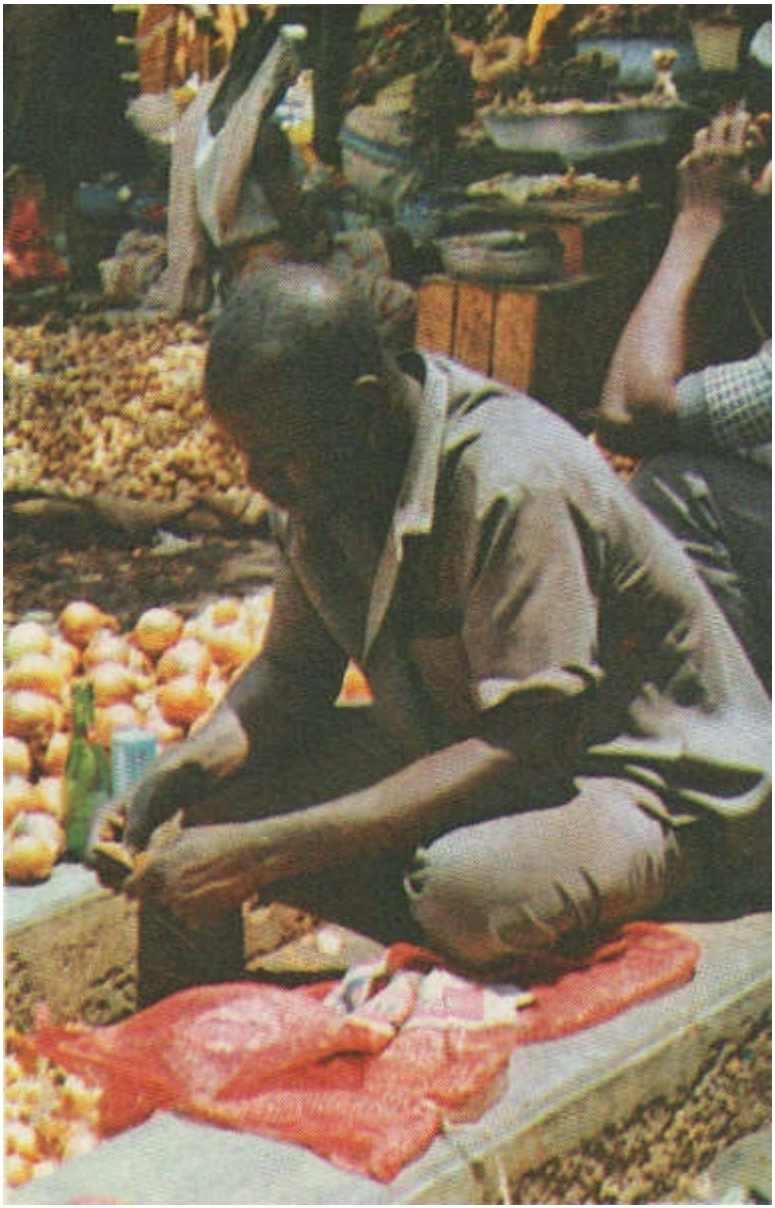
манго были навалены прямо на землю. Настоящий африканский базар!

Мы скомандовали шоферу остановиться и, забыв о намерении скорее вырваться на природу, погрузились в бурлящую толпу африканцев.

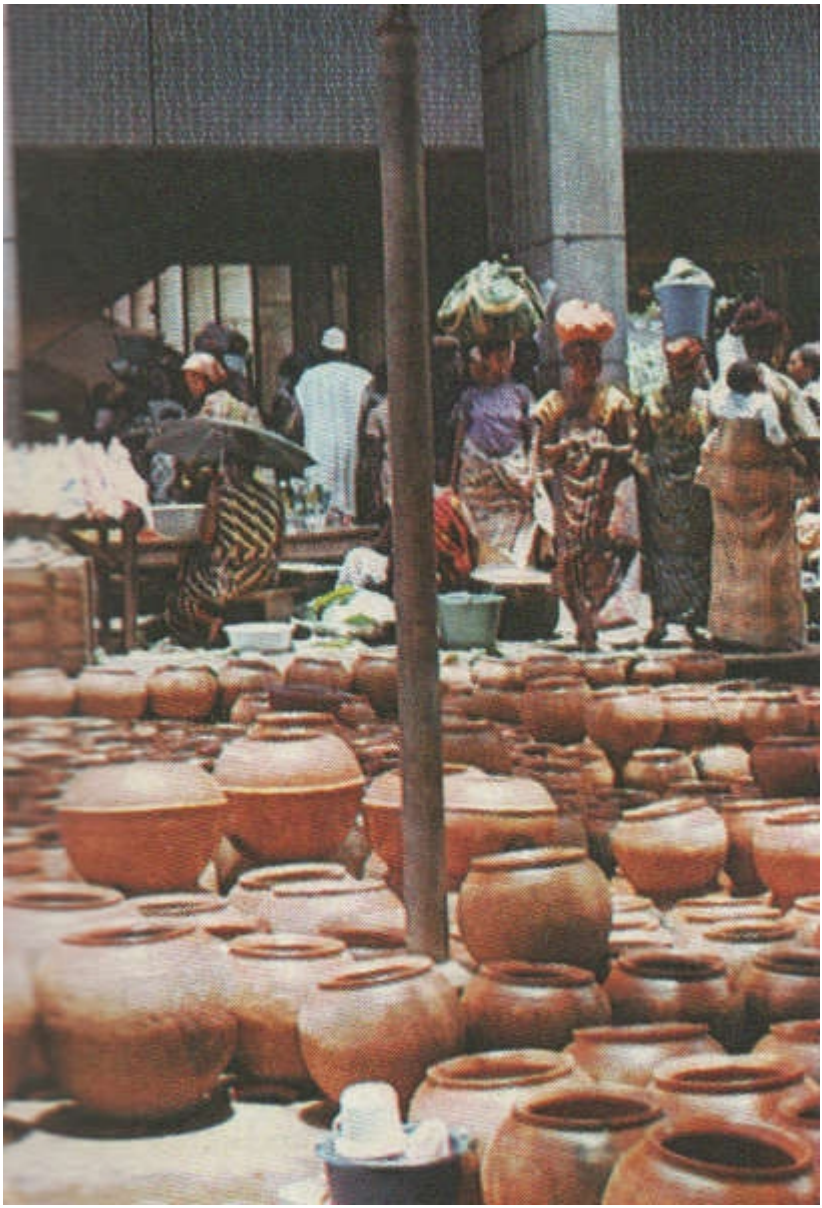
Ежи шел впереди, освобождая дорогу и показывая Збышеку наиболее интересные объекты для съемки. За ними следовал я, а рослый Анджей замыкал шествие. Мы старались не потерять друг друга в этой шумной, непривычной для нас базарной сутолоке.

Пробившись через внешний «бананово-ананасный» пояс рынка, мы вместе с толпой поднялись по ступеням, миновали крытую галерею, где света для съемки было недостаточно, и невольно замерли на спуске во внутренний залитый солнечным светом дворик. Збышек, не ожидая режиссерских указаний Ежи, прильнул к глазку кинокамеры. Удивительная гамма сочных, ярких красок открылась нашим взорам.

На низких белых лотках были разложены дары африканской природы. Оранжевые и красные стручки перца соседствовали с нежной зеленью салата, восковая налитость плодов манго сменялась кремовой желтизной орехов кола. Коричневатые клубни батата и маниока лежали рядом с бледными худосочными шампиньонами.



Абиджанский базар необычайно красочен. Здесь торгуют всем, что произрастает в этом жарком и влажном климате: различными фруктами, сладкими и горькими сортами перца, всевозможными орехами, разнообразными полезными кореньями.



Покупателю предлагаются гончарные изделия, подрумяненные булки и ткани.

На базар в Абиджан съезжаются представители многих народов, населяющих Республику Берег Слоновой Кости.

Возле лотков сидели продавщицы и ходили покупательницы. Рыночная торговля явно была женской привилегией. Яркие наряды африканских модниц создавали неповторимую динамику красок, от которой буквально рябило в глазах. Некоторые торговки уютно устроились под большими цветными зонтами, другие горбились под индивидуальными зонтиками, чаще всего черного цвета, многие спасались от палящих лучей разнообразными косынками, причудливо наверченными на голове, или шляпами из крупных листьев.

Мы храбро пробирались вдоль рядов, то и дело отступая в сторону, когда навстречу попадались рослые покупательницы, к тому же с увесистой поклажей на голове.

На другом конце рыночного дворика преобладали охотничьи трофеи. Здесь рядами были сложены головы антилоп, кипы грубо выделанных кож.

Как мы ни старались держаться вместе, встречные потоки разделили нас. Я был оттерт в сторону, прижат к рядам с живой птицей, и злой старый индюк, на клетку которого я налетел, негодующе забормотал. Среди торговцев здесь преобладали мужчины. Облаченные в длинные одежды, они важно восседали на деревянных табуретах подле своего товара.

В лабиринте узких проходов торговали ремесленники. Я осторожно пробирался среди гор расписных эмалированных

тазов, глиняных кувшинов, искусно сплетенных из молодых лиан корзин.

В одной из лавок на деревянных болванках красовалась дюжина париков. Густые копны черных как смоль, несомненно настоящих, волос не могли не вызвать почтительное изумление.

Снова потянулись бесчисленные закутки и лавчонки, где торговали изделиями из дерева, кости, металла, а на одном из лотков вперемежку со свежевыпеченными румяными булками лежали стопки книг.

Все вокруг торговали, и не только в лавках или за лотками, но и вразнос. Многоголосый рыночный говор сливался в единый хор, изредка нарушаемый отдельными сольными партиями.

На рынке Абиджана можно услышать множество африканских языков и диалектов. Жители лесной зоны и лесосаванны — народы аньи и бауле, составляющие около четверти населения страны, — наиболее влиятельная этническая группа в этих районах. Торговля на рынке чаще всего идет на языке бауле и дьюла (жителей саванны). В стране говорят на пятидесяти с лишним языках. Население Берега Слоновой Кости сформировалось из многочисленных народов Западной Африки. Этим объясняется пестрый языковой состав, разнообразие культурных традиций и трудовых навыков. Даже пища у разных народов различная. У бауле главная продовольственная культура — ямс; У аньи — мучнистый банан, из которого приготавливают банановую кашу (футу), и таро. У жителей саванн основа питания — ямс, сорго, кукуруза и просо. Из последнего, в частности, готовят пиво.

И хотя в столице межплеменные различия сглаживаются, все же они существуют, сказываясь даже в распределении городского населения по профессиям. Так, представители народов белла и хауса чаще всего выполняют работу носильщиков, и их называют здесь «багажами». Значительная часть коренных абиджанцев, например, лагунное племя эбрие, специализируются в столярном деле. Чернорабочие, каменщики набираются, как правило, из моси, выходцев из Верхней Вольты. Дьюла, малинке и бомбара занимаются преимущественно торговлей. Тукулер из Сенегала служат в ресторанах. Однако эти профессиональные племенные различия касаются лишь мужчин. Женщины же в основном занимаются мелкой торговлей. Поэтому на рынках они явно преобладали.

Я шел по базару, с интересом наблюдая за происходящим. Вот дама, одна из немногих встреченных здесь европеек, купила большой глиняный кувшин. Стоявший рядом маленький африканец поспешно схватил его, чтобы отнести к машине, но

появился другой мальчишка, постарше, и стал вырывать кувшин. Дама негодующе трясла руками, стараясь расцепить ребят, но ей это никак не удавалось. Неизвестно, чем бы кончилась эта борьба за заработок, если бы не вмешался взрослый африканец. Он развел детей, что-то строго выговаривая старшему. Справедливость была восстановлена. Малыш, взвалив огромный кувшин на плечо, гордо зашагал за белой дамой.

На базаре было много детей самого различного возраста, но только мальчиков. Группа самых маленьких — кто в белых рубашонках, а кто и в одних штанишках, сползающих с выпученных рахитичных животов, — стояла на площадке, где торговали гончарными изделиями, и с любопытством следила за всем происходящим. Когда я решил их сфотографировать, они с готовностью выстроились перед фотоаппаратом. Выражение их лиц было на удивление серьезным, сосредоточенным. Никто не прыгал, не смеялся. Это были какие-то «взрослые» дети.

В книге о Береге Слоновой Кости сообщалось, что средняя продолжительность жизни здесь не достигает и 40 лет. Эпидемии сонной болезни, распространяемой мухой цеце, желтой лихорадки, малярии значительно укорачивают жизнь в этих местах. Особенно велика детская смертность. 140—160 младенцев из каждой тысячи новорожденных не доживают до одного года! Дети, которых я сфотографировал, уже вышли из этого опасного возраста. Можно было надеяться, что они проживут дольше и на их долю выпадет более счастливая судьба.

У лавки, где торговали калебасами — сосудами, сделанными из высушенных тыкв, я встретился со своими товарищами. Ежи со Збышеком, закончив съемку, выбирали себе сувениры. Анджей, нагруженный бананами, со связкой перца на шее по-прежнему горел желанием увидеть тропический лес.

— Там тень и прохлада! — уверял он.

— И муха цеце, — добавил Ежи.

ПОД ПОЛОГОМ ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА

На улицах многочисленных пригородных поселков шофер сбавлял ход, и это позволяло нашей компании, с любопытством наблюдающей, что происходит вокруг, кое-что увидеть. Мы обратили внимание, что у многих женщин к спине были привязаны младенцы, что девочки-школьницы несли портфели не в руках, а на голове. На окраине поселка на пустыре рослые парни, невзирая на жару и пыль, гоняли полосатый футбольный мяч. Вдоль обочины сосредоточенно вышагивал высокий худой старик в набедренной повязке.

За пустырем мелькнул на пригорке частокол каменных могильников. А потом начался новый поселок.

Мы уже улавливали некоторые характерные детали во внешнем облике местных жителей. Молодые мужчины одевались по-европейски. Пожилые предпочитали носить бубу — свободные, ниспадающие до пят белые балахоны. Исключением был старик в набедренной повязке. Ну а женщины, как и в самом Абиджане, были облачены в длинные одежды. Юбкой им чаще всего служил большой кусок яркого материала, ловко закрученного вокруг бедер. И любопытно, нам ни разу не встретились две одинаково одетые африканки.

Миновав несколько похожих друг на друга пыльных поселков, мы решили, что находимся в загородной зоне. Листва обступивших дорогу деревьев и кустарников становилась все свежее и зеленее. Мы уже подумывали об остановке, как вдруг за поворотом деревья расступились, и нам открылось удивительное зрелище. Весь склон обширного холма полыхал пестрыми, яркими красками. Всюду на траве и кустах были расстелены и развешаны куски ткани самой невероятной и разнообразной расцветки. Казалось, все женщины Абиджана устроили на этом холме выставку своих туалетов. Мы не сразу поняли, что все это означает, но оперативный Збышек уже дал знак шоферу остановиться.

Ежи первым высказал гениальную по своей простоте догадку, что это сушится выстиранное белье. Действительно, пройдя метров сто, мы увидели за поворотом дороги небольшую речку. В русле ее стояло несколько десятков африканцев, шумно шлепающих по воде кусками материи.

— Вот так прачечная! — удивился Анджей.

Увидев нас, мужчины-прачки подняли головы и прервали работу. Судя по всему, они не были довольны нашим появлением.

Мы поспешили обратно к машине.

За городом у шоссе расположилась необычная прачечная. Выстиранное в речке белье сохнет прямо на траве.

— Где же в конце концов джунгли? — пытал таксиста Збышек, которому нужны были кадры девственной природы.

Шофер что-то мычал и показывал вперед.

Не прошло и двух минут, как мы въехали под деревянную арку с надписью: «Национальный парк Банко министерства сельского хозяйства». Дальше дорога уходила под полог высокоствольного леса.

Шофер вопросительно взглянул на нас.

— Вперед! — в один голос закричали мы, и кроны деревьев сомкнулись над нашими головами.

Увидев надпись «Национальный парк», каждый из нас вспомнил кадры из передач Клуба кинопутешествий: львы и гепарды гуляют вдоль дороги, не обращая никакого внимания на автотуристов, жирафы щиплют нежную зелень деревьев, сломя голову проносятся стада антилоп. Но все это характерно для светлой солнечной саванны или лесосаванны. Здесь же мы оказались в густом полумраке влажного тропического леса без просвета неба над головой.

Шоссе сменилось грунтовой дорогой, и машина пошла медленнее. Через несколько сот метров дорогу преградило упавшее дерево, и мы остановились.

Ничто не напоминало здесь мягкого покоя наших среднерусских лесов. Все было необычно: серый сумеречный свет, духота, сырость, незнакомые приторные запахи... Задрав головы, мы видели, как далеко вверху серебрятся на солнце кроны деревьев, сюда же не проникал ни один луч. И именно поэтому на земле не росло ни травинки. Светлые, уходящие ввысь стволы, словно гигантские колонны, поддерживали этот солнценепроницаемый зеленый свод.

— Метров пятьдесят, не меньше, — прикинул Анджей высоту самого крупного придорожного великана. — Кто выше вытянется, больше света получит.

Мы сделали несколько шагов в сторону от дороги. Ступать было мягко, под ногой лежала прелая, коричневая листва.

— Листья здесь опадают и распускаются не в строго определенные сезоны, как у нас, а постепенно, в течение всего года. Поэтому лес вечнозеленый, — вспомнил Анджей школьные познания.

Против ожидания, двигаться в тропическом лесу было не трудно, так как большая часть деревьев у основания не имела сучьев. Стволы были опутаны лианами, покрыты бахромой мхов и лишайников. Кора одного из деревьев выделялась угольной чернотой. Мы бы посчитали его пострадавшим от огня, если бы не сочная зеленая крона.

— Судя по характерному цвету коры, это эбеновое дерево, — сказал Анджей. — Древесина его тверже самшита. Вообще во влажных тропических лесах разнообразие древесных пород огромно — сотни видов. Да, — обратился он ко мне, — а где тут красное дерево, ну хотя бы макоре?

Как на грех, Анджей запомнил мои вчерашние разглагольствования на палубе. Я печально поглядел на высившиеся вокруг деревья и не в первый раз осознал простую истину, что дутый авторитет рано или поздно лопается как мыльный пузырь. Из книг я знал, что один ствол макоре дает в среднем до 30 кубометров древесины, а отдельные гиганты — до 80. Мог рассказать о пальме рафии, из сока которой приготовляют пальмовое вино, о масличной пальме — главном источнике жиров в пище жителей лесной зоны, о дереве кола, орехи которого оказывают тонизирующее воздействие на организм, но... определить хотя бы одно из окружавших нас деревьев не мог.

Тут, к счастью, в разговор вмешался Ежи.

— Где здесь макоре или что-нибудь другое, в конце концов не так уж важно. Главное, что под сенью этих деревьев можно отлично выращивать кофе!

— И какао, — добавил я с облегчением.

Таксист просигналил нам, и мы вернулись к машине.

Проехав еще с километр, мы оказались на берегу небольшого лесного озера. Дальше дорога была размыта дождевыми потоками, завалена ветками. Повсюду валялись какие-то круглые плоды, похожие на клубни картофеля.

Заросшее кувшинкой озеро в тропическом лесу Национального парка Банко близ Абиджана

Уже давно мы обратили внимание на странные, слегка вибрирующие звуки. Как только мотор машины перестал работать, они стали слышны особенно отчетливо.

— Чах-чах-чах, — исторгалось неведомо откуда, будто трясли тысячи погремушек. Тщетно мы пытались выяснить происхождение этих звуков у шофера. Он лишь ухмылялся и таращил глаза, явно не понимая, что мы хотим от него.

Выйдя из машины, я чуть не отдавил хвост золотоголовой ящерице, но она ловко вывернулась и юркнула под гигантский, высоко выступающий из земли корень.

— Почему не видно обезьян? — удивлялся Анджей. — Ведь здесь должно быть много хотя бы мартышек. Может быть, они боятся человека?

Предположение Анджея показалось мне близким к истине. Анджей высмотрел что-то в листве деревьев и, издав звук,

похожий на клич Тарзана, полез вверх по лианам. Скоро, весь перепачканный, он предстал перед нами с гроздью диковинных оранжевых плодов, облепленных какими-то букашками.

— Если насекомые их едят, значит, съедобные, — заверил он нас.

Никто, однако, не рискнул отведать добытого лакомства.

— Термиты, — важно произнес Ежи, рассматривая насекомых. — Знаете, почему Тропическая Африка так бедна историческими памятниками?

— Ежи, ты наивен, как наш доктор, ведь это даже дети знают — про термитов, пожирающих библиотеки, и все такое прочее, — подтрунивал над товарищем Анджей. — Ты бы лучше сообразил, что гудит в этом лесу.

Ежи недовольно наморщил свой великолепный лоб, однако не счел возможным обидеться:

— Я думаю, это что-то вроде цикад. Однако тебе, биологу, стыдно обращаться к кинорежиссеру с таким вопросом.

— Да я же разбираюсь только в рыбах. Ты же знаешь, как далеко зашла специализация. Времена Чарлза Дарвина давно миновали. Однако сдается мне, что это действительно цикады.

Лесное, озеро, близ которого мы остановились, почти сплошь заросло кувшинками. Анджей разъяснил, что ничего необычного здесь нет, кувшинка — растение-космополит и встречается на всех материках, исключая, конечно, Антарктиду.

Две огромные пестрые бабочки, размером с воробья, порхали над водой. Анджей заметался лю берегу в надежде, что бабочки приблизятся, но те вели себя осмотрительно. Биолог был раздосадован. Правда, он нашел какое-то странное насекомое с длинным червеобразным туловищем и несметным количеством ног. Страшилище едва уместилось в спичечном коробке. Анджей объяснил нам, что это многоножка. Но это была жалкая компенсация за упущенных бабочек, устроившихся на листе кувшинки.

— Настоящий натуралист, конечно, полез бы за ними в воду, — подначивал Ежи. — Збышек снимет этот эпизод на пленку специально для нашего фильма, если, конечно, тебя не проглотит крокодил.

Но рискнуть ступить в эту темную воду даже отчаянный Анджей не решался. Где-то рядом в этом мрачном лесу, Конечно, затаились и зорко следили за каждым нашим движением рогатые гадюки, черные кобры, зеленые банановые и коралловые змеи, королевские питоны, и уже наверняка летела к нам страшная муха цеце.

— Ой! — воскликнул Ежи и с размаху шлепнул себя по лбу.

Мы, как по команде, обернулись.

— Укусила, — продолжил он не без тревоги, хотя и изобразил на своем лице нечто вроде улыбки.

Мы склонились над прилипшей к ладони бездыханной мухой, маленькой, неказистой, но с грозно выступающими вперед челюстями.

— Прекрасный экземпляр мухи цеце, — внушительно произнес Анджей. — Надеюсь, Ежи, ты мне уступишь ее для коллекции?

— Ты уверен, что это муха цеце? — мрачно спросил Ежи.

— Ну, не на сто процентов, конечно. В университете нам цеце не показывали. Но, судя по характерному челюстному аппарату, это она. Правда, у цеце должен быть еще длинный хоботок, но ты ее так прихлопнул, что он вполне мог отвалиться.

— Ну, а если это действительно муха цеце?

— Тогда ты заболеешь сонной болезнью и никакой кофе тебе уже не поможет.

— А без шуток?

— Скорее всего болезнь проявится не сразу. Пройдет инкубационный период. К тому времени мы, вероятно, будем уже в Антарктиде. Наш доктор, конечно, с радостью окажет тебе необходимую помощь, хотя я не знаю, насколько она может быть эффективной. Сонная болезнь для наших врачей — редкость, любой доктор захочет заняться ее лечением, тем более в полярных условиях. Тут можно собрать материал на диссертацию. Ну, а муху ты мне все же отдай. Тебе она теперь ни к чему.

И, отобрав у растерявшегося Ежи останки мухи, Анджей аккуратно опустил их в коробок, где уже покоилась страшная многоножка.

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

На палубе нас уже ждал изнывающий от жары доктор. Пока мы разъезжали, он успел сделать массу дел: оказал помощь больному матросу с соседнего судна, приобрел на городском рынке статуэтку, вырезанную из слоновой кости. Но больше всего доктор гордился тем, что установил дружеские контакты с представителями местного населения, объяснив им; что проникнут к народам Африки чувством глубокой солидарности.

Как только мы сообщили, что Ежи укусила муха цеце, доктор посерьезнел.

Осмотр ничего не дал: на лбу Ежи не осталось никакого следа.

— Воспалительный бугорок может появиться через два-три дня, — задумчиво говорил доктор, — если, конечно, эта муха уже подхватила трипаносому из крови какого-нибудь больного и была бациллоносительницей.

Тогда Ежи предложил осмотреть муху.

Анджей осторожно раскрыл коробок и вывалил оттуда на лист бумаги многоножку. Та расправила свои многочисленные ножки и медленно поползла. Анджей тряс коробок, но муха не выпадала. Он заглянул внутрь —там было пусто.

Мы удивленно переглянулись.

— Съела, — сообразил Анджей и грозно уставился на многоножку.

— Ну и ну, сожрать такую большую муху, — изумился доктор.

— Разве такую уж большую? — осторожно спросил Ежи.

— Конечно, длина ее обычно больше сантиметра.

— А моя муха — маленькая! — обрадовался Ежи.

— Ну, значит, это не цеце, нечего было разводить панику, — пробасил доктор. А вообще сонная болезнь на берегах Гвинейского залива до сих пор не искоренена. Сравнительно недавно на острове Фернандо-По с большим трудом удалось погасить эпидемию. И пострадали от нее прежде всего выходцы из Европы. Кстати, знаете ли вы, что на этом сравнительно недалеко расположенном отсюда острове первоисследователи его обнаружили загадочное племя светлокожих людей? Английский капитан Фильмор даже сделал их зарисовки. Он полагал, что это последние из гуанчей. Однако это племя бесследно исчезло. Я не исключаю, что оно могло вымереть от сонной болезни.

Быстро спускались сумерки. На корабль снова приплыл

лоцман, но на этот раз вопреки теории доктора — африканец. Отдали швартовы, и судно стало медленно отходить от причала.

— Только бы вырваться из этой жары, — вздыхал доктор. — Скорее бы в Антарктиду.

Даже любящий тепло Анджей с ним не спорил.

Солнце зашло, но духота была нестерпимой. И хотя казалось, что вот-вот разразится гроза, за весь день не выпало ни капли. Все порядком устали, от утреннего энтузизма не осталось и следа. Однако никто не уходил с палубы. Зажглись огни вдоль набережных, вспыхнули неоновые рекламы на высотных зданиях. Противотуманные портовые фонари залили причалы едким горчичным светом.

Город медленно отодвигался от нас. Весело моргали фары мчащихся по улице автомашин. В портовом кабачке на веранде видны были фигуры людей за столиками.

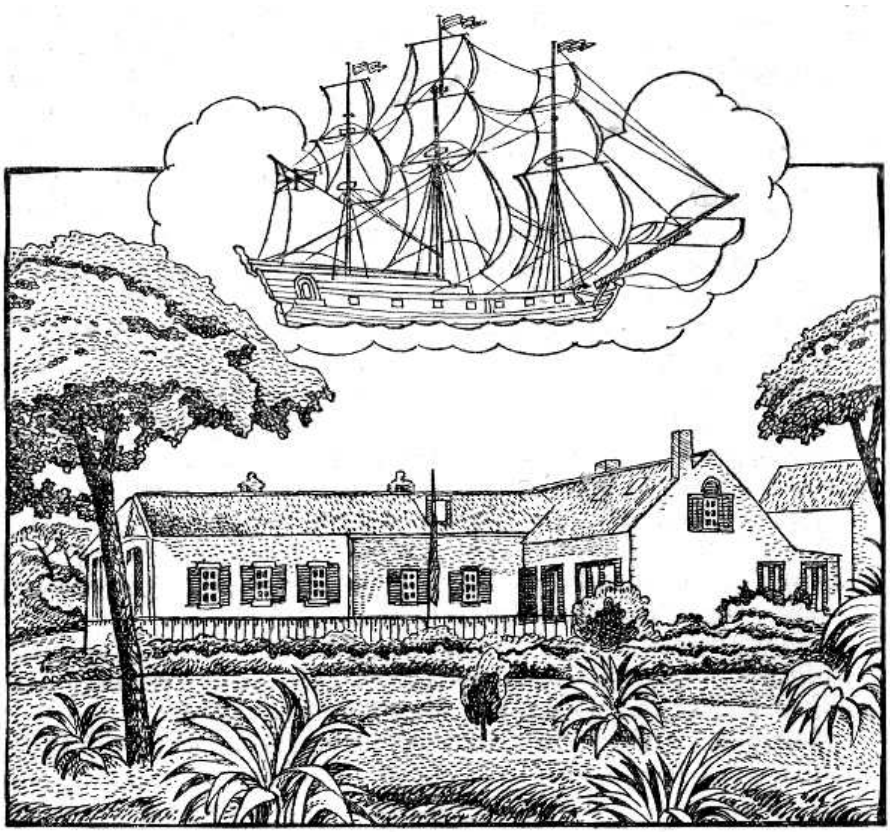
Одинокая пирога скользила по пепельной вечерней глади лагуны. Она шла от этого яркого, залитого электрическим светом берега в темноту, к полосе подступившего к самой воде леса, где не видно было ни огонька и только в одном Месте угадывался отсвет костра...

Мы вошли в канал, и вскоре в лицо ударил свежий океанский бриз.

Глава третья
ЗАБЫТЫЙ ОСТРОВ

Святой Елены остров (Saint Helena Island), вулканич. о-в в юж. части Атлантич. ок. Колония Великобритании. 122 км². Нас. 5 т. ч. (1972). Выс. До 818 м. Гл. г. и порт — Джемстаун. В 1821 здесь умер в ссылке Наполеон I

СЭС



ЧЕРНЫЙ ЗАМОК

Этот остров, непривлекательный вид которого так часто описывали, круто поднимается из океана наподобие большого черного замка.

Чарлз Дарвин

На земном шаре немало удивительных мест. И среди них встречаются такие, само название которых будит воображение. Остров Святой Елены... Тут прошли последние годы жизни императора Наполеона. Интерес к этой исторической личности не угас и в наши дни: изобразительное искусство, литература, театр, кино и сегодня воссоздают образ Бонапарта. Поэтому заманчиво увидеть островок, где суждено было окончательно разрушиться его честолюбивым замыслам.

Так я размышлял, когда наше судно подходило к острову Святой Елены. Никто из находящихся на борту не бывал здесь ранее: заходы советских судов на Святую Елену — великая редкость. Из справочников, обнаруженных в судовой библиотеке, удалось извлечь лишь самые общие сведения об острове. Жители его — выходцы из Англии, африканских и азиатских стран. Основное занятие святоеленцев — земледелие и животноводство, а кроме того, обслуживание и снабжение заходящих на остров судов. Главная сельскохозяйственная культура — лен, завезенный сюда из Новой Зеландии. Выращиваются также овощи и фрукты. Климат весьма благоприятен для жизни человека, морские ветры смягчают тропическую жару, и температура воздуха в течение года колеблется от 15 градусов тепла зимой до 32 градусов летом. Остров — одно из последних колониальных владений бывшей «владычицы морей» — Великобритании.

Наш любознательный доктор сумел познакомиться с лоцией и получил ценные сведения: среди населения острова преобладают представительницы прекрасного пола. Кроме того, он раздобыл у единственного на судне профессора географии книгу Чарлза Дарвина «Путешествие на корабле «Бигль» ». Ведь великий естествоиспытатель в свое время побывал на острове Святой Елены.

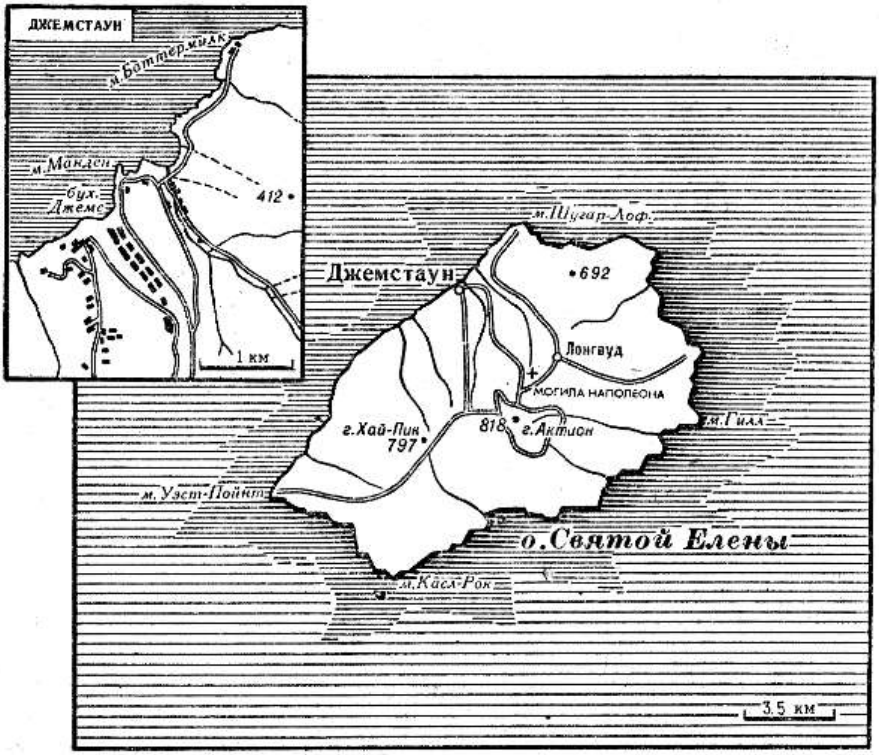
Пассажирский помощник тоже не сидел сложа руки: он взял у старпома и выставил на обзор редкостную крупномасштабную

карту острова, изданную Британским адмиралтейством еще в 1922 году. Мы тут же принялись за ее изучение.

Святая Елена лежит в южной части Атлантического океана, между 15 и 16 градусами южной широты и 3 и 6 Градусами западной долготы. В длину остров протянулся на девятнадцать километров, в ширину — на одиннадцать. В центральной части есть высоты более 800 метров. Вершина острова — это один из краев кратера древнего вулкана, другой же уничтожен волнами океана.

Очень интриговали географические названия. В центре карты острова была надпись: гора Удовольствий, но рядом, как предостережение, — пик Дьявола. Многочисленные узкие долины, круто спадающие к морю, носили названия: Рыбаков, Юная, Лимонная, Старых женщин, Часовни и т. д. Затем на карте были помечены: Яблочный коттедж, Дом плантатора, Мертвое дерево, Дерево жены Лота, Дерево Томпсона и даже Ослиные уши. Ближе к побережью находились батареи: Симпсона, Пауэлла, Внезапная и т. д., но в скобках стояло: «руины». История острова явно не была бедна событиями.

Обозначено было и несколько церквей: церковь Святого Матфея, Святого Джемса и Святого Джонса (две последних — в Джемстауне). В черте города указывались: офицерский квартал, замок, обсерватория, лестничный холм и у самого моря — ворота.



Остров Святой Елены. Джемстаун

Примерно в семи километрах от Джемстауна, в центральной части острова, был показан населенный пункт Лонгвуд, где четким шрифтом было выведено: «Дом, в котором Наполеон I умер», а в двух километрах от Лонгвуда, совсем недалеко от церкви Святого Матфея, стояла другая надпись: «Могила Наполеона».

Пока мы изучали карту, судно все ближе подходило к острову. Мы увидели, вернее, угадали Святую Елену еще издали по шапке тяжелых кучевых облаков. Потом выступил, сначала еле заметно, ее мрачный гористый контур. Постепенно остров стал увеличиваться в размерах, и в крутых обрывах берега уже можно было различить разноцветные пласты вулканических пород. Мы обогнули край острова на почтительном расстоянии, опасаясь рифов, а затем пошли прямо к берегу. Я спустился в каюту перезарядить пленку, а когда снова вышел на палубу, судно уже бросало якорь в бухте Джемс, в полумиле от берега, как раз напротив столицы острова — Джемстауна.

Как гигантские декорации, предстали перед глазами высокие сумрачные обрывы. Узкая, словно игрушечная, долина рассекала

скальные уступы. У выхода ее к морю на берегу виднелись маленькие домики. Над строениями возвышался шпиль церкви. На вершинах крутых утесов по бортам долины лепились остатки каких-то укреплений, их стены сливались в одну плоскость со скалой, обрывающейся в море.

Когда отгремела якорная цепь, навалилась тишина; нигде вокруг не было видно ни души. У причала, вдоль небольшой бережной, покачивались на легкой зыби маленькие заякоренные суденышки. Временами моросил дождь. Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь просветы массивных облаков, давали впечатление фантастического потолка над безмолвным, словно заколдованным, островом. Не верилось, что все происходит на самом деле.

Наконец от берега отчалил легкий катер. В нем находилось восемь мужчин — портовая администрация. Управлял катером африканец. Он улыбался и, подводя катер к борту, что-то выкрикивал. Остальные держались строго, деловито. Поднявшись по веревочному трапу на борт, они вежливо здоровались. Некоторые из прибывших были очень смуглые, бронзоволицые. Их всех повели наверх, к капитану.

Опустился теплый тропический вечер. Мы стояли на палубе и считали мигающие огоньки береговых маяков — зеленые, белые, красные, всего их было 13. Временами во тьме, окутавшей остров, медленно соскальзывали к берегу близко поставленные сверкающие «глаза» — это по горной дороге спускались в город автомашины. Одна пара огней выкатилась на набережную. Погасла. Потом снова вспыхнула, лучи скользнули по водной глади залива и спрятались в темноте. Очевидно, кто-то приезжал посмотреть на нас.

Не прошло и получаса, как к нам на борт поднялись островитяне, а по судну уже прошел слух, что на Святой Елене туго с продуктами.

И как подтверждение этому рассказывали:

— Просили 4 тысячи яиц, нам предложили 120. Курам на смех!

— Луку обещали собрать по всему острову всего-навсего 30 килограммов. Даже на окрошку не хватит!

Доктор разузнал расписание работы местных магазинов: с 7 до 8, с 9 до 13 и с 14 до 17.30.

Пока шло обсуждение этих сведений, любители рыбной ловли не теряли драгоценного времени. Через борт в море забрасывались самые разнообразные снасти. Этот ночной лов умопомрачительным. Рыба, привлекаемая корабельными прожекторами, прямо-таки лезла на крючок. Скоро в

плавательном бассейне метались десятки небольших тупорылых рыбешек. Биолог Анджей сказал, что это бонито — одна из более распространенных тут промысловых рыб. Особенно отличился гидролог Василий Евграфович — овил красно-золотистую красавицу с длинными плавниками, настоящую золотую рыбку. Анджей был в восторге, заявив, что этот редкий вид карася мог бы украсить любую коллекцию.

Глаза Василия Евграфовича сияли, а рот сам собой расплывался в улыбке. Но не только золотая рыбка бы тому причиной. Сутки назад в полночь по судовому времени на его имя пришла радиограмма с сообщением, что у него родилась двойня: мальчик и девочка. И все окружающее Вася воспринимал теперь исключительно в розовом свете.

... Поступили новые сведения: завтра в восемь часов утра начнется высадка на берег. А поздно вечером мы уйдем. Значит, впереди у нас целый день. День на острове Святой Елены! Это завтра. А сейчас вокруг безмолвная тропическая ночь. И, пользуясь ночной тишиной, самое время привести некоторые сведения из ранней истории Святой Елены.

Обозревая остров с возвышенного пункта, прежде всего поражаешься громадным количеством укреплений...

Чарлз Дарвин

Остров был открыт в 1502 году португальскими мореплавателями, возвращающимися из Индии. Командира португальского корабля звали Яго де Нова Кастелло. Предполагают, что это произошло 21 мая, в день святой Елены, чье имя и было дано острову.

Португальцы оставили на этом необитаемом клочке суши несколько пар домашних животных — ослов, свиней и коз. Сделали они это из самых благих побуждений, не представляя, к каким непредвиденным последствиям приведет, казалось, столь безобидный поступок. В 1516 году на Святой Елене нашел убежище португальский дворянин Фернандо Лопес. По приговору суда в Гао — колонии португальцев на западном побережье полуострова Индостан — ему как изменнику отрезали нос, уши, кисть правой руки и указательный палец левой. Когда судно, везшее его на родину, сделало кратковременную остановку у Святой Елены, он сбежал и спрятался в лесных зарослях. Так он стал первым постоянным жителем острова. Многими годами позднее он побывал на родине, получил прощение, но вскоре предпочел вернуться обратно на остров, где и умер в 1545 году. Лопес проробинзоил на Святой Елене без малого 30 лет. Моряки с проходящих судов иной раз снабжали его семенами и саженцами полезных растений. И Лопес старательно их возделывал.

Португальцы и их союзники — испанцы длительное время хранили местоположение острова в тайне. Их корабли посещали Святую Елену по пути в Индию для пополнения запасов пресной воды и отдыха. Здесь же высаживали заболевших моряков, которые обычно быстро поправлялись в местном прекрасном климате. Так в северной части острова образовалось небольшое поселение, была построена деревянная часовня, и это место получило название долины Часовни.

Англичане появились на Святой Елене впервые в 1588 Году, когда капитан Кавендиш, пират и мореплаватель, выведал об острове у штурмана захваченного им испанского судна.

Английский капитан оставил описание плодородных земель, богатого растительного и животного мира Святой лены. Долина, где жил когда-то Лопес, произвела на англичан впечатление цветущего сада. Чего только тут не было — гранаты, финики, фиги, апельсины, лимоны... Кавендиш обратил внимание и на множество одичавших коз. Их были тысячи. Позднее козы, «рогатые дьяволы», как их иной раз называют, подобно кроликам в Австралии, нанесли большой вред растительности острова, большой урон принесли и термиты, неумышленно завезенные сюда кораблями.

Когда о Святой Елене узнало уже несколько государств, между ними участились случаи военных столкновений. Английский флот подстерегал и грабил вблизи острова суда португальцев и испанцев, которые все реже и реже отваживались заходить в эти опасные воды, где еще недавно были полными хозяевами. Интерес к острову одно время проявляли и голландцы, создавшие тут неболышое поселение. Но ни одна из стран не владела островом долгое время.

Лишь с 1659 года, после того как тут обосновалась английская Ост-Индская компания, остров стал колонией Великобритании. Первым делом англичане построили здесь форт, названный позднее фортом Джемс. Город, который вырос подле форта, был назван Джемстауном. Вскоре сюда прибыли первые поселенцы из Лондона.

Со времени правления Ост-Индской компании на остров стали завозить захваченных в рабство африканцев. Положение их, особенно в первое время, судя по всему, было ужасным. За малейшую провинность их подвергали жестоким наказаниям: пороли, прикладывали раскаленный сургуч к обнаженному телу, сжигали, кастрировали, четвертовали без всякого суда, по указанию губернатора. Среди рабов и гарнизона участились случаи мятежей. Во время одного из них, известного в истории как заговор Джексона, в 1693 году восставшие захватили стоявший на рейде корабль и покинули ненавистный остров.

К концу XVIII века законодательство на Святой Елене становится несколько менее жестким. Населяли остров в это время в основном англичане (служащие компании и гарнизона) и рабы. В 1792 году ввоз рабов был запрещен. Но из-за недостатка рабочей силы стали ввозить китайских кули. Регулярные заходы кораблей улучшают положение, хотя остров уже тогда не мог обеспечить себя всем необходимым. К началу XIX века наступает оживление торговли (в основном мясом и фруктами) с мореплавателями, так что ко времени прибытия на Святую Елену императора Наполеона остров был относительно мирным, и дела

на нем шли не так уж плохо.

УЭЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Остров Св. Елены, лежащий так далеко от всякого материка, посреди великого океана, и обладающий совершенно особой, только ему свойственной флорой, возбуждает наше любопытство.

Чарлз Дарвин

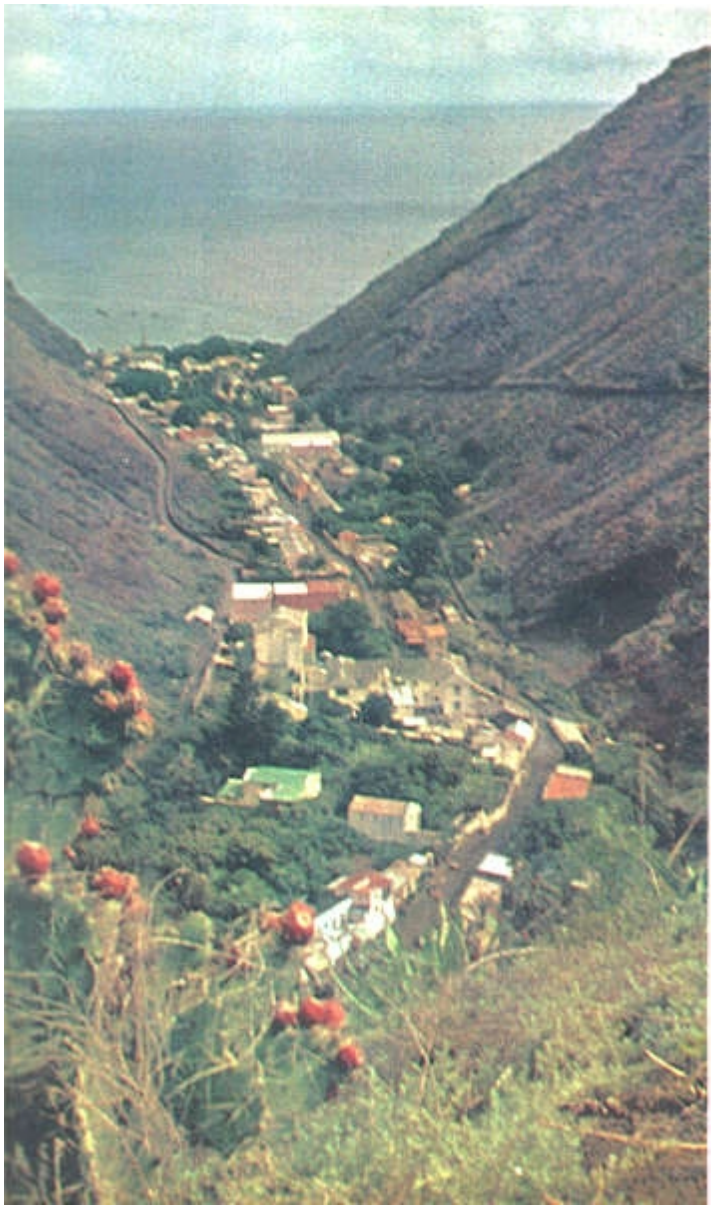
Утром одна за другой стали отваливать на берег шлюпки. Хотя была безветренная погода, неизвестно откуда взявшаяся зыбь сильно раскачивала их. Временами из набегающих облаков сыпался мелкий дождик. Мы смотрели на приближающийся берег, а когда оборачивались, видели наше судно, которое с воды выглядело непривычно большим.

Высадились у небольшого причала в северной части набережной. Здесь нас уже ждали машины — современные легковые и многоместные допотопные с откидывающимся тентом. Выбираем старую вместительную колымагу. Водитель, пожилой худощавый человек с мрачным лицом, дожидается, когда все усядутся, и трогает. Он, очевидно, знает, что нужно показывать гостям, и везет, не задавая лишних вопросов. Миновав уютную набережную, мы через старинные ворота, украшенные гербом Ост-Индской компании, въезжаем в Джемстаун.

Город вытянулся вверх по узкой и прямой как стрела долине. Машина медленно катится по центральной улице Мейн-стрит, вдоль которой стоят одно- и двухэтажные домики, вполне городские по виду, с вывесками магазинов и учреждений. Все удивительно миниатюрно и декоративно; здается впечатление, что это вовсе не дома, а макеты, подготовленные для съемки какого-то приключенческого фильма.

Дорога покидает город и начинает взбираться по краю долины все выше. Теперь, оглядываясь назад, мы видим внизу пестрый ковер крыш и вдали темно-синюю воду, на которой наше судно выглядит игрушечным корабликом. Склоны долины сплошь заросли причудливой растительностью. Преобладают кактусы и алоэ. На самом деле, здесь большое разнообразие растений. Часть из них покрыта цветами, полураскрывшиеся бутоны которых ярко

алеют среди мясистых зеленых стеблей, усеянных длинными острыми шипами. На прогалинах между колючими кустарниками проступает оранжевая, маслянистая после дождя тропическая почва.



Остров Святой Елены — одно из последних колониальных владений Великобритании. На дне глубокой долины, спускающейся к океану, расположился Джемстаун — единственный городок и столица.

Верхняя часть долины утопает в зеленых зарослях. Здесь много экзотических для нас цветущих растений — бугенвилеи, красные и белые олеандры. Среди тенистых деревьев виднеются аккуратные коттеджи. Сплетение антенн выдает здание радиоцентра. Рядом — светлое с зеленой окантовкой двухэтажное здание, во дворе которого снуют, как рыбки в аквариуме, маленькие человечки, — это несомненно школа.

По мере того как мы удаляемся от берега, растительность становится все более пышной. Чарлз Дарвин упомянул в своем дневнике, что на Святой Елене найдено 746 видов растений, но из них только 52 — местные. Основная же часть ввезена сюда главным образом из Англии. Причем многие растения почувствовали себя на острове гораздо вольготнее, чем на родине, и потеснили местную флору. Холмы с насаждениями шотландских сосен, кусты дрока, плакучие ивы по берегам ручьев, живые изгороди из кустов ежевики — все это напомнило побывавшему здесь в 1836 году Ч. Дарвину пейзаж Уэльса. А ведь на первый взгляд, что может быть общего между крохотным вулканическим островом в тропиках и «туманным Альбионом»?

Дорога делает еще несколько петель. Временами море совсем исчезает за холмами. Мимо проскакивают несколько длинных одноэтажных построек, похожих на бараки, только с многочисленными наружными дверями — отдельными входами для каждой семьи. Очевидно, это поселения местных крестьян, работающих на плантациях.

Во многих местах на склонах видны посадки новозеландского льна, изделия из которого (канаты, шпагат) составляют основной предмет экспорта.

Кое-где пологие, поросшие сочной травой безлесые склоны холмов огорожены колючей проволокой. На этих великолепных зеленых лугах пасутся разномастные коровы.

Наш водитель по-прежнему молча правит, устало глядя на дорогу. Я спрашиваю, как его зовут.

— Фрэд Янг, — отвечает он и опять замолкает.

Мы начинаем расспрашивать Фрэда о растениях и птицах острова. Он отвечает, но английские, а может быть, и чисто местные наименования чаще всего ничего нам не говорят. Все же удается установить, что на Святой Елене растет около 120 видов одних только деревьев и кустарников, возделывается множество тропических садовых культур, экзотических растений, плоды которых нам еще не приходилось отведывать, таких, как гуайява, папайя, лайм, баньян. В огородах здесь выращивают тыкву, капусту, перец, помидоры, арбузы, дыни, но главное —

картофель.

На острове много и других полезных трав, кустарников и деревьев — камедные, хлебные и капустные деревья, дикая малина, ангелика, дикая мята, артишок, портулак...

Фрэд Янг сообщил также, что остров славится своим кофе, который даже завоевал приз на выставке в Лондоне.

Доктор поинтересовался фауной острова. Фрэд Янг и тут проявил завидную осведомленность. По его словам, почти все здешние птицы, за исключением одной — канатоходца, — серой, с длинными ногами, завезены на Святую Елену. Однако совсем не все из них здесь освоились. Не приспособились к местным условиям дрозды, жаворонки и даже лондонские воробьи, зато яванских воробьев, канареек, куропаток и фазанов сейчас на острове очень много. В 1958 году в долине Рыбаков поселился аист, но, прожив недолго, погиб. Животные на острове только домашние. Змей нет, и единственные вредные создания — скорпионы.

Мы просим водителя остановиться, чтобы сделать несколько фотографий. Отсюда, с высоты, видна вся долина Джемстауна. Фрэд неохотно притормаживает, и мотор его машины глохнет. Попытки завести его оказываются безрезультатными.

— Очень старая? — интересуюсь я у огорченного Фрэда.

— Да, очень, — вздыхает он. — На ней ездил еще мой отец. Такие машины ходили по улицам Лондона в тридцатых годах. Первый автомобиль появился на острове только в 1929 году.

— А сейчас тут много машин?

— Четыреста.

— А сколько километров дорог?

— В километрах не могу вам сказать, а в милях — больше 30.

— Ну так это всего 60 километров, — быстро подсчитывает доктор.

В этот момент нас догоняет вторая колымага сходной конструкции, которую ведет крепкий смуглый парень. Он, весело посмеиваясь, вылезает из своего автомобиля и, подойдя к нашей машине, испытующе оглядывает нас. Потом нагибается и с силой быстро вращает рукоятку ручного завода. Мотор начинает удивленно пофыркивать и наконец заводится. Парень разгибается. Сжимает руку в локте, довольно осматривая бицепсы.

— Нам на острове необходимо помогать друг другу, — говорит Фрэд. — У нас есть Общество любителей механики. Без его помощи мой автомобиль давно бы развалился.

Мы трогаемся дальше. Шоссе узкое, и мы с трудом разъезжаемся со встречными машинами.

Вскоре на одном из очередных поворотов дороги, среди густых зарослей зелени, машина снова остановилась. Фрэд Янг обернулся и показал вниз:

— Могила Наполеона.

ЭРА НАПОЛЕОНА

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы: Там угасал
Наполеон.

А. С. Пушкин

14 октября 1815 года английский военный корабль «Норсхамберленд» с императором Наполеоном на борту в сопровождеиии эскорта из семи судов бросил якорь в заливе против Джемстауна.

Попытка организовать дальнейшее сопротивление союзникам после битвы при Ватерлоо потерпела неудачу, и Наполеон вынужден был отречься от престола. Он надеялся, что английское правительство, которому он сдался, предоставит ему право пребывания в самой Англии, откуда можно было бы попытаться совершить побег в Америку.

Но все сложилось иначе, и выбор пал на остров Святой Елены, что объяснялось прежде всего его удаленностью и изолированностью. Тем не менее в Англии многие считали, что и это место — недостаточно надежная тюрьма для такого человека, как Наполеон. Об этом в специальном послании предупредила правительство английская Ост-Индская компаия. Было высказано и мнение, что «Святая Елена слишком красивое место, чтобы стать государственной тюрьмой».

Однако судьба императора была решена бесповоротно. На Святую Елену ему разрешили взять с собой лишь небольшой штат из особо приближенных лиц, а также прислугу.

17 октября к вечеру Наполеон высадился на остров. Ночь он провел в портовой гостинице, а на следующий день верхом, в окружении своей теперь немногочисленной свиты отправился искать место для жительства. Поднялись на холм в местечке Лонгвуд, но дом, где предполагалось поселить Наполеона, оказался в плохом состоянии. Возвращаясь в Джемстаун, Наполеон увидел на холме вблизи города маленькое поселение Бриас. Всадники подъехали туда. Одно из зданий, называющееся Павильон, понравилось императору, и он решил поселиться здесь. Хозяин дома не возражал.

Однако назойливость любопытствующих горожан, претензии властей досаждали императору. Поэтому, когда в начале декабря 1816 года был приведен в порядок дом в Лонгвуде, Наполеон был рад туда перебраться.

Дом в Лонгвуде был слишком мал для всей свиты, поэтому часть ее устроилась поодаль. В первое время некоторые спали под тентом, натянутым в саду. Однако и в Лонгвуде императора многое раздражало. Он был ограничен в своем передвижении, вокруг днем и ночью стояла охрана, за каждым шагом Наполеона следили. К этому прибавились еще мелкие ссоры между обитателями его дома, ревность, зависть, воровство слуг.

Но еще более неприятный период начался для императора, когда по приказу британского правительства на губернатора острова сэра Гудзона Лоу была возложена личная ответственность за охрану Наполеона.

Лоу, как отмечают историки, был человеком посредственным во всех отношениях. Боясь потерять свои должностные 12 тысяч фунтов в год, он решил проявлять в отношении Наполеона «твердость». Но он не учел характера своего пленника, и это привело к серьезным столкновениям и осложнениям. Тогда Лоу начал всячески ограничивать французских поселенцев: угрожал владельцам магазинов, предоставлявшим им кредит, предостерегал офицеров гарнизона от всяких сношений с ними. Лоу, обращаясь к Наполеону, всегда называл его «генерал Бонапарт» (титул, на который император отказывался отвечать), неожиданно вызывал его без предварительного уведомления и т. д. Лоу действовал так не только по своей инициативе, но и по указаниям из Лондона. Наполеон ненавидел губернатора, и их взаимоотношения становились все более напряженными. Это очень скверно сказывалось на ссыльном императоре. К тому же росли разногласия в его свите. Несколько человек покинули его и возвратились во Францию. К этому времени Наполеон уже был больным человеком. Он прекратил физические упражнения, сократил часы диктовки своих мемуаров, часто принимал очень горячие ванны и сильно обрюзг.

В 1818 году здоровье Наполеона резко ухудшилось, хотя губернатор не верил этому. Сам Наполеон, очевидно, уже понимал, что жить ему осталось недолго. Из Франции на Святую Елену были посланы капеллан и врач. Священник был стар и немощен, а врач оказался невеждой. Хотя в Англии и Франции знали, что Наполеон слабеет, никаких мер не было принято. Состояние его продолжало ухудшаться. Когда оно стало критическим, Лоу послал ему своего врача, но Наполеон отказался от его услуг. Позже, правда, он все в позволил ему

осмотреть себя.

17 апреля 1821 года врач сообщил губернатору, что у Наполеона полный упадок сил. Три недели спустя к нему прислали двух докторов, но было уже поздно. 5 мая 1821 года Император скончался. Вскрытием, произведенным немедленно после его смерти, было установлено, что Наполеон умер от рака печени. Ему не было и пятидесяти двух лет.

Похоронили Наполеона в долине Гераней, в месте, которое он сам себе выбрал для могилы. Его друзья требовали, чтобы на надгробном камне было высечено одно-единственное слово: «Наполеон». Лоу упрямо не соглашался и предлагал или «Наполеон Бонапарт», или ничего. Так и не было сделано на могиле никакой надписи.

Спустя почти 20 лет, в 1840 году, Адольф Тьер, французий премьер-министр в годы правления Луи-Филиппа, убедил своего монарха обратиться к англичанам с просьбой возвратить останки Наполеона во Францию. Просьба была удовлетворена.

8 октября 1840 года на Святую Елену прибыли фрегат «Ла Бель Поль» и корвет «Фаворит».

Ночью 14 октября могила была вскрыта. По свидетельству очевидцев, тело императора удивительно хорошо сохранилось. Его уложили в специальный трехстенный ящик из олова, красного и черного дерева. По дороге, вдоль которой были выстроены французские солдаты, под звуки пушечного салюта из форта и со всех кораблей, находящихся в гавани, процессия двинулась к берегу. Гроб был помещен в специальной часовне на борту корабля. 18 октября судно с прахом Наполеона покинуло остров Святой Елены...

— Могила Наполеона, — повторил Фрэд Янг. Экскурсия продолжалась.

ГРОБНИЦА СЛАВЫ

На острове том есть могила...

М.Ю.Лермонтов

Мы пошли вниз по скользкой после дождей глинистой дорожке в направлении, куда указал Фрэд Янг. Отойдя всего несколько десятков метров от шоссе и избавившись от запахов бензина, мы буквально были «оглушены» букетом тончайших ароматов. Дорожка привела к деревянным воротам с двумя каменными колоннами. Ворота оказались закрытыми. От них шла ограда из колючей проволоки. Мы останавливаемся перед заграждением. Но не отступать же. Недолго думая перемахиваем через ворота.

Преодолев таким образом преграду, наша группа бодро устремляется дальше вниз по скользкой тропинке. Следующим препятствием оказывается маленький ослик, стоящий посреди дороги. Он выжидающе смотрит на приближающуюся к нему сверху лавину и недоуменно похлопывает ушами. По сведениям, которыми располагал наш доктор, на острове ровно одна тысяча ослов. Это первый, с которым мы повстречались. Когда мы подходим к нему почти вплотную, он, взбрыкнув, отскакивает метров на 5 вниз по тропе и снова останавливается.

Так, рывками, наша группа движется вниз, с каждым мигом приближаясь к могиле Наполеона. Наконец, мы проходим через узкую калитку мимо маленькой будочки, где, возможно, в свое время находился солдат-гренадер, охранявший могилу, и под сенью высоких деревьев посреди небольшой поляны видим почерневшую металлическую ограду. Внутри — прямоугольная, серая, местами с зеленоватыми подтеками каменная плита. На плите нет никаких надписей. Вокруг настоящее царство тропических растений.

Часовня неподалеку от могилы императора.

«Почему Наполеон полюбил это место и выбрал его для своей могилы?» — думаю я. Наверное, раньше не было здесь этой густой зелени и отсюда можно было видеть море — бескрайнее и бирюзовое, за которым лежала Франция.

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей...—

писал А. С. Пушкин.

Сверху слышатся зовущие звуки клаксона. И мы вспоминаем, что нас ожидает Фрэд Янг. Быстро, без осложнений проделав обратный путь, выходим на дорогу. Наша машина уже предусмотрительно заведена и, стоя на месте, судорожно подергивается.

Еще несколько километров по живописной дороге, и мы въезжаем через небольшие ворота в Лонгвуд, где располагалась резиденция Наполеона. Пересекаем сочный зеленеющий луг, где мирно пасется с десяток коров. Мирный сельский ландшафт. А

когда-то здесь стояли густые леса. Сейчас несколько высоких деревьев растет только у дома Наполеона. Чарлз Дарвин приводит в своей книге сведения, что на этом месте еще в 1716 году было много деревьев, но в 1724 году большая часть их погибла. Почему же леса исчезли? Оказывается, это следствие появления на острове домашних животных — коз и свиней, завезенных в начале XVI века португальцами. Они неимоверно размножились и всего за два столетия с небольшим неузнаваемо изменили облик местного ландшафта. Дарвин пишет: «Тот факт, что козы и свиньи уничтожали все молодые, только что появлявшиеся деревца и что в течение этого времени старые деревья, не подвергавшиеся их нападениям, гибли от старости, положительно доказан». Позднее был издан приказ об уничтожении одичавших животных, но возобновить первичную растительность было уже невозможно.

Дом в местечке Лонгвуд, где жил ссыльный Наполеон, посещают все, кому довелось попасть на остров.

Дом Наполеона — приземистый, окруженный цветниками, одноэтажный особняк. Близ него на тонкой мачте вяло болтается французский, уже весьма потрепанный флаг. Перед домом две маленькие, словно игрушечные, зеленые пушечки. Внутри здания — музей. Здесь же, в дальнем крыле дома, помещается французское консульство. И мы находимся уже не на английской,

а на французской территории. Как же это произошло?

После отъезда французов с острова почти все оставшееся было растащено, а дом превращен в ферму. Ч. Дарвин, посетивший эти места в 1836 году, то есть еще до того, как тело императора было перевезено на родину, засвидетельствовал в своем путевом дневнике грустную картину: «Что касается дома, в котором умер Наполеон, то состояние его скандальное; при виде грязных и запущенных комнат с вырезанными именами посетителей я испытал такое же чувство, как при виде древней руины, гнусно обезображенной». А ведь Дарвина как англичанина, очевидно, нельзя заподозрить в особой симпатии к императору.

В 1858 году английская королева Виктория подарила Лонгвуд и участок земли у места прежнего захоронения Наполеона тогдашнему императору Франции Наполеону III. Сразу же после этого кое-что в доме восстановили, а могила была приведена в порядок. Но этим дело и кончилось. Лишь в 1931 году благодаря помощи Общества друзей Святой Елены (оказывается, существует даже такое общество) сюда прибыл архитектор. Он установил, что в Лонгвуде все выполненные ранее реставрационные работы по дереву погублены термитами. В 1949 году правительство Франции выделило некоторые ассигнования для восстановления императорской резиденции. Пять лет тут велись различные работы. Частично восстановлена прежняя обстановка. Так что современный Лонгвуд имеет неплохой вид, хотя, очевидно, не совсем походит на тот, что был при императоре.

Нам сказали, что французский консул на Святой Елене знает русский язык и работал когда-то в Москве. Портовые чиновники передали нам, что будто он хотел повидаться с нами. Мы искали его, но так и не нашли. А жаль, он единственный человек на острове, знающий русский язык, и у нас к нему было бы много вопросов.

Входим в музей. В этом доме Наполеон прожил почти 5 лет. Вот его спальня с низкой кроватью, кабинет, бильярдная где на подоконнике аккуратно сложены желтоватые слегка побитые шары, которыми, по-видимому, пользовался сам император. По стенам комнат развешаны старинные гравюры и литографии. Картины былого величия: Наполеон в расцвете сил, со сложенными на груди руками (его традиционная поза) или сцена коронации — торжествующий Наполеон, взяв из рук перепуганного папы корону, сам возлагает ее на свою голову. А вот другие картины. Наполеон совсем иной — уже позади Ватерлоо, впереди неведомая ссылка. Картина называется «Наполеон прибывает на борту «Норсхаберленда» на остров

Святой Елены». Император на палубе в своем обычном сюртуке и треуголке устало смотрит вперед, где, очевидно, уже виден мрачный, вырастающий из морских пучин остров, а далеко позади, как бы подчеркивая его одиночество, стоит свита... На полотне — последние секунды жизни Наполеона. Мертвенно бледный император на своей низкой постели, глаза его закрыты. Приближенные, обступив постель, вглядываются в его уже успокоенное лицо. «Наполеон мертв!» — словно говорит один из генералов, вытянув вперед руку... Но вот еще одна картина: Наполеон с нимбом над челом с устремленным вперед взором поднимается из темного, мрачного склепа. И снова вспоминаются строки Лермонтова:

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Пожалуй, нет смысла продолжать. О Наполеоне и так много написано. Но хотя от современности его время отделяет жизнь многих поколений, тем не менее события того периода нам глубоко не безразличны. Мы, русские, посещаем наполеоновские места с волнением, вызванным не столько интересом к жизни знаменитого человека (Россия знала достаточно своих великих людей), сколько к истории своей страны. Наполеон для нас — живые ее страницы. Вспоминая о Наполеоне, вспоминаешь Отечественную войну 1812 года, и прежде всего Бородино...

Фрэд Янг везет нас дальше по горным дорогам Святой Елены. На одном из разветвлений он притормаживает и спрашивает, предпочитаем ли мы ехать обратно в город или дальше по острову; если дальше, то нужно платить еще по 2 шиллинга с брата. Так в высокие наши размышления вторгается проза жизни. В машине замешательство. Раздаются голоса:

— Давайте лучше обратно!

Уже, кажется, все потеряно. Искатели нового, бескорыстные романтики, что-то робко мычат, нерешительно протестуют, вот-вот сдадутся. Но спасает положение доктор; глянув на часы, он говорит:

— Половина первого. Магазины скоро закроются. Сейчас возвращаться в город ни то ни се.

— Конечно, ни то ни се! — уже решительно подхватывают романтики.

— Вперед! — быстро говорю я Фрэду, не дожидаясь конца дебатов.

Он сворачивает налево, в гору. Дорога поднимается все выше, к вершине острова — горе Актион. На подъеме нас застигает дождь. Откинутый было тент колымаги приходится спешно поднимать.

— Ну вот, надо было возвращаться, — слышится недовольный голос сзади, — Вымокнем до нитки.

— Вымокнуть боишься, а еще полярник, — парируют спереди.

Через десять минут с перевала открывается головокружительный вид на лежащее внизу море и каскадом спускающиеся к воде красные скалы, образованные застывшей лавой.

Все смолкают.

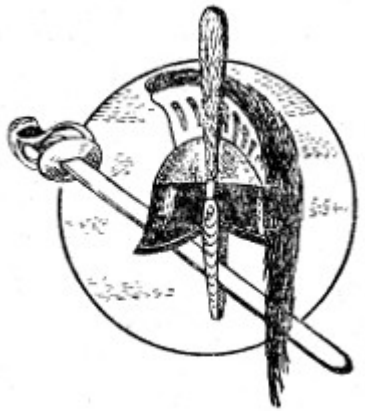
Машина начинает скатываться вниз и вскоре сворачивает в тенистый парк, где на лужайке стоит большой двухэтажный особняк. Это резиденция губернатора острова Святой Елены и подчиненных ему еще нескольких мелких островов в южной части Атлантического океана — Тристан-да-Кунья (252 жителя), Вознесения (196 жителей) и других, необитаемых. На лужайке перед домом ухоженный теннисный корт, а рядом площадка для гольфа. Ближе к зданию на длинных тонких столбах установлены домики для певчих птиц.

Наше внимание привлекает что-то большое и бесформенное, лежащее на траве между теннисным кортом и площадкой для гольфа. Мы пристально вглядываемся и узнаем в этой серой массе гигантскую черепаху.

— Ей 200 лет, — не без гордости сообщает Фрэд Янг.

Двухсотлетняя черепаха, современница Наполеона, обитающая возле дома губернатора.

Да, это гордость острова. Старая мудрая черепаха, которая столько видела на своем веку. Единственное живое существо, несомненно обитавшее здесь еще при Наполеоне. Умей эта черепаха говорить, сколько бы могла она рассказать о событиях, происшедших на острове уже после смерти Наполеона.



О ЧЕМ БЫ РАССКАЗАЛА ЧЕРЕПАХА

Здесь так мало плодородной и вообще удобной земли, что удивительно,
как может прокармливаться тут население, состоящее из 5000 человек.

Чарлз Дарвин

После смерти Наполеона гарнизон на Святой Елене был сокращен, корабли стали заходить сюда реже, и маленькая колония постепенно стала приходить в упадок. В 1832 году на острове запретили держать рабов. Не находя работы, многие жители покидали остров и эмигрировали в основном в Южную Африку или Вест-Индию.

«Низшие классы, т.е. эмансипированные невольники, чрезвычайно бедны и жалуются на недостаток работы» , писал Ч. Дарвин. Он же обратил внимание на скудность пищи рабочего люда — рис с небольшой добавкой соленого мяса. Любопытно, что со времен захода на Святую Елену «Бигля» население острова нисколько не увеличилось. Очевидно, большее число жителей остров просто не в состоянии прокормить и обеспечить работой.

Губернаторы Святой Елены неоднократно пытались развить собственное выгодное производство. То это были попытки выращивания хинного дерева и льна, то организация китобойного промысла и рыбоконсервной промышленности. Однако все эти начинания заканчивались неудачно. И ко второй половине XX века положение на острове стало еще хуже. Этому особенно способствовало открытие в 1869 году Суэцкого канала; что сильно уменьшило заходы судов на Святую Елену.

Экономическое положение острова несколько улучшилось во время англо-бурской войны 1899 — 1902 годов, когда решено было превратить Святую Елену в тюремный лагерь для буров. В 1899 году сюда было доставлено 4600 пленных буров, а в дальнейшем число их увеличилось до шести тысяч. Ваключенные и охранявшие их солдаты приносили доходы острову, поскольку английское правительство вынуждено было отчислять на их содержание дополнительные субсидии. Таким образом, не имея

своей собственной развитой экономики, остров паразитировал, извлекая выгоды из войны и бедствий в окружающем мире.

После окончания войны и репатриации пленных экономическое положение здесь вновь ухудшилось, стала ощущаться нехватка рабочих рук. К этому времени основной промышленной культурой на острове стал новозеландский лен. Для его обработки было построено несколько небольших фабрик. Но успех этого предприятия сильно зависел от уровня цен на внешнем рынке. Во время мировых войн цены на лен были очень высоки. В эти периоды на Святой Елене вновь были возданы военные гарнизоны, и многие жители записались в армию.

Во время второй мировой войны произошел случай, оставивший след в местной истории. 6 ноября 1942 года английский пассажирский пароход «Каир», плывущий из Бомбея, был торпедирован германской подводной лодкой в тысяче миль от побережья Африки. 294 пассажира в шести шлюпках взяли курс на Святую Елену. Однако только части лодок удалось достигнуть острова, и лишь 148 человек нашли здесь спасение.

С окончанием войны жизнь на острове Святой Елены снова приобрела унылый, рутинный характер. Сменялись губернаторы и другие колониальные чиновники, которые по истечении положенного времени возвращались в родные края. Английское правительство мало заботили дела на Святой Елене. Остров не имел стратегического значения, и деньги на его нужды выделялись в виде скудного пособия, хватающего только на то, чтобы дать возможность островитянам кое-как существовать. Поэтому многие святоеленцы жили очень бедно. Заработная плата сохранялась чрезвычайно низкой, число безработных росло. Молодежь, не находя работы, покидала остров. Часть мужчин вынуждена была идти на службу в американские военно-воздушные силы на острове Асенсьон, расположенном в тысяче километров северо-западнее Святой Елены. Местный историк и публицист Х. Уолш, брошюру которого «Святая Елена» я купил в Джемстауне, писал: «Бедняки этой колонии настроены лояльно, но есть все признаки того, что терпение этого многострадального народа скоро кончится».

А ведь помочь населению острова вполне возможно. Прекрасный климат, живописная природа, местная экзотика могли бы при не столь уж больших вложениях превратить остров в отличный курорт с многочисленными удовольствиями и развлечениями: купанием, рыбной ловлей, теннисом, крокетом, футболом и т.д. Пока же здесь есть один-единственный отель, к тому же очень маленький. Нет мола, так что пассажиры вынуждены переправляться с судна на берег в шлюпках.

И Х. Уолш, очевидно искренне озабоченный судьбой своей родины, обращается в конце своей книги к читателям с призывом поведать всем о трудной судьбе острова: «Если больше людей узнают о нашем бедственном положении, тогда, может быть, ответственные люди займут по отношению к нам более реальную позицию...»

И живой свидетель всего этого — большая серая черепаха, лежащая посреди лужайки перед губернаторским домом.

Самого губернатора Святой Елены и подопечных ей территорий мы так и не увидели. Говорят, он уже стар, живет на острове четыре года, ездит в отпуск в Англию и, очевидно, дорабатывает до пенсии.

Когда мы, покинув двор губернатора, направились к машине, черепаха грустно смотрела нам вслед. Надоело ей видно, двести лет лежать здесь в одиночестве. Она сделала несколько движений в нашу сторону, но, поняв тщетность своих усилий, снова замерла посреди лужайки.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЖЕМСТАУН

И путник слово примиренья
На оном камне начерти́т.

А. С. Пушкин

Наша экскурсия по острову подходила к концу.

Дорога шла под уклон, мы спускались к юго-западному краю острова. По мере приближения к морю растительность становилась все беднее, снова пошли унылые склоны, заросшие кактусами. Среди колючих, в рост человека кустов виднелись убогие обшарпанные домики — это был рыбацкий поселок. Рыбаки поселились в этих неприютных местах, чтобы быть поближе к морю: ведь местные прибрежные воды изобилуют рыбой самых различных видов, морскими черепахами, омарами, устрицами. Тунец, альбакор и барракуда привлекают сюда даже рыбаков из Южной Африки. Некоторые рыбы носят забавные местные названия: серебряная рыба, длинная ножка, старая жена, рыба-ружье, рыба-кот, бычий глаз и т. д. Но главная промысловая рыба, безусловно, макрель.

Машина делает еще несколько поворотов, и мы снова оказываемся близ Джемстауна. Вернее, над ним, но теперь уже с южной стороны. Здесь на вершине скалы находится старая крепость, когда-то охранявшая подступы к берегу, а теперь превращенная в школу. Всего школ на острове двенадцать. Одна из них средняя, остальные начальные. Школьников на Святой Елене почти полторы тысячи, а учителей около шестидесяти, причем из них только тринадцать мужчин. Среди учителей немало очень молодых — шестнадцати — восемнадцати лет. Да и вообще около половины населения острова моложе 16 лет.

Двор крепости-школы, к которой мы подъехали, отделен от двухсотметрового обрыва к океану небольшой балюстрадой. Ребята с любопытством рассматривали отсюда наше судно, застывшее внизу под скалой.

Святоеленские школьники приветливо встречают советских полярников.

Школьники в большинстве смуглые. Редко-редко можно увидеть типично европейское, бледное лицо. Однако когда доктор поинтересовался у самых темных из них, какой они национальности, ему ответили:

— Мы англичане.

Большинство жителей Святой Елены родились здесь, на острове. Выходцев из других мест совсем мало, около 100 человек.

С вершины скалы вниз, к центру города, ведет очень крутая и узкая лестница, едва ли не самая длинная и крутая в мире. Построена она еще в 1829 году. Длина ее около 300 метров, высота почти 200 метров, а крутизна достигает 44 градусов. В ней 700 ступеней, правда самая нижняя уже сравнялась с землей. Дух захватывает, когда смотришь с вершины лестницы вниз. Лестница эта, как и черепаха, достопримечательность острова.

Не рискнув пересчитать все оставшиеся 699 ступеней, съезжаем вниз, в город, по узкому шоссе, искусно проложенному вдоль края обрыва.

Мы прощаемся с Фрэдом Янгом. Поездка по острову закончена. Нам остается еще несколько часов побродить по самому городу. Почти одновременно с нами заканчивают экскурсии и остальные участники нашей экспедиции, и скоро двухсотенная толпа полярников и моряков заполняет миниатюрный центр Джемстауна.

Местные жители словно растворились в нашей массе. Одинокий полисмен, регулирующий несуществующее движение в центре города, вежливо здоровается с проходящими русскими. Он оттерт куда-то в сторону и, беспомощно улыбаясь, позирует фотолюбителям. Рядом с ним вертится все время большой рыжий петух, явно смущающий его.

Главную городскую площадь шириной не более 40 метров окаймляют небольшой универсальный магазин, крытый рынок и две таверны. Одна из них, почище, называется «Белая лошадь», другая, похожая на темный сарайчик, — «Черная лошадь». На рынке одна-единственная женщина продает несколько плодов манго. Значит, нам так и не удастся попробовать гуайяву, папайю, лайм, баньян и другие диковинные плоды, о которых нам рассказал Фрэд Янг. Не обнаружили мы на базаре и знаменитого святоеленского кофе, которому, говорят, отдавал должное сам Наполеон.

Но все это нас нисколько не расстраивало. Очутившись на улицах Джемстауна, мы, казалось, подпали под чары этого старинного городка, где жизнь катилась медленно и неторопливо, где все было на виду.

Вдоль стены рынка сидят несколько старушек, вяжут и переговариваются друг с другом, зорко поглядывая на прохожих, то бишь на нас. Ну совсем как в наших дворах и у подъездов.

Возле старушек стоит смуглая молодая женщина в ярком красном костюме, держа за руку совершенно черненького мальчика. Она нисколько не смущается присутствием иностранцев. Когда я прошу разрешения сфотографировать ее, она утвердительно кивает, но затем вдруг начинает громко смеяться, показывая рукой в сторону. Я смотрю туда и вижу двух темнокожих женщин, испуганно прикрывающих лица. Этим они, очевидно, показывают, что не хотят сниматься.

Через центр городка проходят девушки. Одних, совсем юных, сопровождают матери, другие, повзрослее, смуглые и стройные, гуляют самостоятельно. Они весело постукивают каблучками по мостовой, двигаясь легкой, грациозной походкой, с чуть

заметным вызовом поглядывая на полярников. И мы понимаем, что сведения доктора о том, что женщин на острове больше, чем мужчин, вполне соответствуют действительности.

Центральная улица Джемстауна — Мейн-стрит — очень уютна и чиста. В начале ее — у моря — расположена церковь святого Джемса, в конце — церковь святого Джонса.

По дороге мы заходим на почту и покупаем на память святоеленские марки. На них изображены местные рыбы, птицы и, как на большинстве английских марок, вечно юная королева Елизавета.

Хотя столица Святой Елены и невелика, здесь есть гостиница, две таверны, библиотека, школы, почта, аптека, больница, тюрьма... , но только все маленькое, миниатюрное.

Походить бы еще по городу, свернув с центрального проспекта, но уже вечереет, и нам пора к причалу. Мы направляемся к морю. На крохотной набережной молодые мамаши прогуливают в колясочках детей, здесь же вертится уйма ребятишек. У причала особенно многолюдно. Наши парни уже купаются здесь, ныряя в теплую зеленоватую воду с каменных ступенек. Среди местных жителей мы видим уже знакомую нам женщину в красном. Рядом с ней стоит другая молодая мамаша с симпатичным, типично славянским лицом. Поодаль в колясочке полулежит маленькая девочка — ее дочка. Девочка во все глаза смотрит на окружающих ее русских полярников. Очевидно, ее

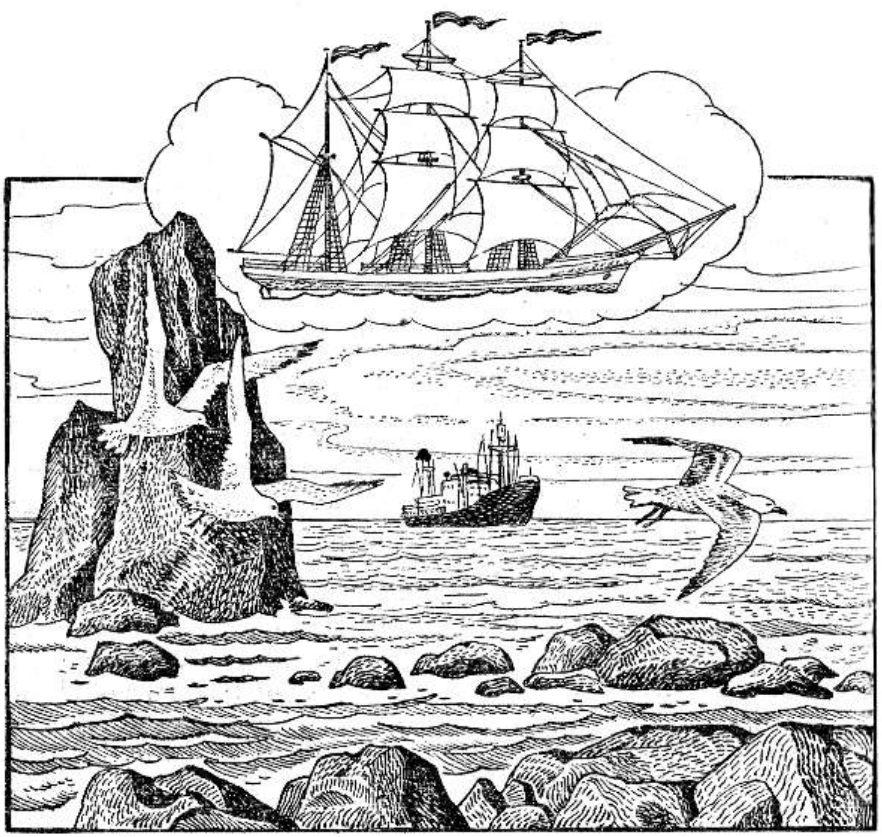
сначала удивляет, а потом пугает борода нашего доктора, и она заливается слезами. Мать быстро подхватывает ее на руки. Я фотографирую их. Молодая женщина бросает протестующий взгляд, но, встречая мою улыбку, улыбается сама.

Подошла шлюпка, мы вскакиваем в нее и тут же отчаливаем. Прощально машут нам женщины и ребятишки, и мы им в ответ. Пристань удаляется, удаляется навсегда, потому что не может быть на свете такого чуда, чтобы человек дважды в своей жизни посетил этот затерявшийся в океане, крохотный, как говорят, «богом забытый» остров.

Глава четвертая
АРХИПЕЛАГ ОСЕННИХ БУРЬ

Кергелен (Kerguelen), группа вулканич. о-вов в юж. части Инд. ок. Владение Франции. Ок. 7 т. км². Выс. до 1965 м. Промысел тюленя. Научная станция Порт-о-Франс (с 1950).

СЭС



НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Острова Кергелен принадлежат
к числу самых отдаленных уголков
земного шара.

Обер де ла Рю

Южная оконечность Африканского материка далеко позади. Мы вошли в океанские широты, известные под названием «ревущих сороковых». Однако океан будто дремлет, волны ворочаются нехотя, и качка почти не ощущается.

С утра за кормой парят несколько гигантских птиц. Размах их крыльев не меньше полутора метров. Это знаменитые странствующие альбатросы, знакомые всем, кто хотя бы раз плавал в Антарктиду. К вечеру появляется сильная зыбь, отголосок дальнего шторма.

Я поднимаюсь в каюту капитана. Это мой первый визит за месяц совместного плавания. На каждом судне капитан — лицо особое, для пассажиров нередко таинственное и недоступное. По прошлому опыту знаю: не проявишь инициативы, за весь рейс хорошо если два-три раза увидишь его, да и то на расстоянии. Потом жалеть будешь: плавали вместе, а о своем капитане знаешь только понаслышке. Без дела, конечно, к капитану идти не следует. Но у меня есть повод — хочу узнать о предстоящем заходе на острова Кергелен.

Капитан — человек приветливый, держится просто. Невысокий, плотный, не старше 45 лет, он нисколько не походит морского волка, скорее наоборот, в нем преобладают черты сугубо сухопутного человека. И начинается наш разговор довольно прозаично — с сетования на «проклятые болезни». Капитану принесли стакан подогретого молока, и он несколько смущенно объясняет, что ему предписана строгая диета: перед самой экспедицией болел желтухой, к тому же нет-нет да и дает о себе знать застарелая язва желудка. Эта болезнь мне тоже хорошо знакома. Поэтому разговор сразу становится непринужденным: у нас есть общие интересы, и второй стакан молока тут не помешает. Капитан рассказывает о целебных источниках и курортах: Железноводске, Ессентуках, Карловых Варах. Часть своего отпуска он обычно проводит на водах.

Из-за перегородки, отделяющей спальное помещение капитанской каюты от кабинета, неожиданно вылетают две

канарейки. Одна садится капитану на плечо. Эти птицы — подарок маленькой дочки. Они свободно летают по каюте, но сейчас пришло время устраиваться на ночевку, и хозяин заботливо помещает своих питомцев в клетку, занавешивая ее куском материи, чтобы птицам не мешал свет лампы.

Для нашего капитана рейс в Антарктиду не в новинку. Но на Кергелене судно раньше не бывало. На этот раз, в связи с тем что острова оказались почти по курсу, решили сделать попытку пополнить тут запасы пресной воды. Ведь предстоит длительное плавание вдоль берегов Антарктиды, где хотя и сосредоточены самые крупные запасы пресных вод, но... в виде льда. Капитана беспокоит предстоящий визит на острова: подходы к ним исследованы плохо, глубины на картах показаны неточно. Чувствуется, что посещение островов ему не очень-то по душе. Опасаясь, что заход на Кергелен может не состояться, я спешу заметить, что этот архипелаг еще с прошлого века служил базой многочисленным промысловым экспедициям, добывавшим китов, тюленей, а иной раз не брезговавшим и пингвинами. Поэтому опыт плавания у здешних берегов не малый.

— Так-то оно так, — невесело улыбается капитан. — Только разве можно равнять небольшие промысловые суда с нашим лайнером! Да и то — прочитайте лоцию — сколько их, разных суденышек, здесь затонуло, до сих пор у берегов видны следы кораблекрушений.

Мне ничего не остается, как согласиться с капитаном. И я дипломатично помалкиваю о неожиданных шквалах, возникающих у здешних берегов: для мореплавателей они представляют особую опасность. А в некоторых проливах архипелага — того хуже: не исключена возможность напороться на мину! В годы второй мировой войны англичане кое-где минировали подходы к островам с целью не допустить в эти воды фашистские военные корабли. Однако немецкие суда здесь все же побывали, причем один из них, хотя и не подорвался на мине, получил серьезную пробоину, наскочив на подводную скалу. Минированные участки обозначены на специальных картах как «бывшие опасные от мин районы». Становиться на якорь там не рекомендуется. Впрочем, капитану обо всем этом, конечно, известно. Интерес к группе островов Кергелен, лежащих в Южном океане, у 50 градусов южной широты, возник у меня не вдруг. Еще в пятидесятых годах, в пору первых советских экспедиций в Антарктиду, нам случалось не раз проплывать мимо архипелага, однако вблизи видеть его не приходилось: курс благоразумно прокладывали на почтительном расстоянии от опасных берегов. А между тем с природными условиями этого архипелага, лежащего

как раз на границе умеренных и антарктических широт, было бы весьма полезно ознакомиться географам, исследующим южную полярную область.

Пробуждению интереса к Кергелену способствовала также книга известного зарубежного геолога, швейцарца по происхождению, Э. Обера де ла Рю «Два года на островах Отчаяния». Автор — участник французских экспедиций, неоднократно посещал острова в период между 1928 и 1953 годами. Он исходил пешком значительную часть их территории и, будучи естествоиспытателем, основное внимание уделил местной природе, которая, по его мнению, во многом неповторима.

Вот почему столь велико было желание увидеть острова своими собственными глазами и тревожило отсутствие энтузиазма у капитана. Он не слишком-то успокоил меня, заявив, что мы непременно зайдем на острова в случае приличной погоды. На хорошую погоду в этом районе трудно было рассчитывать. Обер де ла Рю, рассказывая о здешнем климате, употреблял в основном мрачные эпитеты: ужасающий, мерзкий, отвратительный, подчеркивая, что ясные, безветренные дни здесь — великая редкость и их считанное число в году.

Смеркалось. За окнами капитанской каюты океан становился темно-свинцовым. Ничего не предвещало хорошей погоды на завтра. Капитан пригласил меня на мостик: подошло время определять местонахождение нашего судна. Процедура эта не хитрая и хорошо знакомая всем морякам, но мне, человеку сухопутному, она всегда представлялась ем-то особенным. Да и сами моряки выполняли ее с увлечением.

Кергелен

Секстантом нужно поймать две-три звезды под углом не меньше 30 градусов к горизонту, и на месте пересечения их азимутов, которые находят в специальном каталоге по отсчетам времени наблюдения и величинам углов, засечь точку. Она и дает координаты судна на данный момент. Само собой, ловить звезды можно, пока в сумерках еще видна линия горизонта.

Мы стоим на правом крыле мостика. Уже ничто не напоминает о тропиках. Над нами проносятся рваные серые облака. Дует холодный напористый ветер. Судно все с большей почтительностью раскланивается с волнами. Капитан поеживается на ветру и в конце концов, оторвавшись от секстанта, просит матроса принести меховую куртку.

Мне не удается различить в таком облачном небе ни одной звезды, но наметанный глаз капитана, облачившегося в теплую куртку и сразу повеселевшего, ловит Венеру. Она то появляется, то пропадает в облаках. Одновременно ту же операцию пытаются

выполнить старпом и вахтенный штурман. Идет настоящая охота за звездами.

Поймав Венеру, капитан нацеливается на то место, где, по его расчету, должна быть Андромеда, но тщетно: она скрыта в облаках. Тем временем сумерки сгущаются и небо на горизонте сливается с поверхностью океана.

— Фокус не удался, — без особого, однако, огорчения констатировал капитан.— Повторим завтра утром.

Старпом и штурман, также не добившись успеха, откладывают инструменты.

С мостика заходим в радиорубку за новостями. Радиосвязь с Москвой, до недавнего времени прямая, сейчас идет через радиоцентр нашей главной антарктической станции — Молодежной. До нее, однако, не близко: почти полторы тысячи миль. Радист разводит руками: связи нет, полное непрохождение радиоволн. Значит, где-то над Антарктидой разыгралась магнитная буря — обычное явление в полярных широтах.

В штурманской, расположенной рядом, я, воспользовавшись присутствием капитана, взял с настенной полки один из томов морской лоции и, притулившись у стола, где штурман прокладывал курс, принялся за чтение. Проходивший мимо старпом недовольно взглянул на меня. Его взгляд был достаточно красноречив: он не выносил посторонних в служебных помещениях.

Нашего старпома, признаться, побаивались на корабле. Он не терпел беспорядка, и в первые недели плавания многие из полярников, еще не освоившиеся с корабельной обстановкой, получали от него строгие замечания.

Старпом был на редкость энергичен, во все вникал и, казалось, ничто не ускользало от его взгляда. Брошенный на палубу окурок был для него ЧП — не только возможным очагом пожара, но и неуважением к морским традициям, личным оскорблением. Мы ни разу не видели его одетым по-домашнему: он всегда был в форме. При встрече с ним многие из нас невольно подтягивались, одергивали одежду. Словом, наш старпом был морским офицером, как говорится, по призванию. Притом он был хорош собой, его жгучим черным глазам мог бы позавидовать не один киноактер. Последнее, видимо, удручало старпома, и он стремился придать своему взгляду намеренно холодное выражение. Даже голос его был жесткий, решительный в противоположность мягкому одесскому говорку капитана.

Под суровым взглядом старпома я внутренне сжался, но остался в штурманской: как-никак я пришел с капитаном. К тому же от лоции было не так просто оторваться.

Нет более увлекательного чтения, чем морская лоция. Уже одно только перечисление мысов, бухт, проливов, островов, мне кажется, звучит как музыка: полуостров Жанн-д'Арк, остров Кармен, бухта Воскресенье, проход Газель, якорное место Ролан-Бонапарт. А сам лаконичный стиль лоции, морская терминология! Например: «Гавань Иль расположена между островами Норд, Ша, Симетьер и Кошон. Проходы, по сведениям 1941 года, заросли водорослями. Вблизи северо-западного берега острова Ша лежит затонувшее судно с частями над водой. Гавань является бывшим опасным от мин районом».

Нет, здесь нам явно не удастся побывать, наш капитан не станет попусту рисковать судном. Тогда, может быть, здесь? «Бухта Газель — одно из лучших убежищ для судов в районе островов Кергелен. Здесь водится много кроликов и гнездится большое количество морских птиц. В бухте можно принять пресную воду; она поступает по трубопроводу из водопада, который находится примерно в 5 кабельтовых от берега. На северном берегу бухты Газель у каменистой пирамиды высотой 3,7 м был оставлен запас продовольствия для потерпевших кораблекрушение, но в 1941 г. никаких. ризнаков этого запаса не обнаружено».

Сюда заход тоже проблематичен: неизвестно, действует сейчас трубопровод. Судя по всему, лоция дает сильно устаревшие сведения.

Следующая информация более оптимистична: «Водопад Лозер ниспадает с северного берега бухты Хопфул... Здесь легко набрать пресной воды, ошвартовавшись у скал водопада, глубина у скал 7 м. В скалах закреплено металлическое приспособление для крепления швартовов. Против водопада на глубине 20 м можно стать на якорь, здесь выставлена швартовая бочка, это якорное место хорошо защищено от северных и западных ветров».

Что же, возможно, нам пригодятся эти ценные сведения. Однако во всех случаях прежде всего надлежит представиться хозяевам этих мест. Острова Кергелен находятся под суверенитетом Франции; французская научная станция Порт-о-Франс расположена на юге острова, в заливе Морбиан. Вот уж там, если погода будет нам благоприятствовать, мы обязательно побываем.

Больше часа я просидел в штурманской, почерпнув массу любопытных сведений: о количестве островов в архипелаге (их более трехсот); о горах, максимальные высоты которых почти две тысячи метров; о местных ледниках, кое-где порождающих свои собственные, кергеленские айсберги. Немало интересного прочитал я о растительности, в том числе о кергеленской капусте

— прекрасном противоцинготном средстве, которое особенно ценилось мореплавателями прошлого, и, наконец, об уникальном животном мире, прежде всего о морских слонах, еще совсем недавно подвергавшихся безжалостному истреблению. Упоминались и животные-новоселы, попавшие на острова с человеком: собаки, кошки, мыши, но прежде всего кролики, которые освоились тут, судя по всему, ничуть не хуже, чем в Австралии.

Словом, лоция была энциклопедией, полезной не только для судовождения — она давала массу ценных сведений и потерпевшим кораблекрушение.

Я не удержался и высказал эту неожиданно осенившую меня мысль старпому, который как раз в этот момент зашел в штурманскую и внимательно смотрел на карту. Мне хотелось как-то завоевать его расположение.

Однако старпом помрачнел и, сверкнув глазами, посоветовал идти читать в каюту. Сообразив, что сделал непростительный промах, я, захватив лоцию, покинул мостик.

ОГНИ ВО МРАКЕ

Находясь на большом расстоянии от всех континентов,
затерянные в бескрайних просторах Южных морей, вдали от больших океанских дорог, по которым когда-то
шло переселение первобытных народов,
эти острова не видели людей до конца XVIII в.

Обер де ла Рю

На другой день появилось множество пернатых — видимо, земля была совсем близко. К странствующим альбатросам прибавилось еще несколько видов птиц. Из них мне оказались знакомы только пестрые капские голуби и совсем маленькие, юркие, как стрижи, качурки. Птицы легко и свободно реяли над волнами, вели затейливые хороводы за кормой. У борта проплыла большая коричневая водоросль, очевидно оторванная штормом от прибрежных скал. Поднявшись на верхний мостик, я увидел наконец гористые очертания «островов отчаяния».

Более двух столетий назад, 12 декабря 1772 года, острова эти были открыты французской экспедицией, возглавляемой кавалером Ивом де Кергеленом. Любопытно, что сам Кергелен так и не ступил на берег открытой им суши, все время оставаясь на судне. Однако по возвращении это не помешало ему в докладе королю расписать богатство природы новых земель с фантастическими преувеличениями. Кергелен считал, что открыл западный берег Южного континента и не дал островам никакого названия.

В 1776 году знаменитый Джеймс Кук посетил открытые французами острова, все еще остававшиеся безыменными. В одной из бухт англичане обнаружили бутылку с запиской своих предшественников. В отличие от Кергелена на Кука новая земля произвела безрадостное впечатление. Он писал: Я мог бы из-за ее бесплодия дать ей вполне подходящее название «островов отчаяния», но чтобы не отнимать у господина де Кергелена чести

открытия, я назвал ее Землей Кергелена». Таким образом, появлению своего имени на карте Кергелен обязан прежде всего щепетильности своего английского коллеги.

Долгое время после открытия этих лежащих на краю света островов ни у кого не возникало к ним серьезного интереса. Однако в связи с развитием морского промысла в Южном океане сюда начали наведываться китоловы и тюленебои. Омывающие острова воды изобиловали наиболее ценными в промысловом отношении голубыми китами, а на берегах располагались многочисленные лежбища тюленей. В XIX веке здесь перебывало немало промысловых экспедиций, большей частью американских, безжалостно истреблявших все живое.

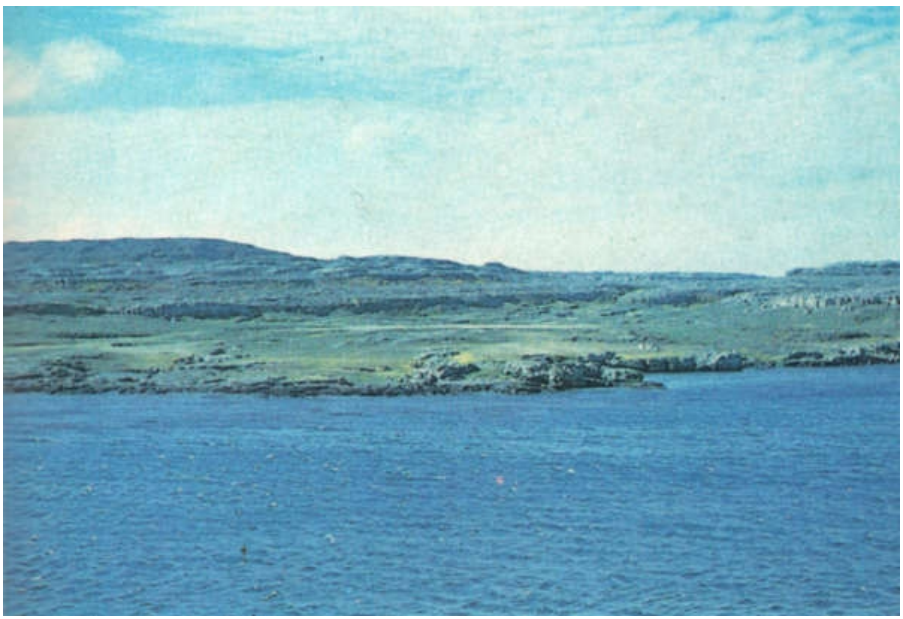
Во Франции тоже стали задумываться над тем, какую выгоду можно извлечь из далекого заморского владения. Возникло несколько проектов, по одному из которых на островах предполагалось организовать исправительную колонию.

В конце концов архипелаг Кергелен вместе с рядом других принадлежащих Франции островов в южной части Индийского Океана (Крозе, Сен-Поль, Амстердам) был в 1893 году сдан на 50 лет в концессию частным предпринимателям. Попытки колонизации островов, разведения здесь овец, поиски полезных ископаемых не увенчались успехом и не принесли дохода концессионерам. По мнению Обера де ла Рю, острова решительно не подходят для освоения. Их изолированное положение, равно как и суровый климат, бедность природными ресурсами, делают бесперспективными такого рода усилия. Однако в природном отношении, именно благодаря своему географическому положению, этот архипелаг уникален. Изучение местной природы — вот что, по мнению ученого, должно было стать здесь главным и определить непреходящую ценность Кергелена.

...Весь вечер я не уходил с верхнего мостика, наблюдая медленно надвигающуюся землю. Мы вышли на траверз островов Ранде-Ву и начали огибать архипелаг с востока, как предписывалось в лоции. В бинокль уже можно было рассмотреть низкие, унылые, словно зализанные океаном берега, а поодаль вставали высокие зазубренные пики, на склонах которых сквозь дымку смутно просматривались снежные пятна. Лучи заходящего солнца, пробившись в разрывах облаков, на миг раскрылись над островом гигантским веером, но тут же скрылись за тучами. Все сразу потемнело, приобрело мрачноватые темно-сиреневые тона.

От перемены освещения, казалось, резко похолодало. И я впервые вспомнил об антарктической меховой одежде, ожидавшей своей поры в корабельной кладовой. К тому же судно изменило курс, ветер стал лобовым и еще более колючим.

От жгучих соленых брызг, достигавших теперь верхнего мостика, пришлось искать укрытие позади зачехленного прожектора. Наверное, со стороны моя съежившаяся фигура в куртке с поднятым воротником походила на нахохлившегося пингвина. А лет двадцать назад я вел себя совершенно иначе — подставлял лицо навстречу ветру, стремясь во что бы то ни стало «задубить» кожу, дабы выглядеть истинным моряком. То было незабываемое, счастливое время первого океанского путешествия!



Кергелен — архипелаг на подступах к Антарктике. Ветры, дожди, холода, мрачные скалы... Недаром эту землю называют «островами отчаяния». В прошлом Кергелен был пристанищем охотников за китами и тюленями, а теперь на острове работает французская научная станция.

По правому борту уже совсем четко вырисовывался полуостров Курбе, восточная оконечность архипелага. Неприютная равнина, на которой выделялись две одиноко стоящих горы конусообразной формы, что выдавало их вулканическое происхождение. Обогнув полуостров, мы должны были войти в залив Морбиан, где и располагалась французская научная станция.

Уже почти в полной темноте мы резко повернули на запад и вошли в пролив Руайаль, ведущий в глубь архипелага. Ветер сразу ослабел, небо прояснилось, лишний раз свидетельствуя, сколь изменчива здешняя погода. Высыпали звезды, и холодный

свет их посеребрил поверхность океана.

Судно сбавило ход. Приближался решительный момент. На мостик вышел капитан.

Берег все приближался. Справа у самой воды возникли вдруг из мрака и замерцали узкой полосой электрические огни. Порт-о-Франс!

Мы прошли еще несколько миль, и огоньки исчезли. Теперь уже прямо перед нами угадывался силуэт приближающегося берега. Капитан сбавил ход до малого и самого малого. Боцман на баке изготовил якоря к отдаче. Ночь нам предстояло провести на рейде в заливе Морбиан.

УТРО В ЗАЛИВЕ МОРБИАН

Жить на островах Кергелен — это значит, хотите вы того или нет, находиться в тесном общении с морскими слонами...

Обер де ла Рю

Рассвело. И так близко возник берег, что в случае кораблекрушения до него легко было добраться вплавь. Вокруг судна в воде покачивались длинные коричневые щупальца диковинных водорослей.

Я вспомнил вычитанное в лоции предостережение, рекомендующее избегать участки, заросшие водорослями: здесь повышенная опасность наскочить на подводную скалу. Очевидно, вчера под покровом ночи наш капитан подвел судно гораздо ближе к берегу, чем сделал бы это днем.

Побережье ступенями отступало от залива, набирая высоту. У самой воды кое-где маняще зеленели яркие лужайки. Выше на горных склонах белели пятна снега. Местный ландшафт отнюдь не представлялся мне таким уж «бесплодным», «неблагодарным и негостеприимным», как о нем высказался Кук. Однако наш заход сюда — всего лишь кратковременный визит, а в таких случаях многое зависит от настроения.

Станция, огоньки которой мы видели на подходе, была скрыта невысоким мысом, и наше внимание сосредоточилось на тюленях, туши которых хорошо различались на прибрежной гальке. Их было множество.

Большинству участников экспедиции, за исключением лишь тех, кто работал раньше на антарктической станции Беллинсгаузен, не приходилось наблюдать тюленей в таком количестве. К тому же здесь нас ожидала встреча с самыми колоритными представителями ластоногих — морскими слонами, которых на Кергелене около четверти миллиона. Впрочем, пока с корабля различить «кто есть кто» не представлялось возможным.

До сих пор видеть морских слонов мне случалось только на картинках, и я мечтал познакомиться с ними поближе. Теперь эта мечта сбывалась: берег близок!

Морские слоны интересовали далеко не меня одного. На баке

сконцентрировалась группа полярников, среди которых я а заметил и нашего судового парикмахера Эмму. У некоторых были полевые шестикратные бинокли. Разглагольствующий в центре группы самоуверенный геофизик в больших модных очках реквизировал у стоящего рядом геолога из ГДР Ганса его еще более мощную цейсовскую оптику. Настроив бинокль, он галантно передал его Эмме, а сам, встав рядом, направлял ее голову так, чтобы она поймала нужный ракурс.

— Морские слоны ведут полигамный образ жизни, — вещал геофизик. — Каждый уважающий себя слон, у которого клыки не затупились и хобот в порядке, держит гарем, в котором не меньше нескольких десятков самок. Ну, отдельные самцы могут взять на себя труд позаботиться и о целой сотне.

Эмма долго смотрела в бинокль, а затем нерешительно спросила:

— А мы сможем увидеть бои между слонами?

— Вряд ли, сейчас уже конец ноября, по здешнему — началось лето. Пора любви позади. Опоздали месяца на два, — констатировал знаток морских слонов.

— Жаль, — сказала Эмма, возвращая бинокль геофизику. Ей уже наскучило на палубе, и она собралась уходить.

— Да куда же ты? — пытался задержать ее геофизик. — Я ведь на Беллинсгаузене с этими слонами, можно сказать, пуд соли съел. Мог бы многое о них рассказать.

Но Эмма ушла, и все вдруг потеряли интерес к тюленям, Ганс забрал свой бинокль, и группа распалась.

Вскоре выбрали якорь, и наше судно направилось к станции. Из-за мыса показались радиоантенны, и тотчас открылся вид на французский поселок. Бинокль приблизил его, казалось, к самому носу. На ближайшем, высоком мысу, за которым начиналась пологая ложбина, стояло строгое здание с крестом над порталом. За ним на склоне виднелось странное нагромождение каких-то исковерканных металлических конструкций. Основные постройки располагались в центре ложбины: приземистые прямоугольные коробки или овальные ангары. Единственный высокий и узкий двухэтажный дом, похожий на остов корабля, выглядел архаичным, как парусник в окружении подводных лодок.

На берегу сооружен причал. Неподалеку, у самой воды, — пузатые емкости для горючего. Даже в бинокль нигде не удалось обнаружить ни единого человека. Казалось, станция вымерла. На рейде лениво покачивалась заякоренная плоскодонная баржа-самоходка. На ней тоже никого. Зато на пляжах у причала и вблизи баков с горючим лежали, словно сардельки, туши тюленей.

Я поднялся на мостик, чтобы отдать лоцию. Капитан на этот раз был в парадной форме. Его смущало отсутствие признаков жизни на берегу.

— Где же французы? — беспокоился он.

— Рано еще, — предположил я.

— Рано?!

— Они ведь живут не по московскому, а по парижскому времени.

— Ну все равно, разница не велика, пора бы вставать. И немогут же все спать. У них тоже вахтенный должен быть. А потом как же так — гости на пороге, а хозяева спят? Мы бы им сейчас погудели, поприветствовали, а так вроде неудобно.

— Гудеть тут, наверное, не полагается.

— Это почему же?

— Заповедник. Морских слонов можно напугать.

— Как же! У них нервная система не в пример нашей. Им гуди не гуди — они не почешутся.

— Не скажите. Порой морские слоны очень уязвимы. Попробуйте увести из гарема хотя бы одну самку, — неожиданно для себя самого выпалил я с интонациями геофизика.

— Ну, когда дело касается дам, это — особая статья, — согласился капитан и, взглянув на берег, воскликнул:

— Проснулись французы!

Из-за дома с края поселка вынырнул обыкновенный «пежо», как где-нибудь на улицах Парижа. Автомобиль беззвучно проплыл по центру поселка и скрылся за одним из строений. А несколько минут спустя по улицам, казалось, вымершего поселка весело засновали темные фигурки. Одна из групп направилась к пристани.

Капитана позвали в радиорубку, а я поспешил на завтрак.

Через час нам объявили, что в ближайшее время состоится высадка. Островитяне приглашали нас к себе в гости.

— Ты ведь еще не бывал во Франции? — спросил меня Ганс.

— Ни разу.

— Ну вот, поздравляю, сейчас побываешь. Вон у них здесь и свой Нотр-Дам, — кивнул он в сторону здания с крестом.

Я улыбнулся, подумав, что в столицу Франции имеют шанс попасть довольно многие, побывать же на «островах отчаяния» не снится, наверное, даже большинству парижан.

Мы слонялись по палубе в ожидании дальнейших событий. Берег был рядом, на него так не терпелось ступить — чувство особенно понятное морякам.

Пока французы запускали свою самоходную баржу — наш капитан решил поберечь корабельные шлюпки, — с

противоположного берега залива Морбиан, очевидно из района Пор-Жанн-д'Арк, где в былые времена действовал заводик по переработке китового и тюленьего жира, подошел небольшой катер.

Наш приход явно внес оживление в жизнь островитян. Ребята на катере, длинноволосые парни в ярко-желтых непромокаемых комбинезонах, с любопытством посматривали на наш белый теплоход, особенно на кормовую палубу, где смешливой стайкой собрались судовые девчата во главе с Эммой, сделавшей себе грандиозную прическу, которую мы туг же окрестили «смерть французам». Катер трижды в опасной близости обошел наше судно, вызвав неудовольствие капитана, а пассажирский помощник заметил, что «французы за зимовку, видно, совсем одичали».

На такой плоскодонной барже-самоходке удобно плавать по мелководью среди многочисленных рифов и мелей.

Немного спустя подошла долгожданная самоходка. На ней прибыло местное начальство. Вскоре стало известно, что переговоры «на высшем уровне» прошли удачно. Один из руководителей французской базы в прошлом принимал участие в советской антарктической экспедиции, ходил с нашими ребятами на снегоходах на станцию Восток. А полярники не забывают старой дружбы. Так что нашему заходу здесь, без сомнения, искренне рады, и встреча не будет иметь ничего общего с сухим,

официальным визитом.

Из достоверных источников просочились сведения, что галантные французы особо пригласили на берег представительниц прекрасного пола, заверив пассажирского помощника, что они гарантируют им полную «дипломатическую» неприкосновенность.

Это сообщение вызвало веселый переполох среди наших прелестниц, и они, не дожидаясь официального, распоряжения, побежали принарядиться. А мы не мешкая собрались в маршрут, предвкушая удовольствие вволю побродить по острову.

СРЕДИ СЛОНОВ И КРОЛИКОВ

Что касается любителей рагу из дичи, то кролики представляют для них неиссякаемый источник.

Обер де ла Рю

На барже до берега пять минут хода. От встречного ветра на глазах слезы. Небо вновь обложило облаками. Но грех жаловаться: погода для этих мест приличная.

Самоходка упирается в причал. Мы молодцевато соскакиваем, делаем пять-шесть легких пружинистых шагов по настоящей земле и едва не спотыкаемся о тюленей, лежащих вдоль берега, словно вынесенные водой бревна.

Вот они, морские слоны! Глаза разбегаются. Пухлые, серо-зеленые туши неподвижно распростерлись на прибрежной гальке. Отдельные экземпляры длиной в несколько метров весят наверняка больше тонны, но есть и «малыши» — на 200—300 килограммов. Я знал, что самцы достигают в длину более шести метров при весе до двух тонн; и искал глазами такого разъяренного гиганта: должен же он ревниво реагировать на наше вторжение. Но весна была позади, страсти утихли, или, возможно, морской слон не увидел в нас достойных соперников. Так или иначе, но владелец гарема так и не объявился. Самки продолжали лежать, полузарывшись носами в коричневые водоросли. Порой они приподнимали головы и флегматично смотрели на нас. С неохотой, словно делая одолжение, открывали пасти и что-то по-своему бормотали. Некоторые толстухи расплылись под собственным весом и походили на комические чудовища. На их мордах застыло уморительное извиняющееся выражение. Время от времени слонихи издавали странные булькающие звуки, как будто, захлебываясь, пили частыми глотками, или тяжко вздыхали, словно жалуясь на нелегкую гаремную жизнь. Другие вполне удовлетворенно посапывали или с наслаждением почесывались, а одна великанша вдруг плаксиво скорчила морду, сморщилась и неожиданно громко чихнула.

На берегах Кергелена царство тюленей. Основная часть территории архипелага объявлена заповедной. Морские слоны,

варварски уничтожавшиеся в прежние времена, теперь находятся под охраной закона.

Тюлени подпускают к себе совсем близко.

Геологов в маршрут по острову взялся сопровождать молодой сотрудник станции, назвавшийся Мишелем. Блондин, с прекрасными до плеч волосами и благостным лицом, он походил на херувима. Мишель гордо заявил, что в нем есть доля славянской крови. Срок зимовки у Мишеля подходил к концу, и настроение у него было отменное. Во всяком случае так можно было подумать, судя по его радостным восклицаниям, где он смело использовал полюбившиеся ему русские выражения, к удовольствию наших геологов, сразу признавших в нем, несмотря на ангельское обличье, своего.

От Мишеля мы узнали, что сейчас в Порт-о-Франс находится 90 человек. Но к концу лета ожидается группа советских геофизиков, которые будут участвовать в совместном научном эксперименте по ракетному зондированию высоких слоев атмосферы.

Кергелен — исключительно интересное место для географов, биологов, но, пожалуй, в особенности для геофизиков. Этот архипелаг находится на одном магнитном меридиане с арктическим островом Хейса (Земля Франца-Иосифа), где работают советские геофизики. Результаты исследований на

разных концах одного и того же магнитного меридиана чрезвычайно важно сопоставлять. Сотрудничество советских и французских ученых в этой области началось еще в шестидесятых годах и стало традиционным. Может быть, поэтому нас и принимали в Порт-о-Франс с особым радушием.

Наш гид Мишель занимается электроникой, но имеет слабость к естественным наукам. Очевидно, в связи с этим, а также с некоторыми его лингвистическими познаниями ему и поручили показать нам станцию и ее окрестности.

Вначале Мишель повел нас в лабораторный корпус — просторное одноэтажное здание, расположенное несколько особняком у самого берега. О том, чем здесь занимаются, можно судить еще по прихожей, где на вбитых в стену крюках развешаны ярко-оранжевые водолазные костюмы и акваланги. Первая лаборатория, которую нам показывает Мишель, биологическая. Ее хозяин, розовощекий крепыш, близоруко улыбаясь, обстоятельно, с паузами говорит что-то по-французски. Он обращает наше внимание на стоящие на столах приборы и коллекцию рыб, очевидно обитающих в прибрежных водах.

— Нототения! — не может сдержать радости узнавания Василий Евграфович.

Биолог важно кивает. Он сообщает нам, что в последние годы делаются попытки населить внутренние водоемы острова, ведь рыбы в них никогда не водилось. А сейчас в некоторых ручьях прижилась форель, интересных результатов ожидают от экспериментов с другими видами.

— Скоро будем угощать всех семгой, — переводит Мишель.

Мы одобрительно киваем и с чувством жмем руку раскрасневшемуся ученому.

В следующей лаборатории, судя по длинным столам с колбами, пробирками и замысловатыми стеклянными установками, обосновались гидрохимики. Так оно и есть. Василий Евграфович тут знаток и перечисляет множество макро- и микроэлементов, в том числе и золото, которое можно обнаружить с помощью этих приборов в, казалось бы, обыкновенной воде.

Учитывая, однако, что время нашего пребывания на острове ограниченно, а осмотр других лабораторий, как уже ясно, не внесет особого переворота в наши научные представления, мы просим Мишеля вывести нас «на пленэр».

Мишель охотно соглашается показать нам берег бухты, где поблизости в одной из ложбин выходят интересные породы. Мы поднимаемся по наезженной дороге на возвышенность, где находится здание с крестом — местная часовня. На небольшом

постаменте перед часовней — статуя мадонны: женщина, прижав младенца к груди, смотрит на море, словно в ожидании доброй вести.

С холма открывалась темно-серая, словно залитая асфальтом, плоскость залива с многочисленными островами-шхерами. Дальше за ними — холмистый берег и снежная вершина горы Росс, господствующая над всей местностью. Зато вблизи, сразу за часовней, все выглядело более прозаично. Здесь сгрудились покореженные вездеходы, автомобили, трактора. Эту унылую картину съедаемого ржой металла мы наблюдали в бинокль с борта судна.

Кладбище отжившей техники отмечало край поселка. Дорога кончилась, и, спустившись в распадок, мы зашагали по мягкой и влажной, пружинящей поверхности. Землю почти сплошь устилал ковер из коричнево-зеленых прочно перепленных стебельков, от которых в разные стороны разбегались фестоны узких листочков. Это и была знаменитая ацена — растение-«путешественник», о котором обычно упоминают все, кто побывал на Кергелене. Считается, что ацена была занесена на здешний берег птицами, скорее всего странствующими альбатросами, но широкому ее расселению по всей территории способствовали кролики. Дело в том, что семена ацены имеют весьма цепкие крючочки. Именно на это неприхотливое растение возлагались основные надежды, когда пытались развести здесь овец.

Шагая по стелющимся у самой земли зарослям ацены, мы то и дело проваливались в небольшие, замаскированные стеблями кроличьи норы. Несколько серых зверьков шустро удирали от нас по склону холма. Ганс скакал по склону как горный козел и ухитрился попасть ногой в веревочную петлю-силок, установленный перед одной из нор. Красные стреляные гильзы двенадцатого калибра, которые мы то и дело примечали на нашем пути, также свидетельствовали о том, что охота на кроликов здесь процветает, благо и ходить недалеко.

Эти грызуны, завезенные на остров в 1874 году одним незадачливым капитаном, за прошлое столетие буквально заполонили остров. Все вокруг изрыто их норами, растительность угнетена, и, хотя кергеленская земля буквально устлана кроличьими костями, новые поколения плодовитых зверьков продолжают одолевать остров.

Миновав холмы с кроличьими поселениями, наша группа выбралась на каменистый уступ на берегу залива. Тут наши глаза разбежались. На скалистой площадке было разбросано множество блестящих, отливающих перламутром створок раковин. Большая часть их была побита, но попадались и целехонькие. Как они

попали сюда? Сначала мы подумали, то створки раковин принесены с залива ветром: ведь Кергелен славится жестокими ураганами. Но Мишель, исчерпав свои словарные возможности, неожиданно ухватил одну из раковин зубами и взмахнул руками, словно крыльями. Мы восхищением наблюдали его выразительный полет и, когда он, описав вираж, выронил раковину на камни, сообразили, что находимся на месте птичьей столовой. Чайки, подхватив во время отлива с береговой отмели крепко сомкнутые раковины, разбивают их таким хитроумным способом, используя закон всемирного тяготения. К каким открытиям не придешь, когда хочется полакомиться нежными устрицами! На этот раз чайкам пришлось бы поделиться добычей с полярниками. Дело в том, что, едва ступив на твердую землю, мы все вдруг ощутили, что называется, волчий аппетит (тем более что, спеша первыми высадиться на остров, пренебрегли корабельным обедом). Поэтому всякое напоминание о еде действовало на нас удручающе. Удиравшие от нас во все лопатки кролики поступали весьма предусмотрительно. Но то, что не удалось нам — хотя Ганс, сделав отчаянный прыжок, чуть не ухватил зазевавшегося зверька за задние ноги, — очевидно, не составило труда двум бурым птицам, солидно расхаживающим неподалеку. Их сытый вид не мог не привлечь внимание. Никакого сомнения! Это были наши старые антарктические знакомые — поморники. На южнополярном материке они гнездятся вблизи колоний пингвинов и буревестников, уничтожая больных птиц. Но наибольшая их «слабость» — полярные станции. Без особых колебаний меняют они жизнь, полную смелого поиска и разбойничьих вылазок, на прозябание вблизи станционных помоек. Несмотря на эти малопривлекательные черты, поморников справедливо считают санитарами Антарктиды. На Кергелене же этим санитарам особенно много дел. Кроме уничтожения нежизнестойких особей в мире пернатых они «ведут работу» по ограничению угрожающе растущей численности грызунов. А сколько хлопот с тюленями! Особенно во время родов. Кто еще, кроме поморника, сумеет ловко, словно хирургическими ножницами, перекусить пуповину? Нет, не даром эту огромную чайку называют птицей-санитаром.

В редкие солнечные часы Кергелен не выглядит унылым и суровым.

Двигаясь вдоль берега, мы пересекли несколько ложбин. Сейчас дно их почти сухо, но во время дождей здесь несутся потоки. Об этом свидетельствуют многочисленные промоины. Уцелевшие участки грунта, скрепленного корнями ацены, кое-где торчат на склонах ложбин в виде причудливых столбиков-останцов высотой в рост человека.

Большая часть прибрежной равнины — это прекрасно видно в стенах промоин — сложена слоистыми песками. Они принесены сюда из центральной части острова потоками талых ледниковых вод. И сейчас там располагается огромный ледник — ледниковый покров Кука. А в прошлом оледенение распространялось почти на всю территорию островов, захватывая даже часть береговой отмели.

Повсюду, где только есть вода — в ручьях и лужах, на дне ложбин,— валяются тюлени. Они сопят, похрюкивают, порой шумно плюхаются в грязь. Теперь им раздолье на Кергелене: ведь большая часть острова объявлена заповедником.

Никто не смеет уже поднять руку на этих удивительных морских чудовищ. На ластах некоторых тюленей видны специальные яркие метки: с их помощью прослеживают пути и сроки миграции животных.

Я отстал, фотографируя морских слонов. Мишель с группой геологов оказался далеко впереди. Они торопились к овражку,

где, по словам Мишеля, «О ля-ля, какие минералы!». В этом не было ничего удивительного: архипелаг Кергелен вулканического происхождения. В лавах на месте пузырьков газов во многих местах образовались красивые кристаллы различных разновидностей кварца: халцедоны, агаты, аметисты.

ТРЕВОЖНЫЙ КРИК

Когда речь идет о пернатом царстве, населяющем острова Кергелен, пальма первенства неизбежно отдается пингвинам...

Обер де ла Рю

Решив не спешить за своими товарищами, я свернул к морю: оттуда из-за холма послышался резкий печальный вскрик, словно чья-то мольба о помощи. Берег уютной галечниковой бухты был буквально заполонен тюленями. Я обходил и перешагивал преграждавшие путь жирные тела. Лишь одна самка приподнялась, чтобы взглянуть на меня. Оскалив клыкастую, алую изнутри пасть, она издала грозное урчание, затем, будто обессилев от этого прилива гнева, опустила голову и закрыла свои темные, словно лакированные глаза без зрачков.

Вдоль полосы прибоя прыгали три небольших пингвина, внешне заметно отличающихся от тех, с которыми мне приходилось общаться в Антарктиде. Именно в надежде на такую встречу я и свернул к берегу. Я не ошибся: у воды резвились ослиные пингвины — коренные, оседлые жители Кергелена. Хотя этот вид и не образует больших колоний, на архипелаге он наиболее многочислен. Ослиных пингвинов читают самыми сварливыми, непоседливыми и раздражительными. Тем не менее в отличие от своих сородичей, мигрирующих с севера на юг в зависимости от сезона, они не покидают острова. Кто знает, как объяснить их тоскливые, пронзительные звуки. Что это — призыв, обращение к соплеменникам или просто печальный крик пингвиньей души, этой «неудавшейся», как ее порой называют, птицы, которой не суждено подняться в воздух?

Три ослиных пингвина решительно не желали фотографироваться. Они плюхнулись на грудь, быстро заработали крылышками и нырнули, только их и видели! А жаль — в окрестностях Порт-о-Франс пингвинов мы больше не встречали. Эти птицы не обладают спокойствием тюленей и не любят, когда их часто тревожат. А станция с ее современным техническим оснащением — постоянный источник беспокойства. Надо также учитывать, что яйца пингвинов — признанный деликатес, и среди

них яйца ослиного пингвина, по мнению знатоков, самые вкусные. Конечно, теперь, когда острова объявлены заповедником, вряд ли кто станет обижать пингвинов. В прошлом же их взаимоотношения с человеком складывались отнюдь не идиллически. Обер де ла Рю упоминает, что всего сто лет назад пингвины шли под выжимной пресс хозяйничавших на островах промышленников: хотя жира в них было маловато, зато «сырье» всегда было под рукой. Иной раз из-за отсутствия топлива тушки шли в топку, чтобы поддерживать огонь под большими котлами, где перетапливался тюлений жир. В других случаях, например на острове Сен-Поль, их использовали в качестве приманки для ловли лангустов. Для этого пингвинов забивали до смерти дубинками и, содрав шкуру, бросали в сети. Но порой дело доходило до садистских развлечений: пингвинов обливали керосином и поджигали. Вечером в темноте промышленникам, очевидно, занятно было смотреть, как мечутся живые факелы. В наше время, когда все говорят о защите природы, такое отношение к беззащитным птицам представляется варварским. Я помню, что, когда однажды в Антарктиде на императорского пингвина любители развлечься напялили тельняшку, многие возмущались: «Разве можно так мучить птицу!»

Однако кергеленские пингвины, предки которых испытывали на себе ужасы «инквизиции», показались мне чересчур уж пугливыми, не в пример своим доверчивым антарктическим собратьям, которые не только не убегают от человека, но, наоборот, с любопытством устремляются к нему.

Воздух на берегу особый — терпкий, насыщенный крепкими йодистыми испарениями. Под ногами гниют выброшенные волнами длинные коричневые водоросли. Одни напоминают тонко нарезанные куски кожи, другие — темные шнуры, к которым словно для украшения подвешены пузатые, наполненные воздухом колбочки, очевидно играющие роль поплавков.

Я с трудом отдираю одну из плетей водоросли-дюрвилеи для коллекции. На блестящей мокрой плоскости виден рисунок внутреннего строения, похожий на сплетение кровеносных сосудов. И становится не по себе, будто ты оторвал часть от какого-то живого организма. А щупальца морских растений колеблются негодующе и тянутся к сапогам, шлепающим по мелководью.

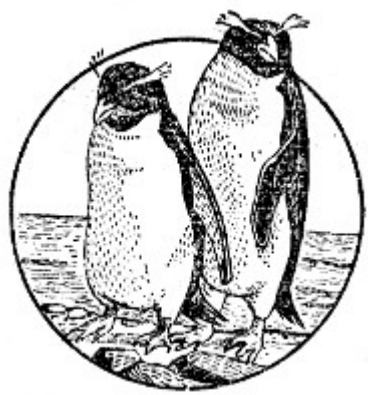
Старые, выброшенные на берег водоросли далеко не так привлекательны. Тугие гладкие стебли утеряли свой блеск и превратились в невзрачную сморщенную бечеву. Очевидно, то же произойдет и с моим обрывком. Но когда видишь живое, не хочется верить в его эфемерность.

Пока я бродил по пляжу, геологи, достигнув конечного пункта маршрута, повернули назад, и мы встречаемся. Довольный Ганс показывает оранжевые обломки халцедонов.

Время в маршруте всегда летит быстро. Близится вечер и возвращение на корабль, а Порт-о-Франс мы еще не осмотрели. Жадно прошагав эти первые километры по кергеленской земле, все вдруг ощутили непривычную тяжесть в ногах. Ганс, который предпочел нашим испытанным резиновым сапогам свои новые маршрутные ботинки, стал прихрамывать.

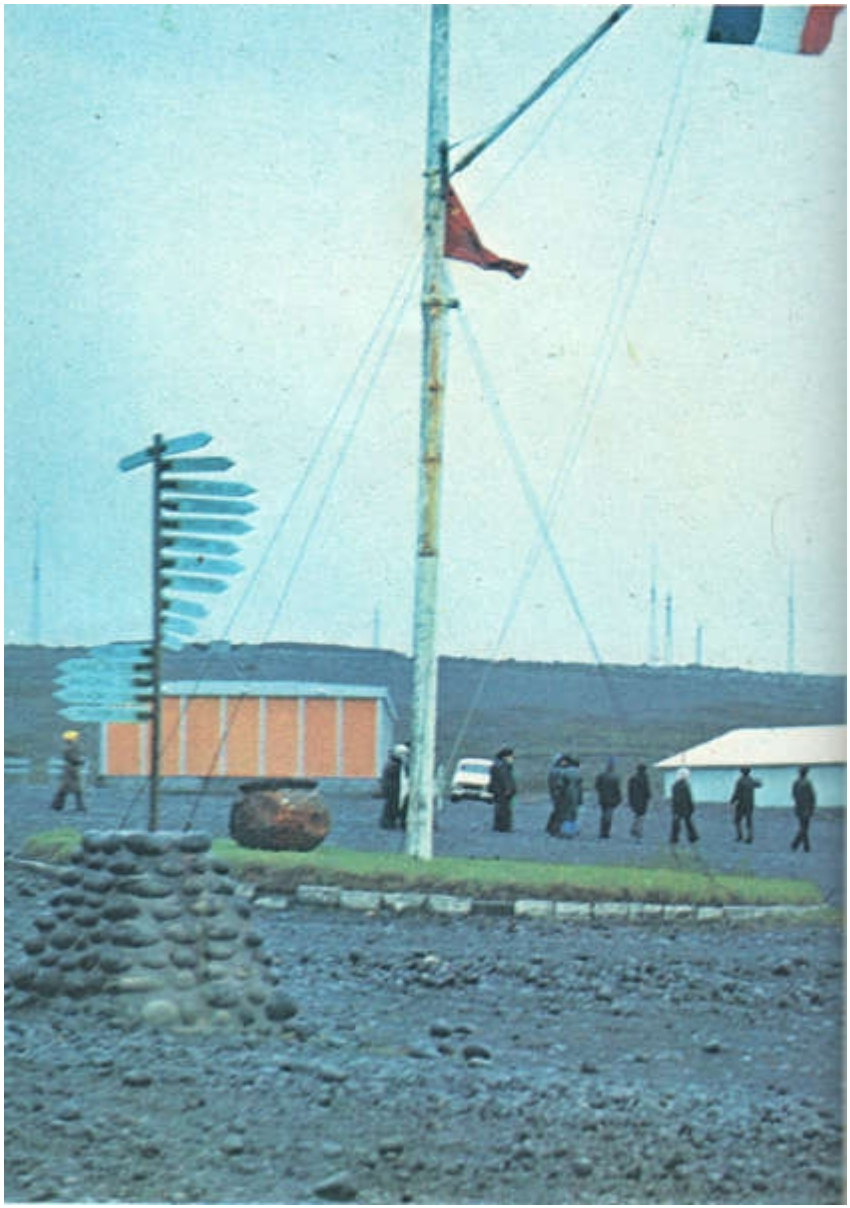
Начал моросить косой колкий дождь. Мы заторопились: то греха таить, нас не оставляли мысли о жареной крольчатине. Наконец мы добрались до окраины станции. Тут среди рядов строений из гофрированного железа, напоминающих ангары, находился офис, где работал Мишель. Мы вошли внутрь и оказались в уютном кабинете с большим письменным столом, книжными полками и радиоэлектронными схемами на стенах, чередующимися с цветными изображениями обольстительных красавиц.

Мишель широким жестом высыпал на стол горсть красивых отполированных агатов — нам на память. У нас тоже есть что подарить нашему проводнику: открытки с видами Москвы и Ленинграда, значки, марки, бутылочки фирменных напитков. Все довольны. Мишель, еще раз блеснув языковыми познаниями, предлагает продолжить осмотр станции.



ПАМЯТЬ О ЗИМОВКЕ

Мы направляемся в центр поселка, к зданию кают-компании. Перед ним просторная площадь, где на специальной мачте развеваются два флага: трехцветный французский и наш с серпом и молотом — в знак уважения к гостям. Неподалеку находится ставший традиционным для полярных станций столб с указателями направлений и расстояний до наиболее важных и дорогих сердцу зимовщиков точек нашей планеты. Конечно, здесь есть Париж, Лион, Марсель, Гавр, но есть и Москва и, к огромному удовольствию Ганса, Берлин. А сама площадь носит имя генерала де Голля.



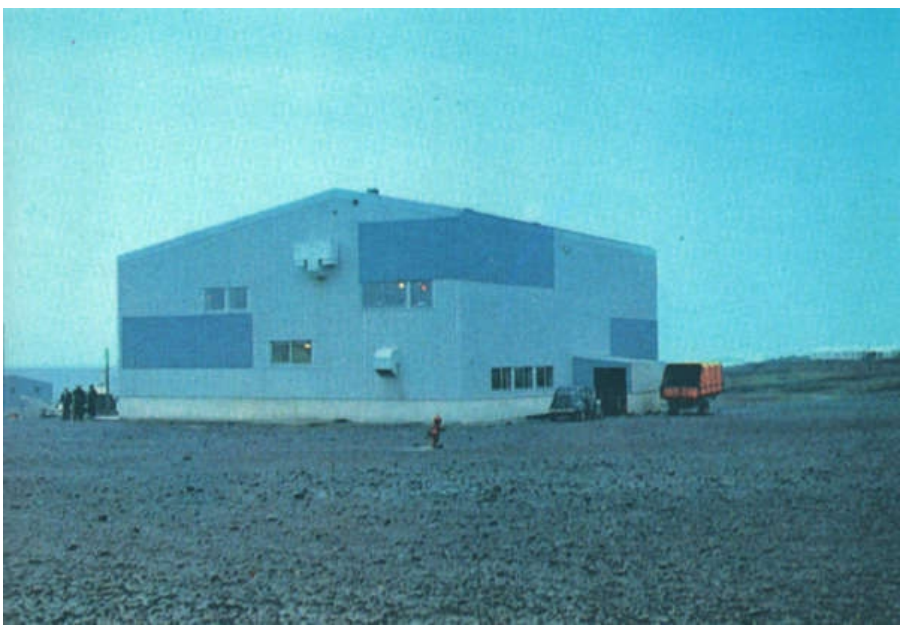
Станция Порт-о-Франс действует круглый год. Здесь работают географы, биологи, геофизики... На центральной площади поселка, носящей имя генерала де Голля, рядом с французским флагом развивается флаг СССР. Советские и французские ученые плодотворно сотрудничают уже многие годы.

Около флагштока — любопытная реликвия — видавший виды чугунный чан, напоминающий о времени варварского уничтожения морского зверя. В таких чанах вытапливали

тюлений жир.

— Это не наш, — поясняет Мишель, — американский.

На первом этаже кают-компании размещаются гардероб, библиотека, различные подсобные помещения. Наверху — просторная столовая с цветными светильниками. Невысокая сцена, усилитель с микрофоном и большой барабан в углу указывают, что по вечерам здесь можно недурно проводить время. Но сегодня здесь и днем шумно и многолюдно: полярники, моряки, русские, французы — все в отменном настроении. Работает бар. Два бородача в белых передниках едва успевают вскрывать бутылки и наполнять бокалы красным вином. Однако запаха жаркого в кают-компании не ощущается.



Самое большое здание станции Порт-о-Франс, где размещаются кухня и столовая.

Смакуя вино, которое мы тут же окрестили «бургундским», рассматриваем украшающий одну из стен герб Кергелена. В центральной части рисунка пингвин, прибрежные скалы, курящийся вулкан и какое-то странное насекомое, отдаленно напоминающее таракана. Два морских слона в боевой позе создают естественную рамку и придают гербу художественную законченность.

Что за загадочное насекомое изображено на гербе, мне так и не удалось выяснить У Мишеля, хотя он энергично объяснял и, став на четвереньки, даже пытался проползти под одним из

столов. Но я, видно, оказался недостаточно сообразительным. К тому же мне было известно, что на Кергелене вообще нет вредных насекомых. Комары, мошка — бич нашего Севера — тут отсутствуют. Что касается тараканов, то они с человеком могут попасть и прекрасно освоиться практически где угодно. Я неоднократно убеждался в этом, даже в дальних полярных путешествиях. Но вряд ли кто-либо рискнул «украсить» тараканом свой герб. Скорее всего тут был изображен какой-то неизвестный нам морской рачок или клещ, обитающий на скалах.

Мы перешли к карте архипелага, украшающей другую стену кают-компании. Эта яркая красивая карта снова манит в путешествие по Кергелену. Самым заманчивым было бы направиться в горы, на ледниковый покров Кука, в западной части острова, чтобы выяснить, как ведет себя здесь современное оледенение. Ныне льды отступили к вершинам острова, но прежде покрывали почти всю его территорию. И на месте уютной кают-компании, где мы с таким удовольствием поглощаем «бургундское», тоже были льды. Судя по свежему облику ледниковых валунов, встречающихся в окрестностях станции, ледники наступали не так уж давно — несколько десятков тысячелетий назад. Причины этого ледникового потопа; так же как и современного отступания льдов, нужно искать в событиях на крайнем юге планеты. Гигантское южнополярное оледенение тут, несомненно, главный дирижер.

Еще было бы интересно побывать на юге Кергелена — на полуострове Жан-д'Арк в бывшем поселке охотников на китов и тюленей Пор-Жанн-д'Арк — своего рода историческом центре архипелага. В начале нашего века здесь даже действовал заводик по переработке китового и тюленьего жира. Это были времена, когда в водах, омывающих архипелаг, водились стада гигантских голубых китов. Норвежские, американские, южноафриканские промышленники устремлялись сюда за добычей и вскоре опустошили этот район. Когда в 1931 году Обер де ла Рю прибыл в Пор-Жанн-д'Арк, станция же была оставлена промышленниками. В брошенных помещениях орудовали полчища мышей, а вокруг строений кишмя кишели кролики. Свидетельством тому, что жизнь на острове была сурова, осталось небольшое кладбище. На нем были похоронены люди разных стран и национальностей, в том числе и несколько африканцев, темнокожих рабочих из Кейптауна.

Среди множества звучных, но большей частью ничего не говорящих нам названий, заполняющих карту, мыс Ратманова на крайнем западе острова воспринимается как старый знакомый. Из книги Обера де ла Рю я помню, что такую фамилию носил

французский геодезист, который в 1931 году проводил топографические исследования на побережье залива Морбиан. Ратманову было поручено выяснить возможность проектирования узкоколейных железных дорог от основных районов промысла тюленей, т. е. от их лежбищ, к местам, безопасным для подхода судов: большая часть побережья недоступна с моря из-за мелей и сильного прибоя. Этим замыслам не суждено было осуществиться, но имя французского изыскателя, возможно русского по происхождению, осталось на карте.

Из кают-компании устремляемся на почту. Идем по улице, поднимающейся вверх по ложбине, к сопке, увенчанной сетью радиоантенн. По обеим сторонам улицы аккуратные сине-голубые прямоугольники сборных домов. Это жилые здания. Мишель объясняет, что у каждого здесь своя отдельная комнатка площадью в девять — двенадцать квадратных метров. Вспоминаю, как сетовал Обер де ла Рю на малопригодные жилищные условия на станции и клял мышей, наносивших ощутимый урон его коллекциям. Однако все это было более четверти века назад, в пору организации поселка, когда этих нарядных зданий, обшитых пластиком и металлом, еще не существовало.

На почте тоже многолюдно. Местный почтмейстер ставит штемпель самолично и исключительно на французские марки. За сущую малость можно приобрести набор, специально посвященный французским полярным исследованиям. Конверт с такой маркой, погашенной на Кергелене, доставил бы тихую радость любому филателисту. Как и во времена знаменитого мореплавателя Кука, на островах предпочитают натуральный обмен. Вскоре с помощью Мишеля мы все становимся обладателями памятных конвертов со штемпелем почтового отделения Порт-о-Франс.

С почты мы заглядываем на расположенную поблизости электростанцию. В машинном зале все блещет чистотой. Ровно гудят дизели. Лицо обдает теплый, насыщенный запахом смазки воздух. У пульта улыбается приветливый парень. Со стены ободряюще подмигивает знойная брюнетка с ромашкой в зубах.

Удивительно! Французы — признанные ценители прекрасного пола — ограничивают состав своей экспедиции одними мужчинами. В Антарктиде первыми нарушили эту традицию американцы. Они смело начали включать женщин в состав сезонных и зимовочных партий. А вот нашим соотечественницам работать на ледяном материке не приходилось.

Но нет сомнения, что в самом ближайшем будущем Антарктида будет «открыта» для наших отважных женщин. Тем

более что уже многие из них активно добиваются этого.

А что касается французов, то создавать или не создавать на Кергелене мужскую заповедную территорию — это, как считает наш пассажирский помощник, их «внутреннее дело».

...Мы спускаемся назад, к берегу залива. Здесь на восточном краю поселка среди типовых построек весело поблескивают стеклами две оранжереи. Заглядываем внутрь. На грядках яркая зелень салата, петрушка, спаржа и даже красные цветы, напоминающие герань. Оранжереи подсвечиваются кварцевыми лампами: солнца в этих облачных широтах не хватает. Вот у нас в Антарктиде, наоборот, напряженность солнечной радиации исключительно высока и оранжерейное подсобное хозяйство могло бы обходиться без дополнительного освещения. Опыты наших антарктических овощеводов-любителей даже в неприспособленных помещениях дают прекрасные результаты.

Мишель великодушно дает нам по листику салата. Из соседствующего с оранжереей сарайчика доносится кудахтанье.

— Сто яиц дают в день, — с гордостью поясняет наш гид, присев на корточки и прихлопывая себя по бедрам. — Есть у нас и инкубатор.

— Значит, свежая курятина, яичница, — соображаем мы.

В специальном загоне за курятником грустно жмутся друг другу приземистые бараны.

— Муфлоны, — объясняет Мишель. — Их специально завезли сюда, и они прижились в горах. Но иной раз, в холода, их много погибает.

Хрюканье из соседнего сарая говорило само за себя: Мишелю не требовалось давать пояснения. Мы не стали заглядывать туда, а направились к берегу. У воды среди тюленей паслась стайка домашних уток. Утром они приходят к морю кормиться, к вечеру сами возвращаются в загон на станцию. Иногда в загоне оказывались пингвины: очевидно, были приглашены в гости. На Кергелене утки не редкость. Здесь обитает и дикая утка Итона — небольшая по размеру, но, как утверждал Обер де ла Рю, наиболее ценная на Архипелаге благодаря нежному мясу.

Ферма Порт-о-Франс несомненно произвела на нас впечатление. Нам стало ясно: французы здесь отнюдь не стали вегетарианцами. Правда, из-за нехватки кормов в местном хозяйстве недоставало коров. Очевидно, для крупного рогатого скота ацена — мало пригодная пища. Следовательно, молоко на Кергелене, как и у нас в Антарктиде, порошковое. Но в случае крайней необходимости, как нам объяснил Мишель, доят овец.

Глотая слюну, мы сбились в тесную кучку, напоминая муфлонов в период бескормицы. Один из геологов, очевидно

чтобы отвлечься от грустных мыслей, начал энергично разминаться: приседал, размахивал руками.

Мишель догадливо кивнул головой и пригласил следовать за собой. Мы воспрянули духом.

Нас постигло жестокое разочарование. Помещение, куда нас привел Мишель, даже отдаленно не напоминало столовую. В просторной комнате, разделенной перегородкой на две части, лежали гири, штанги, стояли столы для пинг-понга и даже тренажер — велосипед.

На стенах спортзала висело несколько на первый взгляд необычных групповых портретов участников экспедиции, каждый из которых был помечен определенным годом. Фигуры полярников были нарисованы, а лица вырезаны из фотографий. Авторы этих шедевров самодеятельного творчества запечатлели характерные штрихи жизни островитян. Один смотрит в телескоп на звезду, другой ставит морскому слону градусник, третий запускает ракету, а вот целая группа сидит вокруг костра, в центре которого в языках пламени что-то поджаривается на вертеле...

Лица на фотографиях, хотя и заросшие бородами, выдавали отнюдь не солидные годы полярников. По-видимому, не многим здесь было за тридцать. Попадались снимки и совсем юных парней, как мы поняли, из проходивших здесь армейскую службу. Состав зимовщиков Порт-о-Франс от экспедиции к экспедиции обновляется полностью. Годы под картинками придавали этой своеобразной выставке исторический интерес.

— Нашей смены тут еще нет, — сказал Мишель, но обязательно будет, оставим на память.

Я вглядывался в лица отзимовавших предшественников Мишеля, стараясь представить, как прошли их экспедиции, с какими чувствами они покидали остров? В надежде никогда сюда больше не возвращаться? Был ли для них этот год изоляции от остального мира попусту потерянным временем или они возмужали, обрели уверенность в себе?

И на наших зимовках полярники фотографируются на память. Такие фотографии украшают стены кают-компаний. Увы, по ним, конечно, невозможно судить о перипетиях, которые случаются на зимовках. Обер де ла Рю порой с нескрываемой горечью пишет о том равнодушии и непонимании, с которыми он столкнулся однажды в Порт-о-Франс: «Многие мелкие дрязги, отравлявшие нашу длительную уединенную жизнь, конечно, не произошли бы, если бы не безделье одних и недостаточное понимание другими той задачи, для выполнения которой все мы по тем или иным соображениям добровольно согласились

провести этот год вдали от цивилизованного мира». Зато о другой экспедиции на Кергелен у него сохранились самые радужные воспоминания. Так и в Антарктиде — бывают экспедиции легкие, удачные в психологическом отношении и плодотворные по научным результатам, но бывают и крайне трудные, со срывами. Каждая новая экспедиция — новый коллектив со своими собственными проблемами, своими победами и поражениями...

Неутомимый Мишель увлекает нас дальше. Мы проходим мимо странного деревянного дома, напоминающего остов выброшенного на берег судна. Оно резко выделяется среди современных типовых построек. В. нем в свое время жили метеорологи и радисты. Специально запроектированное для лучшего сопротивления ураганам, оно было поставлено «бортом» к направлению преобладающих ветров и потому сильно раскачивалось во время бурь. Со времен Обера де ла Рю в Порт-о-Франс многое изменилось. В старом доме уже никто не живет. Красноречивый жест нашего гида свидетельствовал, что внутри этого исторического помещения беспорядок и разруха.

Около здания с изображением красного креста на стене мы невольно замедляем шаг. Нет сомнения, оттуда слышится заливистый хохот нашего бородатого доктора.

В амбулатории Порт-о-Франс местные эскулапы принимали наших антарктических врачей. Идет оживленная беседа, заморских гостей угощают чудодейственным напитком собственного изготовления. В центре внимания наш бородатый доктор. Обращаясь к вновь прибывшим, он объясняет:

— Госпиталь Кергелена — это вам не что-нибудь. Здесь иной раз совершают сложнейшие операции: ведь до ближайшего стационара тысячи километров.

Действительно, к услугам местных врачей прибегают не только сотрудники станции, но зачастую и моряки, которых занесла судьба в эти дальние края.

Мы осматриваем госпиталь, жилые комнаты врачей. В каждой есть что-то свое, отвечающее вкусам ее владельцев. Но есть и общее: как и повсюду на станции, на стенах — журнальные красотки. Чувствуется, за долгие месяцы зимовки французы истомились по женскому обществу.

Вот почему так настойчиво приглашали они наших девушек. И те пользуются шумным успехом. В этом цветнике особенно выделяется наша Эмма со своей бесподобной прической.

А между тем срок нашего пребывания на французской базе истекал. К причалу, где нас уже ожидала знакомая баржа-самоходка, со всех сторон из жилых домиков и лабораторий стекались советские и французские полярники. Впрочем, можно

ли коллектив станции Порт-о-Франс называть полярным? Остров Кергелен расположен далеко от полюса. В северном полушарии, к примеру, на той же широте находится Киев. Никому же не придет в голову говорить «полярники Киева». Но с другой стороны, нельзя подходить к Кергелену с мерками северного полушария. Условия на юге нашей планеты совсем иные. И главная причина тому — близость ледяной Антарктиды.

Оттого и климат островов суров. Почти каждый день независимо от сезона возможны заморозки. Постоянно дует ветер, идет снег или дождь. Нескончаемое осеннее ненастье определяет лицо Кергелена. И в довершение печальной картины — на островах не увидишь ни единого деревца. Но в то же время больших холодов на Кергелене не бывает, вечная мерзлота, характерная для полярных районов, отсутствует. Однако зимуют здесь, как и в Антарктиде, одни мужчины, испытывая сходные психологические перегрузки. Вот и разберись, следует ли называть зимовщиков Кергелена полярниками?.

...Вскоре все успешно погрузились на баржу — и наши полярники, и французы. Дул промозглый ветер, и Эмму с подружками рулевой впустил к себе в ходовую рубку. Разместил девушек возле себя по обеим сторонам от штурвала и был просто счастлив. Все сияли улыбками. На палубе грянули «Катюшу». Баржа тронулась. Врачи — наш бородач и француз, — обхватив друг друга, исполнили танец, который сделал бы честь островитянам времен славного мореплавателя Кука.

Через час мы снялись с якоря, тепло распрощавшись с французскими коллегами.

Но прежде чем покинуть гостеприимный архипелаг, нам предстояло пополнить запасы пресной воды в бухте Хопфул.

СУРОВЫЙ ФЬОРД

Самым страшным бичом архипелага является ветер; его постоянство и сила достигают здесь рекордов, равных которым вы редко встретите где-либо, кроме полярных стран.

Обер де ла Рю

Переход в бухту Хопфул, расположенную на полуострове Жанн-д'Арк, занял всю ночь. Выйдя из залива Морбиан, мы направились к северу, в обход восточной части архипелага, держась на почтительном расстоянии от берега. «Береженого бог бережет» — любимое высказывание нашего капитана. Иногда он еще добавляет: «В нашем деле достаточно только раз ошибиться». В данном случае такая осторожность была вполне оправданна: на имеющиеся карты нельзя полагаться полностью.

К утру мы подошли к бухте Надежд, так можно перевести Хопфул. Вообще, когда я стал интересоваться местными географическими названиями, обнаружилось немало любопытного. На карте архипелага господствует смесь слов романского и германского происхождения, отражающих историю его изучения. Некоторые названия, звучащие романтично и загадочно, в переводе становились совершенно прозаическими, например острова Ша и Кошон оказались островами Кошки и Свиньи.

Бухта Надежд — узкий длинный фьорд. Где-то в глубине его находится водопад, который, согласно лоции и рекомендациям французов, наиболее удобен для набора пресной воды.

Мы смело направились в бухту. Но странное дело, по мере приближения к берегу ветер усиливался. Он крепчал с каждой минутой. Поверхность воды в фьорде, вся в крутых белых барашках, напоминала стиральную доску. С гребней летели брызги и пена.

Мимо проплыли несколько островков-шхер, покрытых сочной зеленью: сюда, очевидно, еще не добрались кролики. Берега фьорда местами круто обрывались, обнажая слои темной застывшей лавы. Волны выбили в породах глубокие пещеры и

ниши. Наше белоснежное судно было словно в плену у этих мрачных суровых уступов. Фьорд сужался, но встречный ветер усиливался. Под его бешеными порывами вода вокруг корабля теперь кипела, клокотала. Очевидно, мы попали в один из чудовищных шквалов, которые нередко возникают у здешних берегов и о которых предупреждает лоция.

Маневрировать в ураганном ветровом потоке становилось все труднее. Нас сносило с курса. Ближе и ближе подступали скалы. Швартоваться в таких условиях было слишком рискованно, и капитан решил отступить. Но попытки развернуться и убраться подобру-поздорову из «чертовой» бухты, как ее окрестил капитан, не удавались: судно, как норовистый конь, отказывалось повиноваться. Ветер, напирая на корпус, мешал маневру, сносил к скалам.

Еле-еле удалось выскочить из каменной западни. Капитан решил переждать: шквалы у здешних берегов обычно непродолжительны. И действительно, через несколько часов ветер стал слабеть. Но теперь капитан не торопился принимать решение. Он морщился, как от зубной боли, всматриваясь в скалистые берега бухты Надежд — «одной из лучших якорных стоянок архипелага». Однако пресная вода в судовых танках была на исходе.

В конце концов решили на шлюпке совершить предварительную разведку. В шлюпку спустились наш грозный старпом, моторист и четверо матросов. Ветер долго еще доносил до нас тарахтение хиленького моторчика.

Прошло несколько часов. От разведгруппы не поступало никаких донесений. Они должны были давно достичь цели и вернуться.

Капитан послал на камбуз за молоком...

День клонился к вечеру. Бухта Надежд, бесследно поглотившая шлюпку, лежала перед нашими глазами, немая и загадочная.

— Риск — благородное дело! — сказал капитан и перевел ручку машинного телеграфа на «малый вперед». Ветер уже не был столь резким, и судно без труда прошло почти к самой вершине фьорда. Капитан упорно разглядывал в бинокль берег. Безусловно, он искал наших разведчиков. В ожидании их донесения мы встали на якорь. Но шлюпка со старпомом исчезла.

— Вон они, голубчики! — облегченно вздохнул капитан, когда на скале перед нами возникли человеческие фигуры. Разведчики осматривали место, где мы должны были набирать воду. Это была узкая прямая расщелина. По ней круто спадала горная речка — так называемый водопад Лозер. Карта позволяла

судить, что этот короткий бурный поток вытекает из озера Дасте, сбрасывающего к морю избыток воды.

Фигурки на скалах опять куда-то запропастились, потом вынырнули далеко в стороне и почему-то направились назад по берегу.

— Чего они разгуливают? — недоумевал капитан.

Мы следили в бинокль за удалявшейся группой. Двое несли на спинах какие-то странные светлые предметы, похожие на пропеллеры. Вскоре они пропали за береговыми уступами.

Часа через два из дальнего края фьорда вышла шлюпка. Почему она оказалась там, а не здесь, в месте швартовки? Чихая дымящим двигателем, шлюпка подошла к борту. С палубы все увидели трофеи: два гигантских китовых позвонка!

Оказалось, что, вскоре после того как шлюпка отошла от борта, в моторе пробило прокладку. Пришлось на веслах добираться до берега. В ближайшей бухте разведчики оставили лодку, предоставив механику заниматься ремонтом. Сами же двинулись к водопаду Лозер пешком. Преодолев вереницу крутых скал, многочисленные гаремы морских слонов и колоний ослиных пингвинов, они достигли водопада и осмотрели место, куда должно было подойти наше судно. А на обратном пути к шлюпке прихватили пару китовых позвонков в качестве, сувениров.

Поднявшись на корабль, старпом, не давая себе ни малейшей передышки, занялся швартовкой. Словно и не было долгого, изнурительного маршрута. На берег на шлюпке переправили концы швартовых канатов. В скалах у водопада, как и было указано в лоции, для их крепления имелись специальные металлические приспособления. Теперь можно не опасаться внезапного шквала: якоря и канат сумели бы удержать судно на месте.

Тем временем сгустились сумерки. Операцию по переброске на берег шлангов, по которым предстояло закачивать воду, отложили до утра. И у нас появилась надежда вновь высадиться на остров.

НАД ОЗЕРОМ ДАСТЕ

Правы те, кто говорит, что климат островов Кергелен — непрерывная поздняя осень.

Обер де ла Рю

Ночью не спалось. Я то и дело вскакивал и поглядывал на часы — боялся пропустить первую шлюпку. Когда поднялся, не было еще и четырех. Матросы на палубе уже готовили шланги. Моторист в шлюпке пробовал запустить мотор. Старпом, хотя и крутился вчера допоздна, был уже на ногах, скорей всего не ложился вовсе.

Вскоре вся наша геологическая группа высыпала на палубу. В последний момент к нам присоединился начальник обсерватории Мирный — Василий Семенович, ему тоже захотелось полазить по скалам и осмотреть их.

С первой шлюпкой нас переправили на берег. Мишеля теперь с нами не было, мы оказались предоставленными сами себе и небольшими группами разбрелись по берегу. Геологи устремились к ближайшим скалам. Мы с Василием Семеновичем отправились вдвоем по ущелью — нам хотелось проникнуть в глубь острова.

Поднявшись метров на сорок, мы увидели озеро, из которого изливался бурный поток, получивший название водопада.

Озеро лежало среди темных сопок, которые гигантскими, слегка наклонными ступенями спускались к самому водному зеркалу. Ступени отмечали последовательное излияние лав. Давно заглохли вулканические процессы, благодаря которым возникли несколько десятков миллионов лет назад эти острова. Немало изменений произошло с той поры. Небольшие пласты бурого угля, обнаруженные на Кергелене, свидетельствуют, что здесь прежде росли леса. Шло время, менялись очертания материков и океанов, перестраивались воздушные и морские течения, и вот повеяло холодом с юга — началось великое антарктическое оледенение. Понижение температуры привело к образованию на Кергелене собственных ледников. Они возникли вначале в горах, потом, увеличиваясь в размерах, вышли на прибрежную равнину и заняли почти весь остров. К нашему

времени несколько потеплело, и льды снова отступили в горы.

Все эти изменения протекали в геологическом масштабе времени, несоизмеримом с человеческой историей, и хотя человек не был свидетелем этих грандиозных перестроек, он сумел воссоздать их, ибо в природе ни один процесс не проходит бесследно. Отпечаток прошлого хранят на себе эти угрюмые скалы, над которыми непрестанно трудились великие скульпторы: лед и пламень, ветер и вода.

Раскинувшееся перед нашими глазами озеро Дасте светлым полумесяцем уходит в глубь острова. Оно названо в честь капитана одного из старых промысловых судов. Я знал из книги Обера де ла Рю, что обойти озеро можно часов за десять. Таким временем мы, увы, не располагаем, дай бог осмотреть хотя бы половину.

Склоны близ воды покрыты сочной зеленью. Однако оказалось, что это отнюдь не лучшее место для прогулок: мы с трудом вытаскиваем сапоги из вязкой, засасывающей грязи, кроющейся под тонким чехлом зеленого мха.

Выше по склону — суше. Здесь среди кустиков ацены многочисленные норы кроликов. Одни зверьки убегают от нас, другие предпочитают прятаться в норах: из-под земли доносится их испуганное сопение. Бедная ацена! Стебли ее объедены, обгрызаны, повсюду клочья грязного пуха, шарики помета.

Мы взбираемся на сопку, господствующую над озером. Разговор с Василием Семеновичем пока не ладится. Хотя знакомы мы очень давно, еще по первым антарктическим экспедициям, судьба нас никогда не сводила близко.

Василий Семенович — полярник-ветеран, крепко сбитый, широкий в кости, с крупными чертами лица и серо-голубыми глазами. Взгляд у него словно бы оценивающий, взвешивающий, то ли с легким лукавством, то ли с хитрецой. Он не раз зимовал и в Арктике, и в Антарктиде, четырежды возглавлял станцию Восток — полюс холода нашей планеты. Василий Семенович и в пятый раз туда собрался, но в самый последний момент руководство распорядилось по-своему — назначило его начальником обсерватории Мирного. Климат там, конечно, помягче, но забот не меньше, зимовщиков раз в пять больше, чем на Востоке.

Наслышан был я, что он очень требователен к подчиненным, но и себе спуску не дает. В Москве, в управлении, он занимал довольно ответственный пост по материально-техническому снабжению. Но вот вновь потянуло его в Антарктиду, в шестой раз, хотя лет Василию Семеновичу не так уж мало: в коллективе Мирного он один из двоих, кому за пятьдесят. Однако выглядит

он моложе многих. И волосы густы, и седины в них почти нет. Чувствуется могучая порода. Именно такими представлял я поморов, первопроходцев нашего Севера.

Мы хлюпали резиновыми сапогами по мокрому грунту, перебрасываясь редкими фразами. Небо хмурилось, низкие облака стлались над сопками, и вот уже начал моросить дождь. Мы, как на грех, хотя и надели свою теплую антарктическую одежду, но не имели плащей. На шестом континенте плащ — бесполезная вещь, дождей там не бывает. Кергелен же можно смело назвать островом дождей.

Я пристроился под козырьком скалы в сухой нише и достал полевой дневник. Василий Семенович тут же рядом осматривал скалу в поисках красивых минералов. Потом мы позавтракали свежевыпеченной в судовой пекарне буханкой и шоколадом, поговорили о кроликах, пожалели, что у нас нет ружья (вот бы пир закатили на судовом камбузе!), и отправились дальше.

Теперь было рукой подать до вершины сопки. Топкие зеленые «лужайки» остались внизу. Мы взбирались по скалам, покрытым пятнами лишайников, бежевых, светло-зеленых, черных. Преобладали плотно прижатые, словно припаенные к камню, корочки — так называемые накипные лишайники. Они, казалось, слились с породой, и отодрать их можно было только с помощью ножа. Подобных лишайников много и на южнополярном континенте: им не страшны самые свирепые ураганы. Однако близ вершины стали попадаться другие виды — пышные кустики высотой в два-три сантиметра. Их не часто встретишь в Антарктиде, и я беру несколько покрытых растениями камней в свою коллекцию.

Скальная вершина сопки испещрена выемками, по форме похожими на стаканы. Болышая часть их до краев заполнена водой. Мне приходилось видеть каменные «стаканы» и в Антарктиде. Их образование скорее всего связано с морозным выветриванием. Замерзающая в углублениях вода постепенно разрушает вокруг себя горную породу.

На Кергелене можно встретить необычные стаканообразные формы выветривания. Такого рода формы встречаются и в Антарктиде.

Сопка, на которую мы поднялись, вызвышалась метров на двести над озером. Полюбоваться видом с вершины нам, однако, не удалось: окрестности скрывались в облаках. Косой дождь, на который мы старались не обращать внимания, сменился снегопадом. Крупные хлопья мокрого снега застилали горизонт. Сквозь эти косо летящие белые полосы еще некоторое время проглядывала стальная поверхность озера, темнели сопки противоположного берега, но вот и эта картина растворилась в снегопаде.

Перспектива исчезла, окружающий мир сузился. Снежное облако, казалось, поглотило нас. Скалы под ногами побелели. И хотя снег тут же таял, нового выпадало в избытке.

Несмотря на непогоду, не хотелось отказываться от замысла проникнуть подальше в глубь острова. Я предложил Василию Семеновичу оставить уже изрядно нагруженный образцами рюкзак в сухой нише, а самим отправиться дальше налегке.

Мы карабкались по скалам, спускались в расщелины, пересекали ручьи, даже фотографировали друг друга, невзирая на снегопад, и постепенно разговорились. Холодок отчуждения, обычный при общении недостаточно знакомых людей, почти рассеялся.

Меня уже давно интересовал вопрос, какими качествами должен обладать полярный руководитель. Ведь от него в немалой степени зависит успех работы далекой, затерянной на краю Земли антарктической станции. Василий Семенович был признанный полярный лидер, и я приглядывался к нему с особым вниманием.

Думаю, я не ошибался, представляя его человеком весьма одаренным. Возможно, ему в чем-то везло. Без удачи, пожалуй, никому не обойтись. Натуре Василия Семеновича присущи основательность, упорство. Природа наградила его сметливостью, сообразительностью и не обидела честолюбием: ему нравилось быть начальником. Но он не почивал на лаврах, а энергично работал, думал. Учитывал опыт свой и чужой, умел быть достаточно гибким, предусмотрительным. Словом, Василий Семенович был человеком незаурядным. Даже обороты его речи, порой угловатые, были выразительными, незатертыми. К примеру, вспоминая о том, как строили Восток, с одобрением, заметил: «Плотники охорашивали дома». Рассказывая на корабле новичкам о Мирном, он упомянул о кладбище на близлежащем островке, где покоились погибшие в Антарктиде полярники, и тут же добавил: «Хорошие могилы, на цепях, но не дай бог туда попасть, не за тем едем».

Василий Семенович законно гордился правительственными наградами, которыми был наделен достаточно щедро. Стремился получить новые и не скрывал своего желания. Но зарабатывал их не ловча, а честным, далеко не легким трудом. Он с успехом справлялся с весьма ответственными и трудными заданиями. Четыре благополучные зимовки на полюсе холода говорили сами за себя. Наверняка иной раз Василий Семенович совершал ошибки, но умел учиться на них и в конце концов добивался успеха.

Притом был он человеком, что называется, земным, отнюдь не простым по характеру, порой жестким и грубоватым в обращении. Оправданно ли это? Известно, что на зимовках, особенно таких дальних, как в Антарктиде, должна быть жесткая дисциплина. Излишняя мягкость и доброта начальника могут обернуться бедой для подчиненных. Правда, я знал одного деликатного, внешне вроде бы даже робкого начальника, который, однако, своим справедливым и заботливым отношением, тактом и умом завоевал всеобщее расположение подчиненных и был для них непререкаемым авторитетом. Всего этого он достиг без грозных приказов, не повышая голоса, не подчеркивая свою роль начальника, Лично мне импонировал именно такой, интеллигентный тип руководителя.

Василий Семенович принадлежал к числу начальников,

утверждающих себя, что называется, силой, властью. «Приказы начальника не обсуждаются. Начальников не выбирают. Их назначают, или их бог дает» — были его любимые изречения.

Как бы то ни было, он добивался успеха. На его зимовках был порядок, ЧП почти отсутствовали, планы работ выполнялись, все зимовщики возвращались здоровыми и, как правило, довольными, хотя кое-кто и жаловался на его жесткость. Но победителей, как известно, не судят.

«НЬЮ-РОБИНЗОНЫ»

...мы испытали очарование суровой и дикой природы этой южной земли и сохраним воспоминания о ее ландшафтах редкой красоты.

Обер де ла Рю

Снег лепил все сильнее и сильнее. Видимость сократилась до нескольких метров, и Василий Семенович стал беспокоиться, найдем ли мы оставленный в нише рюкзак. К тому же отведенное нам время истекало, и мы повернули назад.

Путешествие по острову несколько сдвинуло строй наших мыслей, и, приближаясь к сопке, за которой должен был находиться фьорд, мы принялись фантазировать: вот, дескать, выйдем к берегу, а судно ушло, не дождавшись нас. Что будем делать?

— Перво-наперво подумаем о жилье, — обстоятельно рассуждал Василий Семенович. — Обоснуемся в пещере. Потом решим вопрос с продовольствием. Кролики вокруг — мясом будем обеспечены. На скалах, конечно, есть птичьи базары, значит, будут и яйца; это очень полезно, в них все необходимые вещества. Ну, а в качестве деликатеса предлагаю тюленью печенку. Очень вкусна, если ее с умом приготовить! Питаться будем разнообразно, чтобы от цинги уберечься.

— Здесь должна быть кергеленская капуста, — добавил я. — Это лучшее противоцинготное средство. Она помогла первооткрывателям Антарктиды — участникам экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Кстати, к растительной пище предлагаю еще присовокупить молодые побеги ацены — их можно встретить на берегу под грудами водорослей — и одуванчики. Такие рекомендации дает геолог Обер де ла Рю, автор книги «Два года на островах Отчаяния».

— Про капусту ты верно вспомнил, — согласился Василий Семенович. — Капуста от цинги первое средство. А вот про ацену и одуванчики не знаю, но тебе виднее, на то ты и ученый. А как тут насчет рыбной ловли? Я на берегу под водорослями таких червей видел, прямо как у меня на огороде.

— В этих озерах рыба, к сожалению, не водится. А в море

пищей не слишком разживешься. Из рыб здесь, правда, водится нототения.

— Знаю, отличная рыба.

— А Обер де ла Рю дает ей самую нелестную характеристику, называя отвратительной, малосъедобной рыбой, к тому же кишащей паразитами.

— Уж слишком большой гурман твой Обер, как его там по батюшке. Вижу я, дружочек, мы тут с тобой не пропадем, сумеем поробинзонить.

Словом «дружочек», безусловно искренним проявлением симпатии, Василий Семенович тем не менее утверждал и свое положение руководителя. В его воображении мы робинзонили бы, само собой, под его началом. Он органично чувствовал себя начальником.

...Рюкзак был найден, и мы не мешкая направились дальше к фьорду. Увлекшись игрой в робинзонаду, мы едва ли не всерьез стали опасаться, что не увидим наш корабль.

Снегопад прекратился, небо очистилось, и открылись яркая синева бухты, уходящие вдаль скалистые уступы, веселые зеленеющие острова, розовое облако в небе, а прямо перед нами — мачты нашего судна.

— Нет, не судьба нам поробинзонить! — улыбнулся Василий Семенович. И я не без сожаления согласился.

Внизу у моря в лучах солнца на темном галечном пляже валялись тюлени, в воздухе парили большие «носатые» птицы — кергеленские бакланы. В неожиданно прорвавшихся после долгого снегопада потоках солнечного света берег так и просился на цветную пленку.

Мы спустились к пляжу, где дремали морские слоны. Василий Семенович не без труда с помощью моего геологического молотка расщекотал одного лежебоку, заставив его принять воинственную позу. Я сделал несколько снимков. Вызванное нашим вторжением возбуждение распространилось по всему пляжу. Два разбуженных гиганта, очевидно толком не разобравшись, что произошло, устремились в бой. Привстав на ласты и широко раскрыв пасти, они угрожающе крутили головами, раздували ноздри, таращили глаза. Наступая грудью, противники пускали в ход клыки. От подобного «выяснения отношений» на шкурах нередко остаются боевые знаки — рубцы и шрамы, которые, как известно, только украшают мужчин. Потом вдруг, изогнувшись дугой, самцы с размаху бросились друг на друга. От столкновения их увесистых туш, казалось, земля заколебалась под нашими ногами.

— В природе сильный утверждает свое право открыто,

намного проще, чем у людей, — отметил Василий Семенович. — Может, и нам стоит поучиться у природы? Что ты по этому поводу думаешь?

— Ты философ, — уклонился я от ответа (в середине маршрута мы перешли на «ты»).

— Позимуешь с мое — станешь философом! Да их же разнимать надо — поуродуют себя!

«Яблоко раздора» — небольшая вялая самочка, лежавшая несколько поодаль, казалось, не обращала никакого внимания на эти «распри мужчин».

— А все же я за то, чтобы в Антарктиде с нами зимовали женщины, —продолжал Василий Семенович. — Арктика когда была покорена? Когда туда пришли дамы. Так и Антарктиду без них нам не одолеть. А всякие разговоры, что, дескать, мужики из-за них не будут ладить — так ведь это вздор. Мы ведь все же не такие, как эти, — указал он молотком на соперничающих слонов. — Мы ведь люди! А человек как-никак венец природы!

Метрах в десяти от нас на скале стоял упитанный поморник и, слегка наклонив голову, внимательно вслушивался в то, что говорил Василий Семенович.

Зелень близ воды была яркой и сочной. На прибрежных скалах лепились растения, которые нам раньше не встречались. Одно — наподобие ромашки с бархатистыми серо-зелеными лепестками — вполне могло бы служить украшением бального платья. Рядом прижалось к скале другое, с мясистыми листьями, словно намеревавшимися свернуться в кочан. Я почти не сомневался, что это и есть та самая кергеленская капуста, которая спасла бы нас с Василием Семеновичем от цинги, случись нам робинзонить на острове. И я смело стал жевать ее жесткий, похрустывающий лист.

Моему примеру последовал Василий Семенович, но поспешно сплюнул. Вкус капусты напоминал редьку, только уж со слишком едкой горчинкой.

— Крепка. Чувствуется, много витамина С. Ее нужно с подсолнечным маслом и солью готовить, — одобрил, однако, Василий Семенович.

К скале, где поселилось целое семейство капустных кочанов, от склона сопки шла тропинка. Вдоль нее валялось множество скелетов и не до конца объеденных тушек кроликов. Это была прямо-таки своеобразная «тропа смерти».

— Чего они тут мрут, может, эта капуста ядовитая? — высказал предположение Василий Семенович и еще раз сплюнул. Но тут же опроверг себя: — Не может того быть! Была бы ядовитой — не ели бы. В природе все надежно, без обмана!

Мы двинулись в сторону судна. На наших глазах из норки на склоне сопки выскочил серый зверек, огляделся и шустро устремился к берегу: не иначе как решил полакомиться сочной капустой. В тот же момент со скалы почти бесшумно взметнулся поморник, прошел на бреющем полете и накрыл сверху кролика. Точный удар клювом — и вот уже поморник терзает добычу на прибрежной гальке.

— Мудра природа! — продолжал рассуждать Василий Семенович. — Сама о себе заботится. Человек напортачил, наводнил остров кроликами, и если бы не поморники — видали бы мы твою капусту! От цинги чем бы тогда спасались? Вот у нас в Антарктиде не любят поморника — дескать, бандит, шакал, а тут на острове ему в пору памятник ставить!

Мы проходим мимо остова баркаса, неведомо какой гигантской волной выброшенного далеко на берег. И конечно, задерживаемся у следов кораблекрушения. За двести с лишним лет, прошедших со дня открытия островов Кергелен, многое произошло и на этих, столь удаленных от центров цивилизации берегах. Конечно, события местной истории могут показаться незначительными. Но всем, кто так или иначе связал свою судьбу с этими островами, они несомненно будут интересны. Будь то эпизоды сурового времени промысла китов и тюленей или современные научные экспедиции. Вот и этот старинный, выброшенный морем баркас — одна из страниц, рассказывающая о крушении чьих-то надежд.

Прежде чем пуститься в дальнее плавание, моряки запасаются водой из озера Дасте в бухте Хопфул.

..У водопада Лозер многолюдно. Работает насос, гонит воду по шлангам в танки корабля. С судна доставили еще одну группу желающих взглянуть на здешний берег. Сам капитан решился на часок оставить корабль. Стоит теперь на пригорке у воды, наблюдает за работой помпы.

— Удачно попутешествовали? — обращается он к нам.

Мы в один голос расхваливаем наш маршрут.

— Ну, отправляйтесь на судно. Зайдите на камбуз, скажите, капитан распорядился вас накормить.

Мы залезаем в шлюпку. Вместе с нами еще трое полярников. Один из них — геофизик в модных очках, знаток морских слонов. Капитан хочет еще что-то крикнуть мотористу, делает неосторожный шаг вперед и, поскользнувшись, съезжает по влажному грунту со своего пригорка прямо к воде. Все в шлюпке наблюдают молча, пряча улыбки. Только геофизик, удобно усевшись на самой корме, залился хохотом, даже очки снял, видно, слезы выступили.

Капитан поднимается, отряхивается. Он явно смущен. Делает знак мотористу, чтобы мы скорей отчаливали. Наша шлюпка лихо берет с места. Мы проскакиваем под швартовыми канатами. Один из них провис низко над водой. Внезапно раздается вскрик. Я оборачиваюсь и вижу, как, задетый канатом, весельчак опрокидывается и уходит в воду. Василий Семенович еле успевает

схватить его за сапоги.

Мокрого геофизика втаскивают обратно в шлюпку.

— Очки, очки! — бормочет он.

— Вот, дружочек, — мягко журит его Василий Семенович. Что же ты так оплошал? А все почему? Нечего было потешаться над капитаном!

...Вечером мы снялись с якоря и стали осторожно выбираться из фьорда. И как всегда в ответственные моменты, на мостике рядом с капитаном замерла строгая, подтянуая фигура старпома.

Мы же с Василием Семеновичем вышагивали по палубе, словно продолжали недавний маршрут.

— Погорячился твой Обер, — говорил Василий Семенович, глядя на уходящие назад скалистые берега. — Какие же это «острова отчаяния»? По антарктической мерке тут цветущий сад. Его бы к нам на Восток, на полюс холода. Да мы и там жили — не тужили! А то выдумал «от-ча-я-ни-я»!

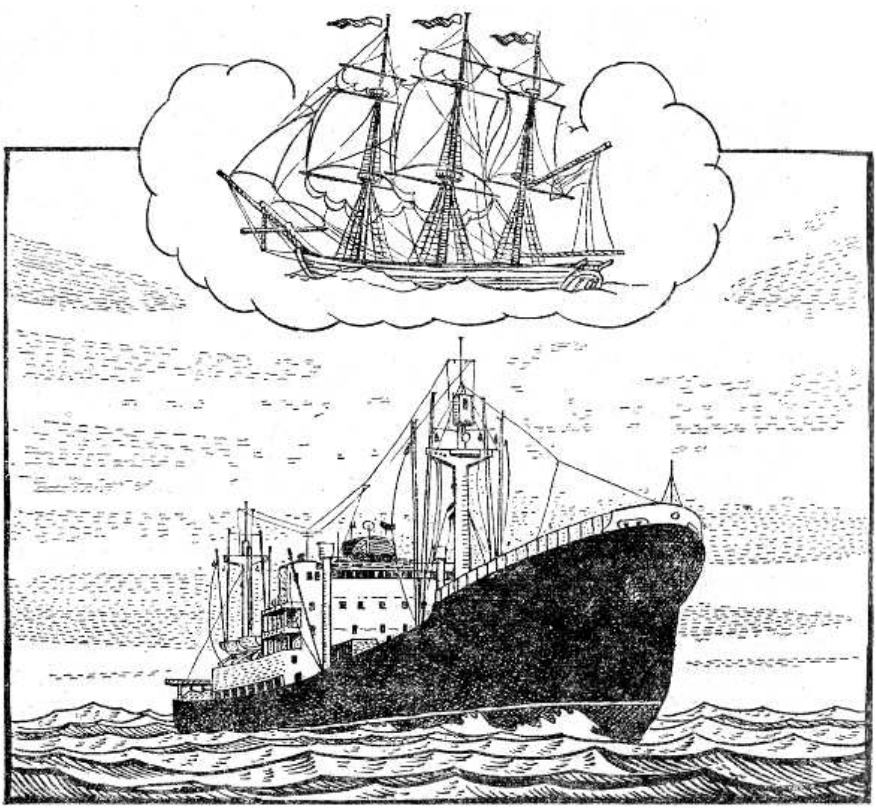
Берега Кергелена отступали все дальше, растворялись в сиреневых сумерках. «Прав ведь Василий Семенович, — думал я. Только судит он по своим антарктическим меркам. Да и Обер де ла Рю, хотя и назвал свою книгу «На островах Отчаяния», хотя и ругает острова, вдруг скажет такое, что понимаешь: на самом деле любит он эту землю. Вот, к примеру: «Нельзя провести около двух лет на островах Кергелен, не привязавшись к ним». Или: «Что касается меня, то я с большим удовольствием вновь вижу эту бесплодную, печальную и все же чем-то чарующую землю...» А «острова Отчаяния» — это ведь Кук придумал. А он на острова только взглянул. Кук, как мореплаватель, был больше всего к морю привязан. А что частенько Обер де ла Рю ругает Кергелен, так это в порядке вещей. На зимовках, бывает, на чем свет стоит клянут Антарктиду, а потом вновь туда по доброй воле возвращаются. Для того же Василия Семеновича его полюс холода — это же земля обетованная. В который раз рвался туда на зимовку! Известно: то, во что вкладываешь себя, прикипает к сердцу!

И опять у борта замелькали крылья больших светлых птиц. На этот раз они провожали нас в открытый океан...

Глава пятая
В ЮЖНОМ ОКЕАНЕ

Южный океан, усл. назв. прилегающих к Антарктиде юж. частей Атлантич., Индийского и Тихого ок., встречающееся в лит-ре и выделенное в самостоят. океан в сов. Атласе Антарктики (1969).

СЭС



КАЧКА

Я изложу теперь весь свой опыт в морской болезни, купленный мной дорогой ценой. Прежде всего бедствие это огромно и далеко превосходит все то,

что может предположить человек, никогда не бывавший в море больше нескольких дней.

Чарлз Дарвин

«Пятидесятые неистовые» широты в отличие от «ревущих сороковых» не балуют погодой. Волнение моря — 8 баллов. Но почти все на борту, за исключением двух-трех страдальцев, привыкли или делают вид, что привыкли к качке. Потеря равновесия тем не менее отражается на каждом.

У моего соседа по каюте, ученого из ГДР — Ганса, прорезался зверский аппетит. В сильную качку он грезит жареным мясом. Дома же, как уверяет нас Ганс, он вегетарианец. Наши геологи, наоборот, к еде равнодушны, но изнывают от жажды. Каждый раз, встретив Ганса на палубе, они тактично намекают ему, что не мешало бы промочить горло. Дело в том, что мой сосед имеет представительские запасы: несколько ящиков немецкого пива. Ганс простодушно соглашается с геологами, но дальше разговоров дело не идет: ценный напиток предназначен для Антарктиды. В последнее время Ганс предпочитает отсиживаться в каюте.

Устроившись за единственным столиком под иллюминатором, он похрустывал леденцами из представительских запасов и, невзирая на качку, работал с самого утра. На столе перед Гансом все возрастала стопка библиографических карточек, которые он заполнял день за днем с начала рейса.

Ганс хорошо говорил по-русски, обладал дружелюбным характером. О лучшем товарище по каюте нельзя было и мечтать, если бы только не его страстное увлечение бравурной музыкой. Она почти беспрерывно извергалась либо из его карликового транзистора, либо из портативного кассетного магнитофона,

включенных на полную мощность.

В первые дни я пытался уменьшить громкость, потом стал подозревать, что Ганс глуховат, пока, наконец, не понял, что именно громкая музыка доставляет моему товарищу удовольствие. Тогда я покорился своей участи. Впрочем, иной раз я срывался, тем более что репертуар Ганса мне уже порядком надоел. Вот и сейчас, вернувшись в каюту с палубы, где мне удалось сфотографировать альбатросов, я надеялся подремать, полистать в тиши «Путешествие на «Бигле» », а меня встретил бодрый марш. И тут я не удержался:

— Ты меломан, — сказал я в сердцах, — и вдобавок оброс, как хиппи. В Антарктиду тебя не пустят.

Ганс придал своему лицу обезоруживающе приветливое выражение:

— Меломан — это отлично!

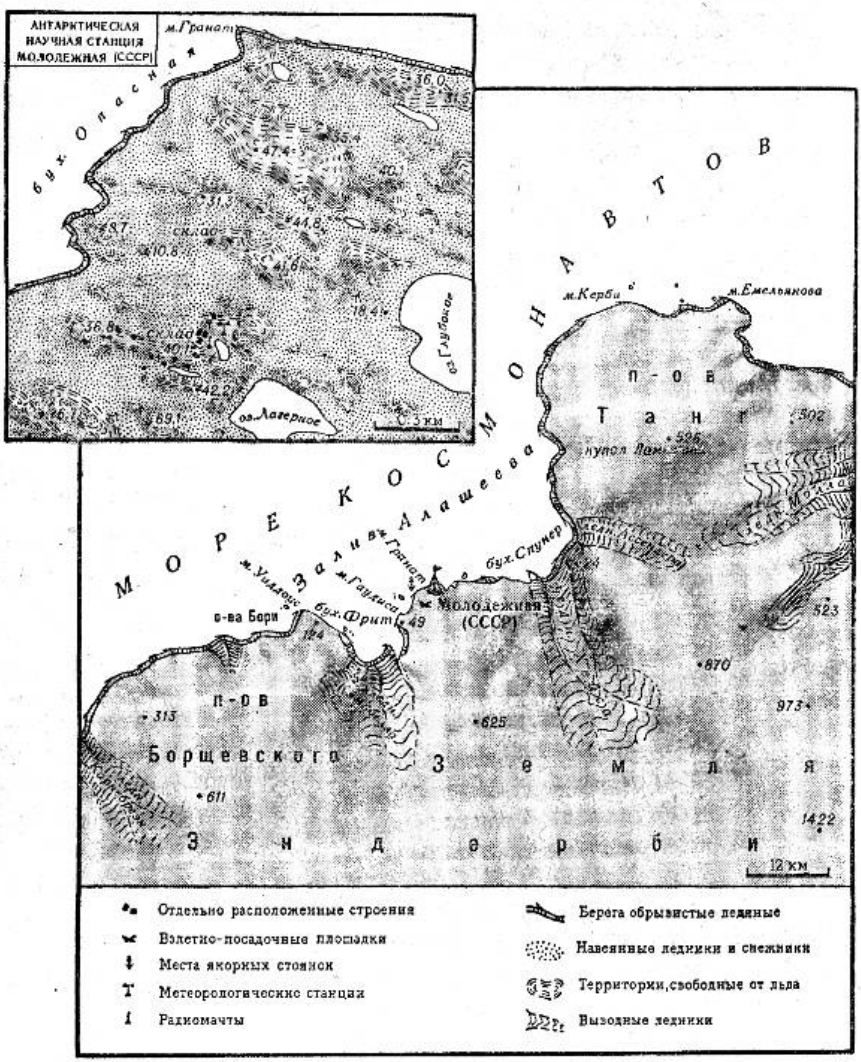
Однако сравнение с хиппи его задело, и он, поправляя свою льнивую гриву, заметил, очевидно намекая на мою «свежеобработанную» голову:

— А вот некоторые своей прической пингвинов распугают.

— Да, ты за словом в карман не полезешь, — удрученно махнул я рукой, поняв, что подремать в каюте сегодня не удастся.

— В карман не полезешь?! — несколько раз радостно воскликнул Ганс и потянулся за тетрадью, куда он аккуратно вписывал все новые для него русские выражения.

В коридоре я столкнулся с Эммой — нашим парикмахером, которая после захода на Кергелен приобрела еще более царственную осанку и ухитрялась не терять ее даже несмотря на качку.



Антарктическая станция Молодежная

— Эмма, — как можно более серьезно обратился я к ней, — наш Ганс очень хочет постричься, но стесняется. Надо бы проявить чуткость. Словом, зайди к нам в каюту, возьми Ганса за руку и уведи в свой салон. Дело это срочное — Антарктида не за горами.

Эмма понимающе кивнула.

— Через пять минут я освобожусь, — заверила она, — и все будет в порядке.

Я вернулся в каюту, сел на койку и раскрыл лоцию. Ничего не подозревающий Ганс менял очередную кассету в магнитофоне.

— Свежие мысли приходят под бодрую, жизнеутверждающую музыку, — пояснил он. — Чем, к примеру, хорош марш? Он не дает расслабляться и слоняться без дела по кораблю. — И, пустив эту стрелу в мой адрес, Ганс тряхнул своими роскошными локонами.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — радушно провозгласил Ганс.

На пороге возникла Эмма во всем своем великолепии.

Ганс вздрогнул от неожиданности и невольно приподнялся.

— Пойдемте со мной, Ганс, — грудным, задушевным голосом пропела Эмма и протянула Гансу руку.

Ганс беспомощно взглянул на меня. Я понял, что он, как кролик перед удавом, не в силах сопротивляться.

— Ганс, — сказал я, — марш — это, конечно, прекрасно! Под такую музыку можно без колебаний положить свою голову даже в пасть льву.

Но Ганс уже не слышал меня, увлекаемый Эммой.

... На другой день, как я и предполагал, погода не улучшилась. С утра моросил дождь, небо было сплошь затянуто тучами, качка усилилась. Тем не менее мы с Гансом вышли на палубу делать зарядку. Ганс еще не пришел в себя после вчерашнего свидания с Эммой. Оно стоило ему лучшей части его роскошной шевелюры. Кое-что ему, правда, удалось спасти, и голова его, хотя и не приобрела идеально яйцевидной формы, как у большинства полярников (фирменная стрижка Эммы), вызывала смутное раздражение, которое обычно возникает при взгляде на недоощипанную птицу. Ганс бодрился, был повышенно деловит, но избегал смотреть на себя в зеркало. Он захватил на палубу горный компас — замерить амплитуду качки.

— С одного борта на другой — тридцать градусов, — сообщил он.

— Для «неистовых пятидесятых» это нормально, — констатирую я.

— Да, думаю, не кувыркнемся, — соглашается Ганс.

В кают-компании тарелки, ножи и вилки гуляют по столу, норовя соскользнуть на пол.

Из-за качки не удалось приготовить первое блюдо: на камбузе опрокинулся бак со щами. Девчата в столовой бледные, неулыбчивые — работать в таких условиях сущее наказание. Да и полярникам было не до веселья. Многие вовсе не пришли обедать, предпочитая отлеживаться на койках.

Даже наш пассажирский помощник уже несколько дней не показывался на палубе, скрывшись в каюте, но, как подлинный богатырь, не сдавался — снова и снова играл на своем тромбоне

«Марш Черномора».

Если на большом современном судне так чувствовалась качка, то как же нелегко приходилось пассажирам парусных кораблей! Ч. Дарвин. оставил в своем дневнике многочисленные и весьма красноречивые свидетельства этому: «Корабль полон ворчунов и брюзг, и я в ожидании морской болезни чувствую себя как нельзя хуже»; «Вечером подул свежий противный ветер. Этот и три следующих дня были для меня днями больших и непрекращающихся страданий»; «Бурная погода. Я был близок к потере сознания от истощения» и т. д. и т. п. Даже по этим кратким выдержкам можно представить, чего стоили Ч. Дарвину годы плавания на «Бигле».

Не исключено, что именно морская болезнь, столь измучившая естествоиспытателя, была причиной дурного настроения и сделала его излишне раздражительным, а порой и категоричным в оценках.

А вот И. А. Гончаров, совершивший в этих широтах путешествие на фрегате «Паллада», напротив, нисколько не страдал от морской болезни, наслаждался плаванием и пребывал большую часть времени в отличном расположении духа: «Я ждал, когда начну и я отдавать эту скучную дань морю, а ждал непременно. Между тем наблюдал за другими: вот молодой человек, гардемарин, бледнеет, опускается на стул; глаза у него тускнеют, голова клонится на сторону. Вот сменили часового, и он, отдав ружье, бежит опрометью на бак. Офицер хотел что-то закричать матросам, но вдруг отвернулся лицом к морю и оперся на борт... — «Что это, вас, кажется, травит?» — говорит ему другой. (Травить, вытравливать — значит выпускать понемногу канат.) Едва успеваешь отскакивать то от того, то от другого... — «Выпейте водки», — говорят мне одни. — «Нет, лучше лимонного соку» — советуют другие; третьи предлагают луку или редьки. — Я не знал, на что решиться, чтобы предупредить болезнь, и закурил сигару. Болезнь все не приходила, и я тревожно похаживал между больными, ожидая, вот-вот начнется. — «Вы курите в качку сигару и ожидаете после этого, что вас укачает. Напрасно!» — сказал мне один из спутников. И в самом деле напрасно: во все время плавания я ни разу не почувствовал ни малейшей дурноты и возбуждал зависть даже в моряках».

А страдай Гончаров от качки, может быть, и не была бы написана такая яркая, с тонким юмором книга, как «Фрегат «Паллада» ».

... Все с облегчением вздохнули, когда на шестьдесят первом градусе южной широты судно вошло в поля разреженного битого льда и качка почти прекратилась. Заходить далеко во льды было,

однако, рискованно.

Кит малый полосатик любит глотнуть свежего воздуха невдалеке от судна.

Странствующий альбатрос, обитатель «ревущих сороковых» и «неистовых пятидесятых» широт. Птенцов эти птицы выводят на Кергелене и других островах Южного океана.

— Мы пока еще, слава богу, не ледокол, — резонно заметил наш капитан, днюющий и ночующий теперь на мостике. И, взглянув на стоящего рядом старпома, добавил: — Лавры «Титаника» меня нисколько не прельщают.

Старпом молчал, но глаза его горели. Я чувствовал, что ему хочется идти дальше к югу. Возможно, только сейчас, увидев завораживающую панораму ледяных полей, он осознал свое призвание: быть полярным капитаном.

Ледовую проводку нашего судна должен был обеспечить флагман антарктической экспедиции дизель-электроход «Михаил Сомов», но он задержался у берегов Земли Королевы Мод, в районе станции Новолазаревской, и было решено двигаться навстречу ему вдоль кромки дрейфующих льдов.

ИМЕНА НА КАРТЕ

Континент белых бесконечных дорог, по которым полярные исследователи шли для того, чтобы неизвестное стало известным.

Алексей Трешников

Через несколько дней наши моряки освоились в ледовой обстановке. Теперь мы уже не шарахались далеко в сторону от встречных айсбергов, все реже вспоминали о «Титанике», а когда видимость ухудшалась, доверяли локатору. Старпом на своей вахте смело форсировал поля ледяных обломков. На краю ледового пояса настоящих прочных льдин не попадалось и судно не страдало. Наоборот, льды, проходя по корпусу, снимали всякого рода подводные обрастания: ракушки, водоросли, и ход судна увеличивался. Старпом был доволен. И капитан уже не кривился, глотая подогретое молоко: болезнь желудка в антарктических водах отступила. Иной раз, когда нас окружали айсберги, он даже пошучивал: «Ну, чем мы не ледокол?!»

По левому борту проходили берега Антарктиды. Мы их не видели, они были скрыты непреодолимым ледовым поясом, но я, глядя в штурманской на карту (старпом уже смирился с моим присутствием здесь и не сверкал в мою сторону глазами), восстанавливал в памяти знакомую картину.

Места эти мне были хорошо известны. Здесь начиналась моя первая самостоятельная работа. Я вспоминал свирепый ураган, сорвавший с креплений наш самолет, находку первого в этих местах железного метеорита; трудный поиск дороги для санно-гусеничного поезда, виртуозные посадки наших летчиков в узких горных долинах. И конечно, прежде всего своих товарищей: гостеприимных зимовщиков Новолазаревской и дружелюбного чехословацкого геолога Иозефа Секиру, с которым мы были неразлучны в маршрутах. А сколько мог бы я рассказать о ярких, талантливых ученых Михаиле Равиче и Дмитрии Соловьеве, с именами которых в немалой степени связан успех советских геологических изысканий в Антарктиде.

Мы летали над удивительными, утопающими во льдах горами, совершали долгие маршруты по нехоженой

антарктической земле. Позднее через мои руки прошли сотни аэрофотографий этой территории. С их помощью составлялись точные карты, вошедшие в первый советский Атлас Антарктики.

И еще вспомнилось детство...

Это произошло в одном из первых классов. Рассматривая в кабинете завуча, куда я был вызван за какую-то провинность, географическую карту, я увидел в самом низу, как раз на уровне глаз, необычайный континент. Был он белый в отличие от других зеленовато-коричневых, а названия на нем казались взятыми из сказок: Земля Королевы Мод, Берег Принцессы Марты, Земля Адели. Быть может, именно тогда и возник у меня «синдром путешествий», причинивший немалое беспокойство моим родителям.

Мои школьные изыскания (наша школа находилась на месте нынешнего Дворца пионеров на Ленинских горах) распространились на окрестности старой Воробьевки, мосфильмовские овраги, на пустыри и свалки у Калужского шоссе — места, претерпевшие к настоящему времени необратимые изменения.

За эти первые, вполне самостоятельные путешествия, из которых я возвращался, как и подобает настоящему путешественнику, в грязи, ссадинах и царапинах, приходилось нести суровые наказания. Самым ужасным была угроза надеть на меня... юбку! Самую обыкновенную девчачью юбку. Эту злосчастную, как сейчас помню, болотного цвета юбку за неимением ничего более подходящего как-то купила мама, с тем чтобы сшить из нее сыну штаны. Перед тем как приступить к раскройке, она решила сделать примерку и, надев юбку на ничего не подозревающего путешественника, подвела его к зеркалу. На удивление всем домочадцам, это произвело на меня неизгладимое впечатление. Мое мужское достоинство было попрано, слезам и воплям не было конца. На семейном совете решено было юбку сохранить, использовать ее как средство наказания, дабы воспрепятствовать моим дальнейшим путешествиям, география которых стремительно расширялась.

Но запретный плод сладок. Окончив школу, я не пошел по стопам моих родителей, имевших оседлую специальность, а поступил на географический факультет Московского университета. И в конце концов попал в Антарктиду, на материк, поразивший мое воображение своими необычными названиями еще в далекие детские годы. За первой экспедицией последовали другие. Теперь карта Антарктиды стала родной и привычной. Районы, где мне довелось работать, я мог рисовать по памяти. И названия уже не казались необыкновенными и загадочными. Они

отражали историю изучения этого единственного необитаемого материка нашей планеты.

Первыми, кто оставил тут след, были наши соотечественники, первооткрыватели южнополярного континента и многих близлежаних островов, — экспедиция Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева на шлюпах «Мирный» и «Восток». Так появились Земля Александра I, острова Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Петра I и другие. Некоторые названия были даны в честь наиболее отличившихся офицеров экспедиции. Небезынтересен такой факт: лейтенант шлюпа «Восток» К. П. Торсон, именем которого был назван один из островов, впоследствии принял участие в восстании декабристов. Последовало наказание — каторга. Имя лейтенанта поспешили убрать с карты. Однако время восстановило справедливость. Теперь на карте Антарктиды снова есть имя доблестного моряка — его носит мыс к западу от первой советской антарктической станции Мирный...

Вслед за русскими мореплавателями к южнополярному материку устремились многие другие экспедиции. В результате интернациональных усилий в освоении этой суровой и труднодоступной полярной области на современной карте соседствуют названия не менее чем на восьми языках.

Чьи же имена увековечены на карте Антарктиды? Конечно, ее первоисследователей, руководителей экспедиций, их участников, а нередко царствовавших особ и членов их семей из стран, где снаряжались эти экспедиции. К примеру, Земля Королевы Мод названа норвежскими мореплавателями в честь своей королевы, а Берег Принцессы Марты — ее дочери и т. д. Вот откуда на ледяном континенте такое множество имен знатных особ. Карта Антарктиды прославила также финансовых покровителей экспедиций. Организация путешествия в южнополярные широты весьма дорогостоящее дело. У самих же исследователей было в избытке энтузиазма, денег же они не имели.

Некоторые названия не могут не вызвать удивление, а то и улыбку. По фантазии австралийских полярников (возможно, среди них были французы по происхождению), в горах Принца Чарлза появились хребты Атос, Портос и Арамис. Д'Артаньяну почему-то не повезло. На противоположном краю континента, на Земле Александра I, где работали англичане, много «музыкальных» названий. Здесь находятся ледяное плато Моцарта, ледяные бухты Мендельсона, Шуберта, Брамса, Верди; шельфовый ледник Баха; мысы Россини, Берлиоза. Рядом на полуострове Бетховена расположились горы Листа, Грига, Шумана и пик Глюка. Не обойдены и наши композиторы. Есть тут пик Мусоргского, гора Чайковского, Бородина, а недавно

появился полуостров Шостаковича.

Калейдоскоп наименований явно неполярного происхождения вряд ли можно объяснить случайными субъективными обстоятельствами. Конечно, зарубежные исследователи, пользуясь правом первооткрывателей, нередко давали названия, согласуясь лишь со своими личными вкусами, симпатиями, привязанностями. Так, на карту Антарктиды, этого до недавнего времени сугубо мужского материка, попало немало женских имен. К примеру, уже упоминавшуюся Землю Адели руководитель французской экспедиции 1837—1340 годов Дюмон-Дюрвиль назвал именем своей жены.

Однако дело не только в личных вкусах. В последние годы в результате интенсивных международных изысканий, когда получили большое распространение аэрофотосъемка и радиолокация ледникового покрова, были открыты тысячи новых наземных и подледных географических объектов. Картографы торопились обозначить их на картах. Нужно было дать множество новых названий. Откуда их брать? Конечно, прежде всего из истории изучения континента. Но все имена, связанные с нею, были почти полностью исчерпаны, а новых не хватало. Поэтому многое опять-таки зависело от вкуса и фантазии первооткрывателей.

У нас географические названия присваиваются после тщательного отбора. Утверждает их Междуведомственная комиссия Академии наук по изучению Антарктики. К настоящему времени на карте южной полярной области насчитывается свыше 700 русских географических названий из общего числа около 10 тысяч.

На новых картах, подготовленных на основании изысканий советских ученых, можно увидеть многие славные имена русских путешественников, писателей и поэтов, космонавтов, деятелей коммунистических партий и международного рабочего движения.

Увековечены имена многих ныне покойных участников советских антарктических экспедиций. Вот только некоторые из них.

Море Сомова названо в честь прославленного советского полярника, исследователя Арктики и Антарктики, мыс Маркова — в честь выдающегося географа, академика. Это наименование появилось на карте еще при жизни исследователя. Полуостров Борщевского назван в честь начальника нескольких сезонных морских экспедиций, проводивших у берегов Антарктиды гидрографические работы и аэрофотосъемку, а горы Дмитрия Соловьева — в честь ленинградского полярного геолога, участника десяти антарктических экспедиций.

Карта Антарктиды хранит память о многих советских людях, изучавших этот суровый материк. Не могу не упомянуть еще несколько названий: холмы Свиридова, банка Пожарского, подледные долины Бугаева, Матвейчука; горы Серлапова, скалы Шестерикова... Для меня каждое из них — воспоминание о реальном, живом человеке.

За многими названиями кроются трагичные истории. Тут запечатлены имена первопроходцев, заплативших за свое стремление к неизведанному ценой жизни. Среди первых в этом печальном списке мужественный английский капитан Скотт и четверо его славных товарищей — Отс, Уилсон, Боуэрс и Эванс. Все они погибли на обратном пути с Южного полюса. Ледники Мерца и Нинниса, изучению которых была посвящена моя первая и тем мне особенно дорогая научная публикация, напоминают о гибели участников экспедиции, возглавляемой знаменитым австралийским полярным исследователем Дугласом Моусоном. Ниннис исчез вместе с санями в бездонной трещине в леднике, Мерц умер от истощения. Этот список можно было бы продолжить.

Трагичные случаи нередки и в наши дни, и на карте появляются все новые и новые названия. Иной раз это имена твоих близких товарищей.

На карте Восточной Антарктиды, на Берегу Отса, можно найти ледник Зыкова и мыс Буромского. Те же названия носят два небольших рядом лежащих островка на рейде обсерватории Мирный. Об истории их появления я считаю долгом рассказать.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Всем нам случалось, встретив товарищей... вспоминать о самых тяжких испытаниях, которые мы пережили вместе.

Антуан де Сент-Экзюпери

...Это было ровно четверть века назад. В наиболее труднодоступные районы, к полюсам Земли, отправлялись тогда экспедиции вести исследования по Международной геофизической программе. Для меня то время особенно памятно — я впервые попал в Антарктиду. Нас было несколько таких ребят, студентов-практикантов, которым столь несказанно повезло.

Повезло нам и с научными руководителями. Они были не только крупными учеными, но и людьми приветливыми, доброжелательными. Это известные географы, профессора Константин Константинович Марков и Борис Львович Дзердзеевский, опытный полярный гидролог Павел Афанасьевич Гордиенко и другие. К нам, студентам, они относились внимательно и сердечно. Морской частью экспедиции, в состав которой мы входили и которая размещалась на дизель-электроходе «Лена», командовал гидрограф, капитан первого ранга Олег Александрович Борщевский.

Трюмы «Лены» были переполнены грузами для зимовщиков. Но мы запоздали с приходом в Антарктику, и припай — береговой морской лед, на котором безопаснее разгружаться — разрушился. Тем не менее разгрузиться было необходимо.

Начало февраля 1957 г. Эти дни запомнились на всю жизнь. Вот строки моих старых дневниковых записей.

«...Четвертый день «Лена» ищет место для выгрузки. Наконец швартуемся к ледяному барьеру в трех километрах к западу от Мирного. Место мало удобное, но лучшего нет. Барьер высотой до двенадцати — пятнадцати метров. Стрела крана еле достает до края. Кое-где видны трещины, нависают ледяные карнизы. Часть карнизов подорвали, обрушили взрывами, но другие пришлось сохранить, иначе груз неудобно подавать с корабля.

На одном из таких карнизов, против четвертого трюма,

начала работать наша бригада из пяти человек: бригадир — главный механик Евгений Желтовский, три моряка и я. Карниз состоит из довольно рыхлого, слоистого фирна; лом уходит внутрь, как в масло. Если он рухнет, несдобровать: и высоко; и вода ледяная. А под обрывом выныривают хищные касатки — кормятся отбросами с камбуза. Когда находишься на карнизе, появляется странная настороженность. Если нужно принять груз и отцепить его от стрелы, подходишь к самому краю. Чувствуешь, вмиг все может оборваться. Подбираешься, словно готовясь к прыжку, говоришь почему-то тихо, почти шепотом. Из-за этого постоянного напряжения устаешь не столько физически, сколько морально.

Приближается конец двенадцатичасовой смены, и на напряженных лицах работающих на барьере появляются улыбки. Темп разгрузки ускоряется. Один за другим подходят трактора с волокушами — плоскими металлическими санями на прицепе. Трактор останавливается поодаль, а волокушу на тросе подают к краю барьера. Мы складываем на нее грузы, которые подаются краном из трюма.

Идет последний час. Лица товарищей веселы, слышатся шутки, и усталость вроде бы пропала. Становишься беспечным и забываешь о возможном обвале. Немного в стороне, метрах в двухстах, с треском рушится в воду небольшой ледяной карниз, но это уже никого не пугает, не настораживает. Кончаем смену. Нам полагается законных двенадцать часов отдыха. Последние груженые сани уходят от карниза.

Оглядываешься и замечаешь: какая же красота вокруг! Малиновые краски антарктического заката разлились на полгоризонта. Айсберг поблизости светится изнутри зеленовато-голубоватым огнем, а в его подводной части видны темные пещеры.

Довольные, мы шагаем по трапу на корабль, а навстречу нам — наша смена. Лица сменщиков хмуры, заспанны, им до веселья еще далеко. Подбадриваем товарищей, желаем им удачи, а сами идем спать.

3 февраля 1957 г. Пурга, затруднявшая накануне работу, прекратилась. Все кругом покрыто тяжелым, влажным снегом. Снег лежит на палубе, на оснастке судна, придавая кораблю нарядный облик. Небо прояснилось. Работается весело. Странно, но меня все же не оставляет чувство приближающейся опасности. Проходит четыре часа. Перерыв, полчаса отдыха на корабле. Встречаю своего руководителя — Константина Константиновича Маркова. Он идет в кладовую получать резиновые сапоги. На палубе слякоть — ботинки профессора размокли. Выдает обувь

гидрограф Николай Буромский, он материально ответственный. Ему лет тридцать пять. У него рыжая бородка, запавшие выразительные глаза. Лицо его еще разгорячено работой. Он разгружал соседний, третий трюм, метрах в десяти от нас вдоль края барьера. Своеобразный человек Николай Буромский — корректный, предупредительный, но почти всегда с какой-то немного грустной улыбкой на лице. Но сегодня он весел. Утром получил радиограмму — семье выделили квартиру. Все его поздравляют, называют счастливчиком. У него праздник.

Вместе с Буромским на барьере работает мой сверстник, курсант Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала С. О. Макарова Евгений Зыков. Немногословный, спокойный, основательный. Курсантов в экспедиции несколько человек, и все они связаны тесной дружбой: все за одного, один за всех! И я тянусь к их группе. Женя Зыков как бы цементирует нас своим твердым «взрослым» характером. Геофизик Игорь Гончаров, мой сосед по кубрику, тоже в их бригаде. Он всех заражает оптимизмом, бодрым строением. Зато ремонтный механик Иван Анисимов, наоборот, неразговорчив. Из гидрографов в этой бригаде работает еще Анатолий Дадашев. У него восточная внешность и, чувствуется, такой же темперамент. Их бригадир — Роман Книжник — тоже гидрограф. Он постарше нас и кажется мне загадочным. Два месяца с ним на корабле, а ничего сказать про него не могу. Уж очень молчалив.

Друг мой Владлен Измайлов, тоже курсант ЛВИМУ, внизу, в трюме, стропит грузы. Молодежи на корабле много: около половины состава экспедиции не старше тридцати лет. В трюме, где работает Измайлов, обстановка мрачная: темновато, сыро, остро пахнет бензином. Только небо, как со дна колодца, виднеется над головой. У нас же на барьере море света, воздуха.

Поздно вечером выходим на последние три часа работы. Из трюма сейчас идут в основном бревна: в Антарктиде строительный материал на вес золота. Впрочем, не только бревна, все здесь ценно, ведь все привозное. Но вот наш трюм почти очищен. Стрела подает на барьер связку тонких металлических труб. Принимаем трубы, цепляем всю связку, за трос. Трактор оттащит их от края барьера волоком.

Наш бригадир Желтовский стоит рядом со мной, в пуховой куртке, застегнутой на все пуговицы. Вот он поднимает руку в рукавице, делает знак трактористу: можно оттягивать трубы. Тракторист трогает, трубы заскользили, оставляя за собой ржавые полосы. Как это Желтовский может работать в пуховике? Мне и в обычном ватнике не холодно, а стоящим рядом матросам жарко. Один работает в брезентовой робе нараспашку, щеголяет своей

тельняшкой.

И опять есть несколько минут, чтобы осмотреться. Солнце скрылось на юге за ледяным куполом, и, хотя не уходит далеко и света достаточно, на океан, на лед ложатся длинные сиреневые тени. Антарктический полярный день на исходе. А в небе над морем чуть колеблется белесая, как под легким ветром, почти бесцветная бахрома. Полярное сияние! Я вижу его впервые. Думал, оно выглядит эффектнее.

И вдруг все сотрясает глухой гул. Прямо из-под самых моих ног рушится край барьера. Стоящий рядом бригадир Желтовский громко вскрикивает и мгновенно уходит вниз на огромной глыбе. Глыба на глазах разваливается, фигура его поворачивается и валится вниз головой. Обвалившаяся в воду масса тяжело ухает, вверх поднимаются брызги, смешанные со снежной пылью. Корабль отбрасывает в сторону. Расходятся крупные волны с крошевом снега и льда. На мгновение устанавливается тишина, словно заложило барабанные перепонки. Я стою один на самом краю барьера. Справа от соседей с третьего трюма раздается крик. Я поворачиваюсь. Еще мгновение назад там слышались веселые возгласы. А сейчас пусто. На тросе над морем свисают сани, а на их краю, зацепившись за угловую планку, болтается один человек — Роман Книжник. Сани тяжелые, трос не такой уж прочный, натянут, как струна, вот-вот лопнет. Я поднимаю руки, кричу. Тракторист, который находится метрах в восьмидесяти, недоуменно выглядывает из кабины: он еще не сообразил, что там у нас произошло. Но, увидев мои знаки, включает скорость. Сани медленно выползают на край барьера. Перекошенное лицо Книжника складывается в нелепую лыбку.

А внизу из хаоса ледяных обломков доносится голос Желтовского: «Алё, алё!» На небольшой льдине двое. Один лежит, уткнувшись в снег, другой бегает вокруг, машет руками, потом нагибается над лежащим.

Кто-то плывет саженками к кораблю. Ему сбрасывают с борта конец со спасательным кругом. Под самым обрывом на ледяной глыбе стоит еще один человек. Я узнаю Игоря Гончарова. Он сохраняет завидное хладнокровие. В воде плавают бочки, еще какие-то предметы. Сумерки, видно плохо. Где-то там, среди ледяных обломков, наш бригадир.

С палубы корабля крики, с мостика хриплый, срывающийя голос капитана: «Где шлюпки? Где шлюпки?» А шлюпок нет, моторы никак не заводятся.

«Алё, алё», — снова доносится слабеющий голос бригадира.

Мы стоим на краю барьера. И помочь ничем не можем. Не прыгнешь же туда вниз с пятнадцатиметровой высоты. А

прыгнешь — тебя же нужно будет спасать.

И от невозможности помочь находит какая-то странная апатия: Книжник сидит на санях и улыбается, остальные смотрят вниз.

Вдруг разносится сирена нашего катера «Пингвин». На нем гидрографы выполняют промерные работы. А сейчас, на счастье, он только что пришел из Мирного, стоял у борта «Лены». Катер на всех парах подходит к тонущим, одного за другим их втаскивают на борт.

Проходит еще какое-то время. Появляются шлюпки. На веслах идут вдоль ледяного обрыва. Смотрят, все ли подобраны? С корабля в рупор голос Олега Александровича Борщевского просит назвать фамилии тех, кто остался на барьере. Мы поочередно выкрикиваем. Проходит еще полчаса. Выясняется, что вместе с обвалившейся частью барьера в воду упали девять человек. Трое из нашей бригады, шестеро из соседней, с третьего трюма. Там к моменту обвала как раз загрузили сани трехсоткилограммовыми бочками.

И вот сообщают: все упавшие обнаружены и находятся на борту, но двое скончались — Николай Иванович Буромский и Евгений Кириллович Зыков.

Не сразу до сознания доходит вся нелепость и непоправимость происшедшего. Случившееся обрастает подробностями. У Жени Зыкова оказался перелом позвоночника. Смерть наступила мгновенно. Николая Буромского убило бочкой. Наш Желтовский получил повреждение таза, но уцелел, не потонул, говорят, благодаря своей куртке на гагачьем пуху. Она не сразу промокла и держала его на воде наподобие спасательного пояса. В тяжелом положении механик Иван Анисимов: у него сломано бедро и поврежден череп, он без сознания. У остальных состояние вполне удовлетворительное.

Последующие несколько дней словно слились в один и окрашены одним настроением: все подавлены. Решается вопрос о дальнейшей разгрузке. «Лена» продолжает стоять на прежнем месте, уткнувшись носом в злополучный барьер. Гляциологи из Мирного, осмотрев его, делают заключение: выгрузка здесь слишком опасна. Но разгружаться надо. Иначе нашим товарищам на зимовке придется туго.

Остается использовать шлюпки. Грузим баллоны с ацетиленом. По десятку в одну лодку. Перевезти таким образом нужно около тысячи штук. На мысе Хмары у Мирного выгружаемся на прибрежную скалу. Дальше идет крутой подъем к станции. Сюда мы и затаскиваем баллоны, стараясь не стукать их о камни.

В перерыве развели на скале небольшой костер из обломков деревянной тары. Стояли молча вокруг, завороженно глядя на огонь. К вечеру похолодало, усилился стоковый ветер. Начала переметать поземка. Барьер «задымил». Шлейфы снега протянулись от его края, как длинные распущенные волосы. Над морем ветер терял силу, снежинки оседали в темную воду.

На другой день приспособили к выгрузке понтоны. В трюмах осталось несколько сот бочек с горючим. «Пингвин» и моторные лодки буксируют груженые понтоны к небольшому скалистому острову близ Мирного. Берег острова низок, удобен для выгрузки. Настилаем доски и катим по ним бочки.

От грустных мыслей отвлекают пингвины. Их тут целая колония, подвижных пингвинов Адели. Забавные создания. Они то сидят, нахохлившись, то резвятся, ныряя в воду. Цепочкой спускаются к берегу, смешно плюхаются в воду. А через некоторое время ловко выпрыгивают обратно на скалы и направляются к насиженным местам.

На соседнем острове, всего в нескольких сотнях метров от нас, сооружают могилы. Они будут в скальных нишах. Тела погибших эти дни находились в нескольких километрах к югу от Мирного, на куполе, где царит вечный холод и откуда к нам вниз скатывается стоковый ветер.

...Вечером 12 февраля на острове состоялись похороны. Мы проходим мимо ниши, прикрытой нависающими скалами. Прощаемся с товарищами.

...На шлюпке идем обратно к кораблю вдоль края ледяного барьера. Ветер срывает пену с волн, окатывает холодными солеными брызгами. Я смотрю вокруг словно другими глазами. И чувствую — эти дни не забудутся. Они переломные в моей жизни, в моем характере. И еще чувствую — с Антарктидой у меня теперь связь тесная, кровная. Я уже не случайный здесь человек, я вернусь к этим далеким, ледяным берегам...»

С той поры прошло немало времени. Место, где произошел обвал, стали называть «Барьером Отважных», а на карте Антарктиды в числе прочих появились имена Зыкова и Буромского.

Десять лет спустя наша геологическая группа, входившая в состав двенадцатой антарктической экспедиции, возвращалась на маленьком Ан-2 — «Аннушке», как все называют этот легкий самолет, — с японской станции Сева домой, на Молодежную. Погода испортилась, началась пурга. Не мудрено, что мы потеряли из виду кромку берега, сбились с курса и неожиданно для себя... приземлились. Самолет ударился о поверхность льда лыжами и, немного прокатившись, застыл, осев на один бок.

Ледник в этом месте оказался на удивление гладким и пологим, словно специально подготовленный аэродром. А рядом были скалы, зияющие трещины. Все обошлось небольшой поломкой шасси, и через несколько часов, дождавшись улучшения погоды, мы добрались до базы. Эта счастливая для нас посадка произошла на полуострове Борщевского. И мысли вновь вернулись к той первой, особенно памятной экспедиции. Перед глазами возникла высокая худощавая фигура капитана первого ранга, начальника нашей экспедиции Олега Александровича Борщевского. Вспоминаю его серьезное, спокойное лицо, внимательные глаза, его неторопливую, выразительную манеру говорить.

Олег Александрович был справедливым руководителем и сердечным человеком. В экспедиции он пользовался всеобщим уважением, а мы, ребята, готовы были за него в огонь и в воду... Всегда заботясь о подчиненных, он был необычайно скромен, когда речь шла о его интересах.

Имя его увековечила карта Антарктиды.

Однако далеко не всегда авиационные инциденты кончаются здесь столь благополучно. Памятна авария при взлете Ил-14 на Молодежной 2 января 1979 г. Начальник советской антарктической экспепиции Евгений Сергеевич Короткевич и несколько других пассажиров чудом уцелели, но экипаж самолета погиб.

И наконец, недавно, 28 ноября 1979 г., на склоне антарктического вулкана Эребус разбился новозеландский пассажирский самолет с туристами. Общее число погибших — 257 человек. Ни одному из бывших на борту не удалось спастись. Это была самая крупная катастрофа в Антарктиде. Но иной раз беда настигает не в воздухе, не в море, не на леднике, а в собственном доме: «В ночь на 3 августа 1960 г. в советской обсерватории Мирный при исполнении служебного долга во время пожара, возникшего при ураганном ветре, погибли: О. Г. Кричак, А. М. Белоликов, И. Д. Попов, В. И. Самушков, А. З. Смирнов, А. Л. Дергач, О. Костка (ЧССР), Г. Попп (ГДР)». Это строки официального информационного сообщения.

Пожар возник в занесенном пургой подснежном домике метеорологов, когда все спали. Дежуривший на электростанции механик, заметив неисправность в системе, дозвонился до метеодома. К телефону подошел начальник отряда Оскар Григорьевич Кричак, но успел вымолвить только одно слово: «Горим».

Когда по тревоге сбежались люди, было уже поздно. Пламя вырывалось оттуда, где был вход в подснежное жилище.

Именно после этого случая на наших станциях стали

возводиться дома новой конструкции — на сваях. Им не страшны снежные заносы.

...На острове, где хоронят погибших, я давно не был. Слышал от опытного полярника Василия Сидорова, что сейчас там покоится 28 человек. Сидоров, рассказывая новичкам об «острове вечной зимовки», назвал многие славные имена. И те, кому еще только предстояла встреча с Антарктидой, узнали о выдающемся метеорологе, обаятельном человеке, руководителе музыкального ансамбля «Сосулька» на зимовке в Мирном Оскаре Кричаке и семерых его товарищах, узнали о комсомольце Иване Хмаре, ушедшем под лед вместе с трактором, аэрологе Николае Чугунове, гляциологе Валерии Судакове и других полярниках, навсегда оставшихся на этом острове.

Их имена теперь на карте Антарктиды.

Всякое случается в экспедиции, особенно такой сложной, как антарктическая. Экспедиции всех стран потеряли тут немало своих участников. Почти никто не умирал здесь своей смертью. Всего предвидеть не удается. Иногда и сознательно приходится идти на риск.

К счастью, не все имена на карте Антарктиды — реквием о безвременно ушедших. Это и здравица в честь ныне живущих.

Ледник Авсюка, бухта Шумского — названия, данные англичанами в честь известных советских гляциологов. Американцы и англичане присвоили ряду географических объектов имена многих наших соотечественников, работавших в их экспедициях. Так появились ледники Астапенко, Астахова, Евтеева, Зотикова, Расторгуева, утес Климова, хребты Грикурова, Тараканова и т. д.

Бельгийцы назвали одну из возвышенностей в горах Бельжика в честь нашего летчика В. Перова, который нашел и спас бельгийских полярников, потерпевших бедствие в Кристальных горах на Земле Королевы Мод.

Почти каждое новое издание антарктических карт обогащается новыми названиями, так как географические открытия на южнополярном континенте продолжаются.

Имена на карте Антарктиды — память о мужественных и целеустремленных, упорных и стойких, тех, кто шел в неизвестное, чтобы сделать его известным.

ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ НА МАТЕРИК

С 9 часов утра на юге по горизонту показался яркий блеск...

Фаддей Беллинсгаузен

Дизель-электроход «Михаил Сомов» совсем близко. Хотя судна еще не видно, с ним установлена прямая связь но радиотелефону. Пока же, воспользовавшись благоприятной ледовой обстановкой — вблизи ни одного айсберга — механики остановили двигатели и затеяли профилактический ремонт.

Ветра почти не было, в разрывах облаков проглянуло солнце. Все высыпали на палубу; были тут и свободные от вахты девушки. Девчата с любопытством глядели на плавающих у борта пингвинов Адели. Как только поблизости показались плавники двух небольших китов, пингвины как пробки вылетели из воды и плюхнулись с размаху на льдину. Плавники принадлежали касаткам, которые всегда не прочь закусить пингвинами.

Радист включил веселую музыку, но глаза девушек были грустными: за время долгого плавания вопреки стараниям пассажирского помощника многие сдружились с полярниками. А вскоре предстояло расставание.

Наши вещи уже подготовлены для выгрузки на континент. Мне нужен был хороший ящик, и я рискнул обратиться с этим к старпому. Он, обычно суровый и строгий, самолично спустился в трюм и вытащил красный завинчивающийся бачок из металла. Хотя я не знал толком, как мне его употребить, поступок его растрогал меня до крайности. В довершение всего старпом вручил мне на прощание календарь с изображением японских девушек. Я давно подозревал, что под его суровой внешностью скрывается добрая отзывчивая душа.

И вот из-за горизонта показались мачты «Михаила Сомова». Это научно-экспедиционное судно построено специально для плавания во льдах. С именем М. М. Сомова связано начало советских южнополярных исследований. Еще недавно Михаил Михайлович (Мих-Мих, как его называли товарищи) сам работал в Антарктиде. Мне особенно запомнилась встреча с ним в первом антарктическом поселке — Мирном. Мы, новички, высадившись с дизель-электрохода «Лена», осматривали зимовку, знакомились с

бородатыми полярниками — первыми советскими людьми, перезимовавшими в Антарктиде, и с особым уважением взирали на начальника зимовки, тогда уже знаменитого полярного исследователя, приветливого интеллигентного человека.

В памяти еще живы наши первые южнополярные экспедиции, а уже прошли юбилейные даты. 5 января 1981 года исполнилось 25 лет с тех пор, как первые советские люди ступили на берег Антарктиды, а 13 февраля — как был поднят красный флаг в Мирном. Четверть века с начала советских исследований в Антарктиде!

История пребывания человека на шестом континенте не насчитывает и одного столетия. Ее целиком вмещает наш XX век. Ко всем многочисленным названиям, которыми наградило его человечество, можно присовокупить еще одно — век освоения Антарктиды.

С начала столетия до 1946 года на всем Антарктическом материке одновременно действовали, да и то с перерывами, одна-две, редко до четырех научных станций, где зимовали от 6 до 65 человек. Затем число станций резко возросло, достигнув в период Международного геофизического года (1957—1958 гг.) 44, включая станции на субантарктических островах к югу от 60 градусов южной широты.

В последующие годы количество научных баз в Антарктиде почти не менялось, но сами станции, как правило, благоустраивались и расширялись. Зимовочный коллектив только советской антарктической экспедиции увеличился почти до трехсот человек. Больше половины наших полярников зимуют в аэрометеорологическом центре — Молодежной и в обсерватории Мирный. На остальных станциях: Востоке, Новолазаревской, Ленинградской, Беллинсгаузене, Русской — в среднем по двадцать человек на каждой. Крупнейшая зарубежная станция — американская Мак-Мердо. Число зимовщиков на ней в отдельные годы достигало двухсот, но сейчас снизилось более чем наполовину.

В последнее десятилетие «население» шестого материка продолжало быстро расти. К 1981 году в Антарктиде перезимовало почти 20 тысяч человек. Зимовка длится чаще всего год и лишь на некоторых зарубежных станциях два года подряд. Каждая зимовка не малое испытание не только для самих полярников, но и для тех, кто ждет их возвращения на Большой Земле.

Особенно людно на шестом континенте летом, когда приходят экспедиционные суда, прилетают самолеты. Сменяются экспедиции, работают многочисленные сезонные партии ученых.

Как раз сейчас наступает такой период. В это время «население» Антарктиды возрастает до нескольких тысяч человек.

... «Михаил Сомов» подошел совсем близко. По сравнению с нашим это внушительное рабочее судно. Вся палуба уставлена грузами: контейнеры, фюзеляжи самолетов, огромные ярко-красные снегоходы. Это наши знаменитые «харьковчанки», на которых исследователи совершают далекие маршруты по ледяным просторам континента. Ведь жизнь полярных исследователей в наше время отличается большой мобильностью. Полярные станции — это оазисы в ледяной пустыне, разделенные гигантскими пространствами. Изучать же необходимо всю территорию. В летний полевой сезон ученые совершают дальние походы, ведут исследования в самых различных точках материка.

... Теперь уже без бинокля можно было разглядеть тех, кто с таким же вниманием разглядывал нас с «Михаила Сомова». Многие узнавали товарищей, кричали, размахивали шапками. Капитан «Михаила Сомова» передал по радиотелефону приглашение швартоваться к его борту. Швартовка борт о борт — дело деликатное. Если дизель-электроход в данном случае особенно ничем не рисковал, то наше элегантное судно могло набить «синяки и шишки». Тем более что суда покачивались на легкой зыби. И немудрено, что наш осмотрительный капитан отнесся к этому предложению без энтузиазма, предложив прибегнуть к испытанному средству — шлюпкам. Конечно, это более хлопотно, займет больше времени, зато бортовая обшивка не пострадает.

С первой же шлюпкой с «Сомова» прибыла представительная делегация уточнить детали нашей проводки сквозь ледовый пояс. Среди прибывших мой давний товарищ по экспедиции на Землю Королевы Мод — Боря. Собственно, сейчас его уже надо было бы называть по имени-отчеству: он первый помощник капитана. Но я зову его Борей и думаю, он на это не обижается. В своей среде полярники, в особенности принадлежащие к одному поколению, редко величают друг друга полным именем. В этом нет ничего особенного. На полярных станциях живут бок о бок, общаются на равных и какие после этого могут быть имена-отчества? Разве что после ссоры.

Борис приглашает меня в гости. Ему хочется показать место своей работы, да и мне не терпится побывать на «Михаиле Сомове» — судне, заменившем легендарную «Обь».

Мы спускаемся в шлюпку, куда грузят коробки с кинолентами, и через десять минут оказываемся на борту дизель-электрохода. Борис сразу ведет меня наверх, в свою каюту неподалеку от капитанской. Не обходится без накрытого стола.

Ничего не поделаешь: морская традиция встречать гостей. Подходят несколько человек из командного состава — коллеги Бориса.

Я всматриваюсь в своего старого товарища. Десять лет назад на Земле Королевы Мод, на станции Новолазаревской, мы прожили около месяца в одном домике, потом возвращались вместе на одном судне. О чем только тогда не переговорили! Обсуждали самые волнующие вопросы современности, строили планы на будущее.

Борис выглядит хорошо, по-прежнему сверкает лучезарной улыбкой. Новая морская должность ему к лицу, а тогда, на Новолазаревской, он изучал вариации магнитного поля Земли.

Конечно, мы вспоминаем тех, с кем работали, тогда в Антарктиде. Некоторые уже ушли из жизни — погибли, умерли от болезней. Сколько воды утекло! Как и положено, жизнь у каждого сложилась по-своему, судьбы развели многих в разные стороны, видеться приходится нечасто, однако время, проведенное в Антарктиде, вспоминается как одно из самых значительных событий в жизни.

Борис показывает мне дизель-электроход. Судно отличное, оснащено специальными лабораториями для морских исследований, для ученых созданы вполне комфортные условия. А все равно вспоминается «старушка» «Обь».

Когда я возвратился к себе на судно, сборы там были в самом разгаре. В Молодежной через день-другой должны были высадиться больше ста полярников. Все, кто сходил на берег, неузнаваемо изменились, посерьезнели, озабоченно укладывали свои вещи: баулы со специальной так называемой климатической одеждой, чемоданы, ящики с приборами. Многие мысленно уже были далеко на юге, где за поясом дрейфующих льдов и айсбергов находилась Антарктида. Для одних это была земля уже знакомая, другие знали о ней лишь понаслышке и представляли каждый по-своему.

Большинство антарктических станций создано в наиболее благоприятных местах — на прибрежных скалах и островах. Именно так расположены наши зимовки Молодежная, Мирный, Новолазаревская, Ленинградская, Русская, Беллинсгаузен; американские Мак-Мердо и Пальмер; австралийские Моусон, Кейси, Дейвис; японская Сева и другие. Сравнительно крупные участки скалистой суши по контрасту с окружающей ледяной пустыней называют оазисами. Они наиболее благоприятны для поселений. Станции, возведенные на скальном фундаменте, надежны, служат долгое время.

Другое дело — станции на шельфовых ледниках. Давно

покинуты норвежско-шведско-британская зимовка Модхейм (1949—1952 гг.), бельгийская Король Бодуэн (1958—1961 и 1964—1967 гг.), наша Лазарев (1959—1961 гг.), американские станции Литл-Америка на шельфовом леднике Росса, действовавшие с 1929 по 1958 г. Из более поздних надо назвать летние полевые базы советских ученых на шельфовых ледниках Эймери (1971—1974 гг.) и Фильхнера. Последняя из них, Дружная, где работают геологи, геофизики, картографы, была организована в сезон 1975—1976 гг. и будет вести исследования еще в течение ряда лет.

Несколько полярных поселков обосновалось в центральной части антарктического ледникового покрова. Это прежде всего станции на полюсах: на геомагнитном — наша Восток, на географическом — американская Амундсен-Скотт.

Природные условия резко различаются в центральной части материка и на побережье, на ледниках и в оазисах. Центральная Антарктида — район адского холода. Даже в летнее время среднемесячные температуры здесь порядка —36 . Правда, на станции Восток температура однажды поднялась почти до —13 , но подобная «жара» тут, пожалуй, еще большая редкость, чем проливной дождь в Сахаре. Зимой же температуры в Центральной Антарктиде держатся около —70 . Абсолютный минимум, зафиксированный у нас на Востоке, —88,3 . На станции Южный полюс у американцев чуть потеплее, там отмечались колебания температур от —14 до —79 .

Центральные районы Антарктиды самые холодные не только на южнополярном материке, но и на всей Земле. От центрального выхоложенного плато, поднимающегося до высоты 4000 метров, во все стороны идет постепенное повышение температур. Для центральной Антарктиды характерны слабые ветры, нередки штили. Тут выпадает минимум осадков — от 50 до 100 мм в год, то есть этот район является в полном смысле пустыней.

На побережье, где высоты невелики и сказывается отепляющее влияние моря, все по-иному. Так, в Мирном средняя месячная температура самого теплого летнего месяца (декабря) —2 , а самого холодного зимнего (июля) —18 . Но, хотя холода на берегу не столь резкие, здесь располагается полюс ветров, обычны ураганы. Ветер иной раз достигает скорости современного экспресса — 200 километров в час. Нелегко приспособиться к таким ураганам и вызываемым ими снежным заносам. Естественно, что конструктивные особенности антарктических построек, равно как и жизнь и быт полярников, сильно зависят от того, где расположена станция. На новой американской станции Амундсен-Скотт на Южном полюсе домики упрятаны под огромную сборную металлическую сферу, своего рода крышу. На

японской станции Сева дома соединены крытыми переходами. Австралийская станция Кейси похожа на изогнутую гусеницу — попытка архитектурно «вписаться» в неровности скального рельефа. Каждая страна вносит свой вклад, свой опыт в строительство антарктических баз.

Из прибрежных станций наша Молодежная самая большая, «столица Антарктиды», как ее иной раз называют. Большинство плывущих на теплоходе полярников останутся на ней работать. Наша же геолого-географическая группа сразу будет переброшена в горы самолетами.

...Вот уже сутки следуем мы в кильватере за «Михаилом Сомовым» по проложенной им «дорожке» среди льдин. Плавание во льдах, постоянное маневрирование среди ледовых полей удивительно интересны. Это совсем не то, что идти в открытом море по заданному курсу. Там утомляет однообразие. Тут же через считанные секунды капитану или его помощнику приходится отдавать команды рулевому. Весь день я провел на палубе, и мне стал понятен огонь, не погасающий в глазах старпома с тех пор, как наше судно вошло во льды. Несомненно, быть полярным капитаном — особое призвание! Здесь уже не приходится думать о кратчайшем расстоянии между двумя точками. Судно движется по извилистой линии, отыскивая проход в ледовом лабиринте. Иногда, как ни изворачиваются капитан и рулевой на «Сомове», разводья исчезают, судно попадает в тупик, вперед не пробиться.

Тогда наш караван останавливается. Идти напролом — не самое умное решение. Лучше выяснить, какова впереди ледовая обстановка. На корме у «Сомова» для этой цели есть вертолет. И Василий Евграфович, специалист по морским льдам, уже снарядился на ледовую разведку. Но может быть, удастся обойтись советом гидрологов из Молодежной, там регулярно принимают космические фотоснимки со спутника.

Под вечер низкое полярное солнце золотит неровную поверхность льдин, от торосов ложатся синие тени. Вблизи нашего борта стоит, влюбленно глядя друг на друга, парочка императорских пингвинов, невдалеке от них разлегся тюлень. Здешних аборигенов нисколько не заботит, что мы торопимся в Антарктиду.

Ганс, обвешанный фотоаппаратами, «отстреливает» фоторужьем первые в своей жизни снимки пингвинов. На кормовой палубе собрались поляки. Самый старший из них, кинорежиссер Ежи, всегда спокойный и уравновешенный, ведет себя на этот раз на редкость странно. В его руках сверкающая труба — любимый инструмент пассажирского помощника.

Повернувшись лицом к солнцу, он извлекает из нее медленную грустную мелодию. Я с беспокойством слежу за ним.

— У Ежи сегодня день рождения, а радиограммы из дома нет, — отвечает на мой недоуменный взгляд его товарищ, биолог Анджей.

На верхней палубе у дальномера трудится Василий Евграфович. Пока решается вопрос о ледовой разведке, он замерят дрейф ближайшего, похожего на верблюда айсберга, который словно магнитом притягивается к нашему судну.

Доктор упаковывает в каюте медикаменты. Все заняты последними приготовлениями. Геофизик, знаток морских слонов, совсем взмок, перетаскивая на палубу свои многочисленные ящики с оборудованием. Только пассажирский помощник отдыхает: ему предстоящий заход в Антарктиду не сулит особых хлопот.

Наконец получены рекомендации из Молодежной. Ветер изменился, во льдах появились разводья, ледовая обстановка явно улучшается. Космические снимки показывают: чистая вода всего в нескольких десятках километров к югу от нас. И вот мы снова в движении.

Нередко на пути встают причудливые ледяные горы, по сравнению с которыми наши суда выглядят детскими корабликами, и мы торопливо проскальзываем мимо, любуясь ультрамариновыми нишами в основании айсбергов.

После ужина все собрались в кают-компании. Это был прощальный вечер. Ганс показал нам слайды Берлина, семейные фотографии. Геофизик сел за пианино и с чувством заиграл аргентинское танго, поглядывая на собравшихся в уголке девушек. Потом вместе с пассажирским помощником спел «Подмосковные вечера». В корабельной обстановке перед высадкой на ледяной континент они звучали совсем по-особенному. Геофизик, тряхнув несуществующими кудрями, заиграл вальс, и наши летчики —парни отважные, не боящиеся рисковать, решились пригласить дам на танцы. Даже пассажирский помощник ничего не мог возразить против этого прощального антарктического вальса, а, наоборот, поощряюще улыбался.

Когда после вечера я поднялся на мостик, то удивился — над водой стоял густой туман, видимость не больше двух кабельтовых. Мы идем в кильватере за «Сомовым». Корма его едва угадывается в тумане, зато на воде отчетливо виден тянущийся за ней след.

Старпом, припав к смотровому окну, дает команды рулевому: «След не теряй, на него не ходи, оставляй чуть правее».

Из тумана внезапно выползают льдинки, обломки айсбергов; приходится лавировать. Следуют команды: «Влево полборта. Одерживай. Право на борт. Прямо руль». И после минутной паузы: «Влево не ходить». И очевидно, еще для большей острастки: «Ни грамма влево!»

Корма «Сомова» пропадает, теряется в густом тумане. Старпом снимает трубку радиотелефона (между судами поддерживается постоянная связь), просит зажечь кормовые огни. С «Сомова» тоже порой звонят, предупреждают об опасностях: тяжелая льдина слева по борту, айсберг справа. Туман продержался всю ночь, а утром мы внезапно вынырнули на простор.

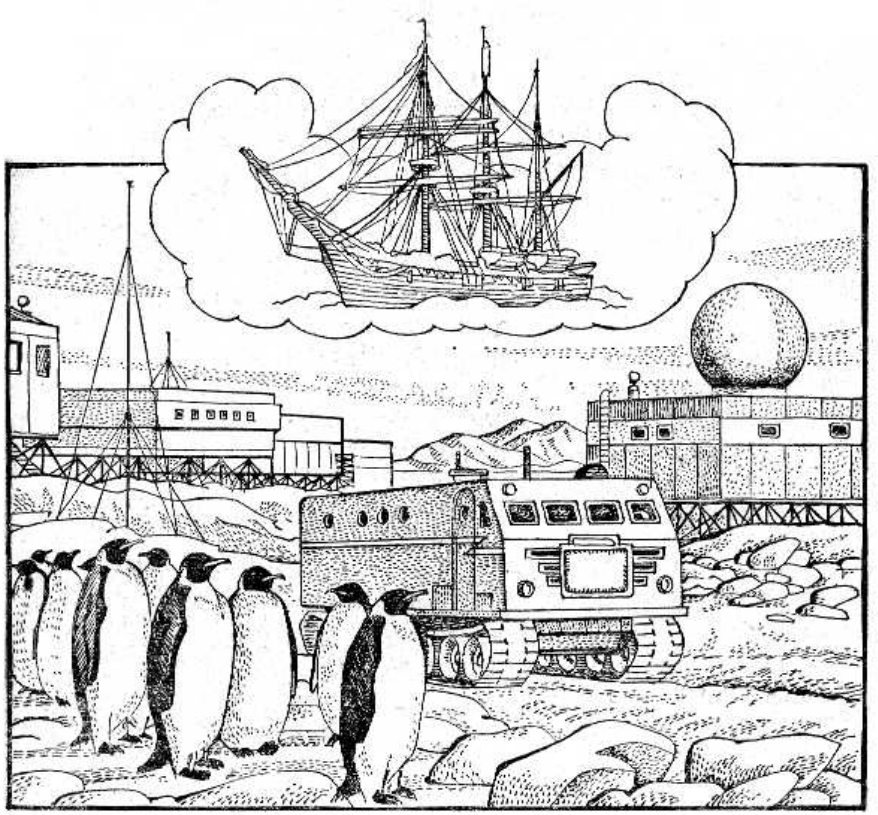
Пояс дрейфующих льдов и айсбергов. Там, где над горизонтом разлито золотое сияние, находится Антарктида.

Перед нами поля ровного морского льда — береговой припай. Дальше на юге горела яркая желтоватая полоса. По прошлым экспедициям я знал: это сверкает под лучами солнца Антарктида.

Глава шестая
ОАЗИС В ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕ

Молодежная, сов. полярная станция в одноименном оазисе зап. части Земли Эндерби в Вост. Антарктиде. Работает с 1963 (с 1971 гл. база сов. антарктич. экспедиций).

СЭС



ЛЮБО-ДОРОГО

Антарктида не ложе из роз, но
она и не самое твердое ложе в мире.

Ричард Бэрд

Ан-2, загруженный брикетами мороженого мяса из судовых холодильников, взял курс на Молодежную. Летчики без лишних слов прихватили меня с собой. Решение лететь пришло внезапно после разговора с Феликсом, старым товарищем по антарктическим экспедициям, только что прилетевшим к нам на судно после зимовки на Молодежной.

— Ты не узнаешь теперь станцию, — сказал он. — Ты же ее лет пять не видел. Многое изменилось. Сейчас смотреть любо-дорого!

Феликс, аэролог по профессии, отзимовал в Антарктиде в пятый раз. Последние годы я его видел редко. Встречались от Антарктиды до Антарктиды. И всегда он помнился мне жизнерадостным, пышущим здоровьем, созданным для суровых полярных зимовок. А сейчас меня поразили его запавшие глаза с темными обводами, резко похудевшее лицо. Тем не менее во всем его облике чувствовалось что-то несолидное, мальчишеское. Эта своего рода инфантильность отличала и многих других зимовщиков. Я разделяю довольно распространенное мнение, что длительное пребывание в Антарктиде, несмотря на суровые условия, по-своему «молодит» или, по выражению одного из полярников, «консервирует».

Еще в период Международного геофизического года один из руководителей американской экспедиции заметил, что год зимовки в Антарктиде делает человека в одно и то же время старше и моложе на несколько лет. «Возможно, это высказывание, кажущееся парадоксальным, справедливо», — думал я, вглядываясь в лицо Феликса.

Как часто бывает после долгой разлуки и первых шумных приветствий, разговор не ладился.

— Ну что, годик отдохнешь — и опять в Антарктиду? — сказал я, хлопая Феликса по плечу.

— Нет, это последний раз, — отрезал Феликс.

Я знал, что сразу после зимовки обычно все так говорят. А

потом проходит год, другой — и снова начинают собираться в дальнюю дорогу. Зимовщики в этом отношении народ «испорченный». Однако в голосе Феликса чувствовалась непреклонная решительность. Впрочем, его можно было понять: он провел здесь пять зимовок, и некоторые из них по полтора года.

— А ты на сезон, конечно? — снисходительно осведомился Феликс (зимовщики всегда несколько свысока относятся к участникам летних сезонных работ).

Я кивнул.

— Ну правильно, зимой геологам здесь делать нечего, — согласился он. —Темень да пурга. Это нашему брату подавай круглогодичные наблюдения, замкнутый цикл... Опять на Королеву Мод?

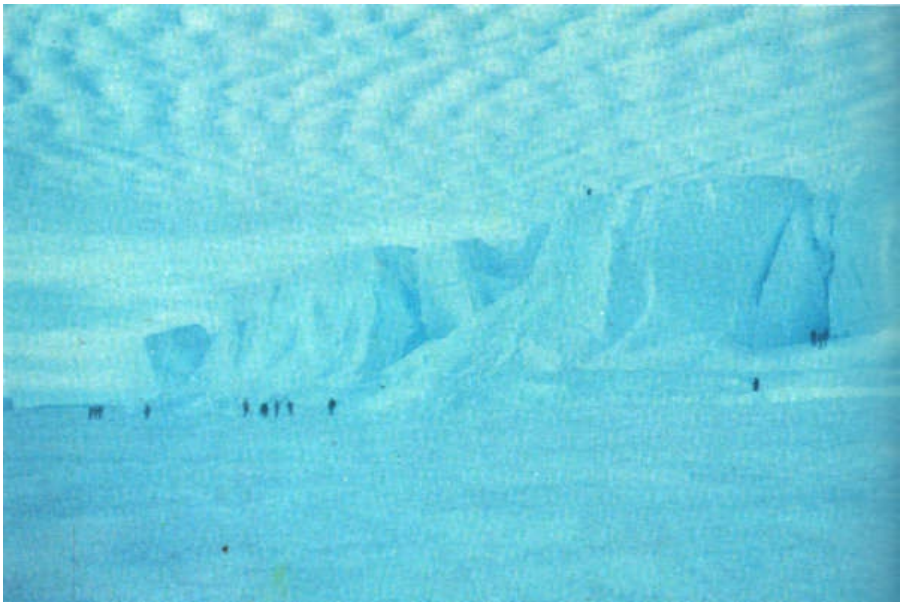
— Нет, теперь в горы Принца Чарлза.

— Это хорошо, разнообразие как-никак. Ну, а я последний раз, — повторил Феликс. — Надо наладить жизнь дома. Отец— старик, дочь старшая высшее образование заканчивает. Помнишь, в двенадцатой экспедиции я тебе о ней рассказывал? Она в институт поступала. Радиограммы тогда часто от нее получал. А сейчас что-то писать перестала... — И, меняя, очевидно, грустную для себя тему, продолжал: — Нет, надо тебе посмотреть Молодежную. Слетай туда прямо завтра, пораньше. Погляди не спеша и возвращайся. А то станут вас перебрасывать в горы, будет не до того. Погода стоит летная, доставят прямо на аэродром, погрузят в Ил-14, и до свидания... Не узнаешь теперь станцию, — снова повторил Феликс. — Вырос поселок. Аэрометеорологическим центром теперь называется. Я так считаю — столица Антартиды. С американским Мак-Мердо теперь смело можем конкурировать. Любо-дорого!

— Сколько вас всего отзимовало?

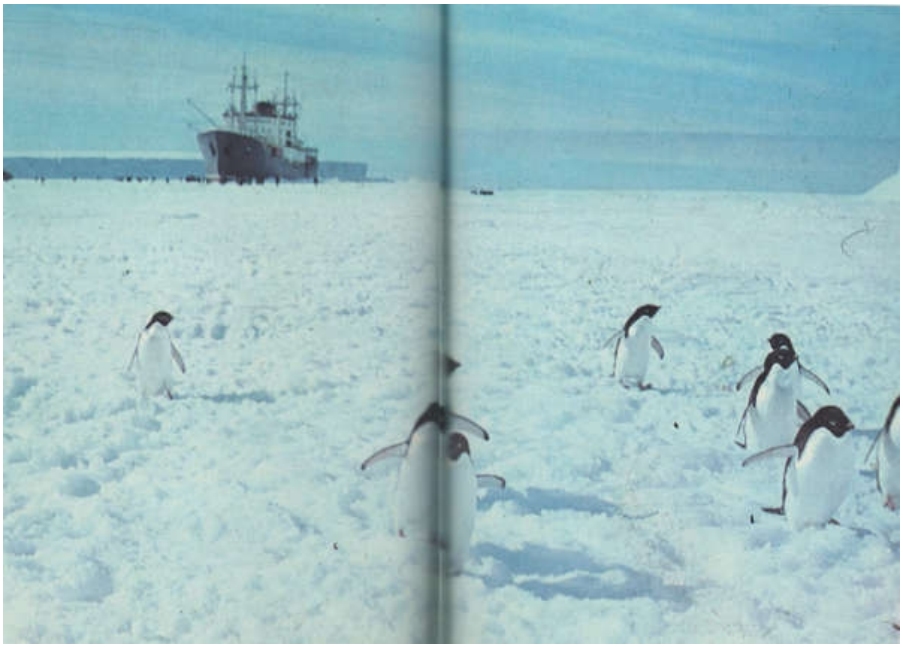
— Сто девятнадцать, почти в два раза больше, чем пять лет назад, когда ты тут работал. Один строительный отяд — 44 человека. Гараж теплый отгрохали, поликлинику, радиоцентр новый. Метеоракеты теперь еженедельно пускаем. Слетай на станцию, очень советую! Иди прямо к етчикам, договорись, дело найди себе на станции, убеди, если что, горлом бери. Торопись, а то день-другой — разгрузка закончится...

Дело у меня нашлось: достать на станции анероид. В горах — без него никак не обойтись. А «брать горлом» не пришлось, летчики оказались покладистыми. Отработав днем на разгрузке, я решил лететь ночью: в это время толкучки у самолетов не было. Слегка подмораживало, и, пользуясь этим, перевозили скоропортящиеся продукты — днем сильно грело солнце.



Подходы к Антарктиде часто преграждает прочный береговой лед — припай, образовавшийся за зиму. Иной раз он тянется на десятки километров. У кромки припая швартуются экспедиционные суда.

Это первая возможность сойти на лед, пройтись до ближайшего айсберга, познакомиться с пингвинами или... сыграть в футбол.



Пингвины Адели обычно первыми встречают полярников.

Наше судно стояло рядом с «Сомовым» у кромки припая, почти в сотне километров от Молодежной. Дальше не пускал мощный береговой лед. На разгрузке круглосуточно работала пара «Аннушек» и два мощных турбовинтовых вертолета Ми-8, забиравших в один рейс до четырех тонн груза. Негабаритные огромные контейнеры и ящики они таскали целиком на подвеске. Раньше подобные грузы возили на станцию тягачами на санях; то был долгий и рискованный путь по протаивающему морскому льду.

При благоприятном прогнозе погоды с судна выгружают самолеты, вертолеты, начинаются полеты на материк.

До Молодежной меньше получаса лёта. Я устроился у иллюминатора. Внизу бежала ровная скатерть припая. Эту монотонность нарушали у разводьев выползшие на лед тюлени, похожие сверху на запятые. Порой под крылом проплывали громады айсбергов, отбрасывающие длинные глубокие тени. И вот показался берег материка — плавно повышающегося к югу купола. Над ним, почти касаясь его поверхности, висело холодное ночное солнце. Оно сейчас круглые сутки не заходило, стояла вторая половина декабря — самый разгар антарктического лета.

Я вспомнил, как несколько лет назад летел на Молодежную вместе с чехом Пепиком на мешках с картошкой, и «Аннушка» была так набита, что к иллюминаторам было не подобраться. Сейчас же на брикетах мяса можно комфортабельно устроиться, хотя снизу заметно подмораживало.

Пора бы уже появиться Молодежной. Я поднялся и просунул голову в кабину летчиков. Действительно, впереди у берега вытянулась знакомая цепочка коричневых сопок. Домиков пока не

было видно, но вот вдали сверкнули серебристые баки с горючим, и я увидел станцию. Самолет стал заходить на посадку.

На аэродроме нас встретила разгрузочная бригада. Брикеты мяса быстро побросали на волокушу, и трактор потянул продовольствие на склад. Я же, захватив рюкзак, пошел прямо через сопки на станцию. На минуту я почувствовал себя в роли туриста, выехавшего за город на выходной.

Что же, в Арктику уже совершаются туристские плавания! Туристы высаживались даже на Земле Франца-Иосифа, под 80 градусов северной широты. А наша Молодежная расположена гораздо ближе к экватору, у Южного полярного круга. Правда, здесь нет белых медведей, зато есть пингвины. Они не боятся людей, рядом с ними можно фотографироваться сколько душе угодно.

Некоторые страны уже начали показывать Антарктиду своим туристам. На нашу станцию Беллинсгаузен нередко заходят туристские суда. Эти поездки особенно привлекают дам солидного возраста. Встречи с туристами интересны и для зимовщиков. Вносят разнообразие в размеренный ход их жизни. Тем более что гости иной раз бывают любопытные. У зимовщиков Беллинсгаузена была, например, вдова Хемингуэя.

Я взобрался на сопку, господствующую над станцией. Несколько лет назад здесь было пусто — голая скала с оглаженной вершиной, так называемый «бараний лоб», а теперь там стояли два домика на сваях. На крыше одного из них я увидел красивый разноцветный шар метра в три диаметром, похожий на гигантский апельсин, каждая долька которого была окрашена в свой цвет. Назначения сферы я не знал и спросить было не у кого: в домиках еще спали.

Взглянув вниз, я наконец увидел Молодежную.

ВЕСЕЛЫЙ ПОСЕЛОК

Феликс оказался прав: станцию было не узнать, здесь действительно произошли большие перемены. Прежде всего радовал глаз праздничный вид поселка. Достигалось это яркой веселой раскраской домиков — красной, голубой, синей, желтой, зеленой. Эти цвета сочетались самым разнообразным образом, но чаще вдоль стены шли три цветные горизонтальные полосы, которые в свою очередь были составлены из разноцветных квадратов.

Станция Молодежная — центр центр советских исследований в Антарктике. На заснеженных скалах вырос благоустроенный поселок полярников.

Раньше о внешнем виде антарктических домов так не хлопотали, заботились лишь о том, чтобы внутри было тепло и уютно. Теперь же даже самый заядлый скептик, привыкший обращать внимание прежде всего на недостатки, не смог бы сдержать возгласа удивления, увидев здесь, в Антарктиде, такой пестрый поселок. Впечатление усиливалось необычной конструкцией домиков, стоящих на сваях. Ведь дома такие встретишь нечасто. Их строят обычно или в болотистых

местностях, или на мерзлых грунтах, как, например, у нас на Севере, в Сибири. А здесь, в Антарктиде, дома ставят на сваи, чтобы их не заносило снегом.

В таких домиках на сваях удобно жить: их не заносят метели.

С высоты холма я насчитал около двух десятков домов на сваях. Основная их часть находилась в центре поселка, так сказать, на его главной улице, остальные — на сопках, в отдалении. Поселок раскинулся весьма привольно — километра на полтора в длину, а если в его пределы включить бензохранилище, то и на добрых три километра.

Нигде не было видно ни одного человека. Я взглянул на часы — было около шести утра. Сейчас самый сон. Днем шла передача станции новой смене, было много хлопот, впечатлений от встреч со «свежими» людьми, от писем и посылок, доставленных кораблем. Словом, легли поздно и, конечно, будут спать до самого завтрака. «Что же, пока будить никого не буду, пройдусь по поселку, пофотографирую», — решил я и начал спускаться с сопки.

Да, экспедиция теперь большая, размышлял я, едва ли не самая крупная в стране. Во всяком случае по удаленности района работ и сложности их она может уступить только космическим экспедициям. Изучение Антарктиды во многом напоминает космические исследования — тот же дух сотрудничества, те же объединенные усилия исследователей разных стран.

Все идет к тому, что, пожалуй, быстрее, чем ожидалось, Антарктида войдет в число обжитых материков и по образу жизни не будет столь резко отличаться от остальных своих собратьев. Уже выдвигаются проекты разработки полезных ископаемых, и, конечно, вот-вот потеряет Антарктида право называться мужским материком. И так уже женщины работают на белом континенте, но пока это все же исключение. В Антарктиде ведут работы разные ведомства. Кроме ученых здесь немало строителей, инженеров, техников. Эксплуатация хозяйства Молодежной не простое дело. Скоро для бухгалтерских расчетов в пору будет использовать электронно-вычислительную машину, которая уже действует на станции.

Чуть в стороне, на склоне, слышались голоса, пыхтел трактор. Я завернул туда. Здесь перед дверью, ведущей в тело сопки, стояла знакомая волокуша с брикетами мяса. Скалы Антарктиды прогреваются летом только с поверхности и не более чем на один-два метра, в глубине же господствуют постоянные отрицательные температуры. Зимовщики учли это и вырубили в скале с помощью взрывчатки небольшой туннель, именуемый теперь холодным складом. Над входом неизвестным художником была нарисована пальма, а под ней — здоровенная обезьяна, ударяющая огромным кулачищем по носу любопытного барбоса: дескать, не суй нос куда не надо. На назидательный рисунок, однако, не полагались, и на дверь был навешен тяжелый замок.

Я спустился с сопки и вышел на главную улицу поселка. Она была почти свободна от снега. Кое-где стояли лужи, но вокруг кают-компании совсем подсохло. Летом снег сходит здесь быстро, частично стаивает на солнце, нагревающем поверхность скал до +20 градусов и выше, частично испаряется. Антарктида по климатическим показателям — засушливая холодная пустыня. К тому же за зиму вокруг свайных построек больших сугробов не образуется. Ветер, имеющий здесь устойчивое юго-восточное направление, проносит потоки снега под домиками, сбрасывая снежные массы к подножию сопок, на морской лед. Только около аэрологических павильонов и бани — старых домов, поставленных прямо на грунт, накапливаются сугробы, и летом их расчищают бульдозером.

Рядом с кают-компанией — волейбольная площадка с новенькой, аккуратно натянутой сеткой. Площадка ухоженная, без валунов, и при желании на ней хоть сейчас можно было играть. Играть в Антарктиде в волейбол? На первый взгляд это кажется совершенно фантастическим. Хотя почему же, что в этом особенного? В футбол здесь играют, и давно, правда на снегу. Увлекались им еще участники знаменитой экспедиции капитана

Роберта Фолькона Скотта. В его дневнике есть любопытные записи по этому поводу, датированные маем 1911 года: «Сегодня мы в первый раз играли в футбол. Появившийся с юга ветер помог моей команде забить три гола»; «...опять играли в футбол. Чудесный моцион, от которого мы великолепно согреваемся» и т. д.

И я не мог не вспомнить матчи, в которых мне приходилось участвовать. В 1967 году состоялся международный матч на бельгийской станции Король Бодуэн. Стадион — поверхность шельфового ледника. Судья — наш чехословацкий коллега Пепик. Бельгийцы — крепкие ребята, «застоявшиеся» после долгой зимовки. В трудной борьбе мы победили со счетом 3:2. А сколько раз в свободные минуты мы «стукали» у корабля на припае или у самолета. Командир одной из «Аннушек», Виктор Голованов, был заядлым футболистом и повсюду возил с собой футбольный мяч.

Однажды, это было в декабре 1966 года, возвращаясь на самолете Голованова с японской станции Сева на Молодежную, мы потерпели аварию. Была пурга, при вынужденной посадке поломался задний лыжонок. Мы не знали точно, где приземлились. Чтобы что-то предпринять, нужно было ждать улучшения погоды. Бесцельно толкаясь подле самолета, мы, признаться, немного приуныли. В этот момент из «Аннушки» выпрыгнул Виктор с мячом... и душевное равновесие тотчас восстановилось. Так что футбол в Антарктиде, можно сказать, имеет свою историю и, несомненно, не противопоказан полярникам.

За футболом, конечно, придут другие виды спорта, а с увеличением населения Антарктиды, глядишь, начнутся спартакиады, появятся первые рекорды этого континента. Кстати, население Антарктиды уже сейчас немалое (хотя постоянных жителей здесь нет). Ежегодно на ледяном континенте зимуют тысячи человек. Только на наших советских семи станциях более трехсот полярников. А летом вместе с сезонниками — моряками, летчиками, геологами количество полярников возрастает в несколько раз. В этот период антарктические зимовки перенаселены.

Тем не менее круг зимовщиков расширяется медленно. Редко кто зимует здесь по одному разу. Как правило, через два-три года, а то и с годовым интервалом сюда снова возвращаются. У многих это становится своего рода призванием. И получается, что такой профессиональный зимовщик прописан, скажем, в Ленинграде или Москве, а живет фактически в Антарктиде.

Исследование полярных областей Земли стало для многих профессией. В различных странах созданы специализированные

полярные институты. У нас в Советском Союзе это Арктический и Антарктический институт Государственного комитета гидрометеорологии и контроля природной среды. Исследованием полярных районов занимаются также некоторые институты Академии наук, учреждения Министерства геологии, Главного управления геодезии, картографии и аэрофотосъемки и т. д. Специалисты всех этих ведомств — метеорологи и гляциологи, геологи и геофизики, топографы, гидрологи, биологи — составляют научный костяк антарктических экспедиций.

В последние годы в связи с организацией на Молодежной станции ракетного зондирования атмосферы, а также с приемом информации со спутников и пуском электронно-вычислительной машины Минск-32 круг специалистов расширился. И конечно, не следует забывать вспомогательный персонал, без участия которого не обходится работа ни одной антарктической экспедиции: механиков, летчиков, моряков, строителей, радистов, врачей, поваров и т. д.

Теперь в составе нашей экспедиции кроме ленинградцев и москвичей можно встретить уроженцев Прибалтики, Европейского Севера, Сибири и Средней Азии. Непременные участники советской экспедиции — специалисты из социалистических стран, чаще всего из ГДР и Чехословакии, а также американские ученые. В составе наших экспедиций в разные годы находились представители Австралии, Англии, Аргентины, Индии, Франции, Японии. В свою очередь и наши ученые вели исследования в составе антарктических экспедиций США, Англии, Аргентины. Международный геофизический год ознаменовал начало нового этапа в объединенном изучении южнополярного материка.

Около здания кают-компании расчищена волейбольная площадка.

Я сфотографировал волейбольную площадку, и тут мое внимание привлекла... корова. Большая белая корова была нарисована во всю стену деревянного сарайчика, пристроенного к кают-компании. Что она символизировала — судить было трудно, но в картине чувствовалась уверенная рука художника. Но почему корова? Крупный рогатый скот в Антарктиде пока еще не разводят. Были здесь пони, еще в экспедиции первоисследователя материка — Роберта Скотта. Их пытались использовать как транспортное средство, но неудачно: пони глубоко проваливались в снег. Первые наши экспедиции завозили свиней, но сейчас и от этого отказались: много хлопот, пока довезешь — замучаешься, корабль замусоришь. А коров живых не было и, судя по всему, не будет — с кормами здесь плоховато.

Я сфотографировал корову и заметил, что на меня с крыльца одного из домов насмешливо смотрит зимовщик — борода лопатой, как у нашего доктора.

Я придал лицу озабоченное выражение, поздоровался и спросил, когда на станции завтракают.

— В восемь часов, — ответил зимовщик и поинтересовался в свою очередь: — На зимовку?

— Нет, на сезон, с геологами.

— Откуда будете?

— Из Москвы.

— Ну что там у вас новенького?

— Да вроде все по-старому.

После этого содержательного разговора зимовщик, указывая на корову, добавил:

— Если живописью интересуетесь, то тут у нас на аэрологическом павильоне еще дама нарисована.

Я поблагодарил за ценную информацию, но решил осмотреть эту картину после завтрака. Сначала нужно было достать анероид, который, по словам Феликса, имелся у его знакомого, Михаила, мастера по метеоракетам.

«На завтраке я его и найду», решил я и повернул к кают-компании.

Здание кают-компании, оно же и столовая, кинозал, библиотека и т. д., было старенькое, построенное сразу же после основания станции. Рассчитано оно было человек на сто, не более. Его, правда, несколько расширили, но сейчас во время смены полярников, когда надо было обслуживать человек триста, оно снова оказалось тесным.

Над входом в кают-компанию укреплены на флагштоках три флага: Советского Союза, ГДР и Польши. Ученые ГДР и Польши — геологи и биологи — находились сейчас на станции.

Антарктида, как известно, континент дружбы и мира. Здесь полярники разных стран всегда готовы прийти на помощь друг другу, выручить в беде. Примеры этому широко известны. Международные контакты на шестом материке — обычное дело. Во время моих прошлых экспедиций наш геологический отряд, кочующий по горным районам, неоднократно попадал в гости к иностранным полярникам. Помнится, однажды рождество мы провели у японцев, а Новый год встретили у бельгийцев. Нам приходилось работать в контакте с австралийцами, американцами. Эти встречи были интересны, полезны и для нас и для наших зарубежных коллег.

Кроме таких случайных встреч многие страны постоянно обмениваются учеными на зимовках. Так, на американских станциях отзимовало немало наших исследователей, а на наших — американцев. Не раз бывали американцы и на Молодежной.

Столовая была еще закрыта, но в кухне уже вовсю трудились повара. Я прошел в комнату отдыха, которая теперь помещалась в пристройке. У самого входа висела доска Почета и плакат с социалистическими обязательствами зимовщиков. В центре комнаты вместо одного большого бильярда, который был памятен мне по прошлому посещению станции, теперь стало два, но меньших размеров. На длинном столе у стены — шахматы, шашки, какая-то неизвестная мне игра с фишками и игральным

кубиком, в общем тихие игры. На стенах висело несколько цветных репродукций из «Огонька»: Плисецкая в эффектной позе на пуантах, поленовский «Московский дворик» и «Раненый» Курбе.

Но вот дверь в столовую открылась. Здесь, пожалуй, ничего не изменилось. Так же надо было подходить к окнам в кухню, где выставлялись подносы с кушаньями, и накладывать самому, сколько душе угодно. Сегодня на завтрак манная каша, творог, чай, а желающие могли присовокупить к этому несколько ломтиков сервелата еще из старых запасов. Столовая заполнялась. Я жадно вглядывался в обветренные, оживленные лица зимовщиков и радовался отыскивая среди них старых товарищей.

РАКЕТЫ И ПОМИДОРЫ

В столовой я без труда нашел владельца анероида — старшего метеоракетчика, поджарого зимовщика с быстрыми глазами и доброжелательной усмешкой.

— Вот доем и пойдем к нам в павильон, там этот прибор висит у меня над столом, сам посмотришь. Если сгодится — бери на здоровье.

Через десять минут мы уже лезли на сопку, ту самую, с которой я спускался — мимо холодного склада с запасами продуктов и домика с «апельсином». Я спросил Мишу, что это такое.

— Радиопрозрачная оболочка, она предохраняет антенну локатора от всяких помех, загрязнений, будь то ветер, снег, пыль. Сделана целиком из пластика, без металлических деталей, радиоволнам ничуть не препятствует.

Мы свернули немного в сторону, и вскоре взору открылось продолговатое здание, на стене которого была изображена фигура В. И. Ленина с вытянутой вперед рукой. С ладони его в звездное небо устремлялась ракета. Это здание и был павильон метеоракетчиков.

— Когда на Молодежной стали запускать метеорологические ракеты? — поинтересовался я.

— С 1969 года.

— А на какую высоту?

— Выстреливаем на 100 километров. Там, наверху, головка с приборами отделяется и на парашюте идет вниз. Во время спуска приборы сообщают данные о температуре, давлении. По сносу парашюта определяем силу и направление ветра на высотах.

— А потом что?

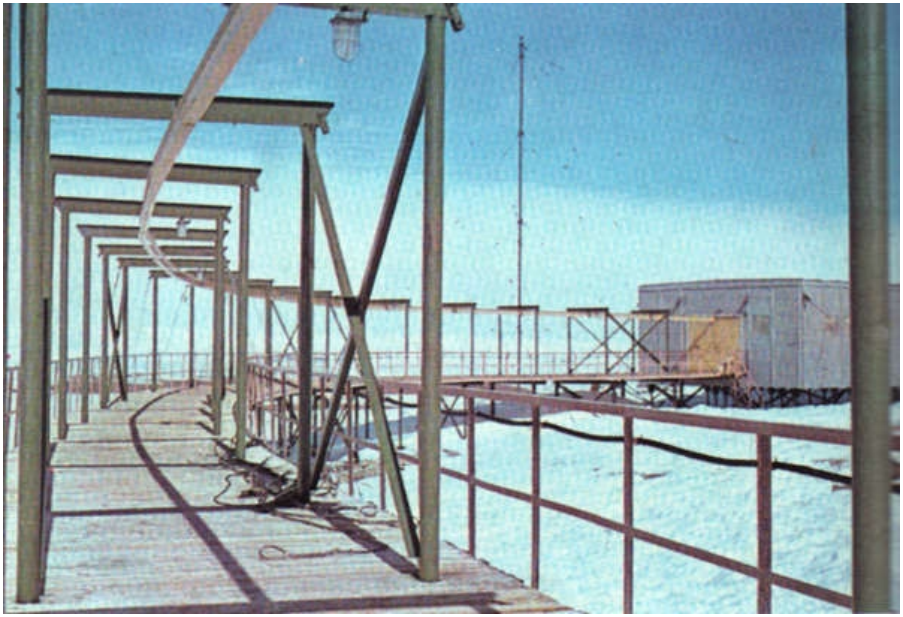
— А потом головка падает. Если близко от станции, ищем ее. Интересно посмотреть, как отдельные узлы подработались. А если ветром отнесло, пропадает. Так чаще всего и случается.

— Много грохота, когда пускаете?

— Да, немало. Заранее предупреждаем перед запуском, чтобы никого близко не оказалось. Сигнальные ракеты даем за полчаса, за пять минут, за минуту. Зимой, когда темно, запуск ракет выглядит особенно эффектно. Вспышка над сопкой, сноп пламени — и огненная игла уходит в небо. На фотографиях хорошо получается.

Мы поднялись на деревянную эстакаду, под крышей которой проходил монорельс. По нему тело ракеты транспортируют со

склада к месту сборки.



В Молодежной ведутся исследования по зондированию высоких слоев атмосферы с помощью метеорологических ракет. Эстакада, по которой ракета доставляется к месту старта.

Пройдя по эстакаде, попали в здание сборочного цеха. Здесь просторно, высокие потолки. В центре на стапеле — ракета. А вокруг обстановка мирная, уютная. И поражало обилие зелени. Вдоль окон в ящиках высокие кусты помидоров. Между ними вьются стебли огурцов, видны зреющие зеленые огурчики.

— Целый огород, вот здорово! — удивился я.

— Да, мы этим увлекаемся. Правда, сейчас запустили, не до того. А вообще здесь большой урожай собирать можно, солнца летом хоть отбавляй. Если, конечно, с умом подойти к этому делу, особенно специалисту взяться, гидропонику использовать. В прошлом году красные помидоры снимали. Здесь бы оранжерею по-настоящему организовать надо, витаминами были бы обеспечены.

И нечему тут удивляться, подумал я. Антарктида не только полюс холода, она и полюс солнечной радиации. Сюда летом солнечной энергии поступает больше, чем в тропиках, на тот же Берег Слоновой Кости! Только основная ее часть отражается от снежной поверхности и уходит обратно в космос. Улавливать солнечную радиацию и использовать ее для хозяйства, придет время, будут так же, как и холод Антарктиды, ее ледники.

«Ледники — богатство нашей планеты» — вот как теперь считают ученые.

И еще одна стихийная сила шестого материка, которую можно использовать, — ветер. Недаром Антарктиду называют полюсом ветров, родиной бурь. Ветры тут — неисчерпаемый запас энергии. Удивительно, почему до сих пор в Антарктиде не нашли широкого применения ветровые электростанции. Они во много раз экономичнее дизельных: для них не надо завозить топливо.

Конечно, как говорится, не все сразу. И так освоение белого континента идет быстрыми темпами. Пример тому — сама Молодежная: за несколько лет столь зримые изменения...

Из сборочного цеха вверх по склону сопки шла другая эстакада, по которой уже готовую метеоракету ведут на пусковую установку, в металлический короб с раздвижным потолком. Установив ракету, ракетчики возвращаются в сборочный цех, откуда нажатием кнопки осуществляется пуск.

Достав с помощью Михаила анероид, я вернулся на станцию. Около кают-компании начальник авиаотряда переругивался с заместителем начальника экспедиции. Разговор был вроде бы острый, на повышенных тонах, но вскоре я сообразил, что каждый из них, как выразился бы Феликс, просто «качает права». Действительно, после перепалки, довольные собой, они мирно разошлись. Я же уяснил, что вертолеты начнут летать на суда только после обеда. Значит, у меня еще есть несколько часов для того, чтобы продолжить знакомство со станцией.

ДОМ С ЗЕЛЕНОЙ ВЕРАНДОЙ

Прежде всего я решил нанести визит начальнику зимовки, с которым познакомился здесь же в Антарктиде во время прошлой экспедиции. В Москве мне сказали, что он серьезно заболел. Начальник жил в старом доме, построенном из плит арболита — спрессованных опилок и цемента, недорогого материала. Под влиянием температурных изменений и постоянных вибраций, вызываемых ураганными ветрами, арболитовые плиты растрескиваются. Теперь в Антарктиде из этого материала уже не строят. Последние дома на Молодежной снаружи обшиты дюралюминием, изнутри стены покрыты пластиком, а в промежутке находится теплоизоляционная прокладка типа поролона или пенопласта. Толщина стен в таком доме около двадцати сантиметров. Сюда завозятся готовые детали для зданий, строителям остается лишь установить свайный фундамент и собрать дом.

Начальство, однако, в новый дом переходить вроде бы не собирается. Очевидно, сказалась традиция. К арболитовому жилищу пристроили узкую застекленную веранду по типу тех, которые можно увидеть в дачных домиках. На окнах веранды зеленели помидоры. Судя по всему, комнатное овощеводство — настоящая страсть зимовщиков Молодежной. Занятие полезное как для тела полярника, так и для его души. Во-первых, он получает витамины, а во-вторых, отвлекается от тоски по родине, которая порой одолевает на зимовке.

Раньше на старых станциях, где дома обычно по крышу заносило снегом, огород не разводили: не хватало солнечного света.

Я поднялся по металлической лестнице, вошел в коридор и столкнулся с хозяином дома. Высокий, худой, он, согнувшись, драил шваброй пол. Значит, болезнь уже отступила, хотя он перенес тяжелый инфаркт. Кардиограмму передавали в Ленинград по телетайпу, и светила кардиологии подтвердили диагноз, сделанный экспедиционным врачом.

Я растерялся от неожиданности. Готовился увидеть начальника зимовки немощным, в постели, ну, в лучшем случае за письменным столом, а он — со шваброй...

— А, здравствуй, — приветствовал он меня. — Проходи, я уже закончил. — И начальник радушно глянул на меня сквозь стекла своих сильно увеличивающих очков.

Несколько лет назад он руководил сложнейшим санно-

гусеничным походом по Центральной Антарктиде: Молодежная — полюс недоступности — американская станция Плато — Новолазаревская. Поход проходил в весьма сложных условиях, на уже изношенных «харьковчанках», которые в пути не раз ломались. Я тогда участвовал в разведке трассы через горы Земли Королевы Мод на Новолазаревскую. Это был наиболее сложный участок пути по горным долинам с многочисленными скрытыми под снегом провалами и трещинами. Не многие верили тогда, что удастся совершить такой переход за один сезон, тем более что с началом запоздали. Казалось, с наступлением зимних холодов машины придется оставить до другого года, а людей вывезти самолетами. Но «харьковчанки» все же пробились в Новолазаревскую. Правда, участники перехода крайне устали. Возможно, перенапряжение в походе дало себя знать теперь на зимовке.

Как бы то ни было, но сейчас дело шло на поправку, и хозяин дома выглядел неплохо.

— Кто это тебе сказал, кто выдумал про инфаркт? — добродушно проворчал он, когда я заметил, что ему вредно заниматься тяжелой физической работой. — А потом, с каких пор упражнения со шваброй стали относить в разряд тяжелой работы?

Однако, когда мы вошли в комнату и устроились в креслах, я заметил, что дышит он тяжело.

Начальник зимовочной экспедиции занимал две небольшие комнаты. Одна служила кабинетом, другая — спальней. В первой стоял письменный стол, книжный шкаф, по стенам были развешаны карты Антарктиды.

Еще в доме была комната заместителя начальника и существовало специальное помещение для обсуждения экспедиционных дел — диспетчерская.

— Там я устраиваю разносы начальникам отрядов, — сказал хозяин.

Я улыбнулся: мне ни разу не приходилось слышать, чтобы он повышал голос. В начале зимовки в этом доме жили еще два врача, но с завершением строительства поликлиники они перебрались туда.

Я спросил разрешения осмотреть поликлинику. Начальник кивнул, но предупредил:

— Там у нас строго, чистота, в сапогах тебя не пустят, тапочки надо надевать.

Потом он не без гордости показал веранду, где, как в оранжерее, было тепло, влажно и стоял удивительный для Антарктиды запах свежей зелени.

— Всю станцию кормим, окрошку делаем. Вот так и живем! А

теперь сходи посмотри гараж и дизельную, ее тоже недавно построили. Иди, иди, полюбуйся на чудеса Антарктиды.

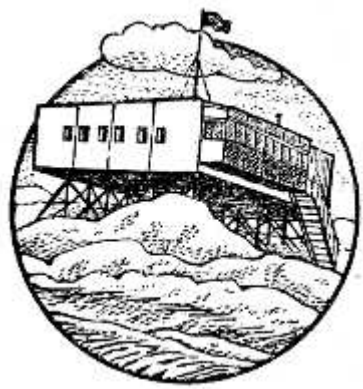
— Будет станция еще расширяться?

— А как же! Новую кают-компанию поставим, двухэтажную, внизу соорудим столовую, наверху кинозал, банно-прачечный комбинат, а потом и о науке пора подумать. Аэрологи у нас ютятся по старым домам, снегом их заносит, откапываем каждый год. Надо и им свой большой дом. Подожди еще, — начальник сверкнул глазами, — аэродром для тяжелых машин сделаем, тогда международный аэропорт откроем (с 1980 года Молодежная стала принимать трансконтинентальные лайнеры на колесах.—*В. Б.*).

— Да, — остановил он меня уже на пороге — что же ничего сам не рассказал? Что там у вас за год произошло? Мы же здесь как-никак в отрыве.

— Да ничего такого. Вы же все новости по радио узнаете. У вас теперь это дело на высоте. Отдельный дом для приема, отдельный дом для передачи.

— Это точно: радиостанция у нас мощная. А все равно на таком расстоянии невольно кажется: что-то до тебя не доходит, чего-то не знаешь. Вот недавно сын прислал телеграмму, что женился. А кто она такая, жена, какая из себя — ни слова. Вот тебе и радиоцентр. Не все через него узнаешь.. — И, помолчав, добавил с обидой: — Не мог отца дождаться.



ЧУДЕСА АНТАРКТИДЫ

Дизельная и гараж находились на краю поселка, ближе к берегу моря. Чтобы туда попасть, надо было пройти мимо домика аэрологов, метеоплощадки и потом пересечь ложбину, по-местному — овраг.

У аэрологических павильонов заснежено. Молодой парень на бульдозере лихо сворачивал сугробы, расчищая дорогу. И тут на стене домика аэрологов я увидел изображение той самой дамы, о которой мне рассказывал утром бородатый зимовщик. Она сидела в голубом купальнике, поджав под себя ноги, в небрежной позе, как видно, на песке у теплого моря. В картине чувствовалась все та же уверенная рука художника — создателя белой коровы.

Но что-то на этот раз изменило вкусу художника. Я это сразу почувствовал, только не мог понять что. Достав фотоаппарат, я сфотографировал даму в голубом. Над ухом кто-то кашлянул, и я увидел молодого бульдозериста, расчищавшего снег. Бульдозерист приветливо улыбался.

— Откуда приехали? — спросил он.

— Из Москвы.

— А я с Диксона. — Он, казалось, засмущался, а потом продолжал: — Как там дела, на Большой земле?

— Все в порядке.

— Это хорошо. Скоро сами увидим. Давайте я вашим аппаратом щелкну вас на фоне дамы. У нас так все на память фотографировались.

— Ну спасибо. — Я отдал ему фотоаппарат.

— А вы знаете, она ведь раньше была без купальника. Но тут был один замначальника, хозяйственник. Как увидел, приказал, чтобы одели.

Купальник действительно был здесь ни к селу ни к городу. «Ох уж этот замначальника, — подумал я, невольно вспоминая нашего пассажирского помощника, — тоже мне блюститель нравственности в Антарктиде».

Запечатлев меня на фоне нашей единственной антарктической дамы, бульдозерист вернулся к своей машине, а я направился дальше.

Через овраг был перекинут железный мостик с перилами. Это тоже было новшеством. В короткие дни антарктического половодья по оврагу устремляется к морю бурный поток. Пока же здесь тихо, вода еще не пробила путь через снежники.

Здание гаража, окрашенное в синий цвет, стояло прямо на

скалах, на цементном основании. Не окрашены были только сверкающие на солнце высокие металлические ворота. Их было несколько. Над центральными воротами висел плакат: «Добро пожаловать!», а в сами ворота врезана небольшая дверь. Я толкнул ее и оказался в обширном зале. Внутри гараж оказался двухэтажным. Прямо передо мной была яма— мечта автолюбителя. Дно ее устилали чистые опилки. Над ямой на цепи висел крюк с подъемником. По сторонам — еще всякие приспособления. Здесь любой вездеход можно смазать, собрать или разобрать. Не гараж, а фантастика!

Да, вот это масштабы! О таких гаражах в Антарктиде раньше только мечтали. Машины зимовали на улице. Механикам приходилось работать на ветру, на морозе. Страдали люди, преждевременно изнашивались машины. Около станции на склоне оврага уже полно металлолома: грузовики, вездеходы — целое кладбище антарктической техники. А теперь в теплом гараже ремонтировать машины — одно удовольствие, и, конечно, служить они будут гораздо дольше.

Здание дизельной электростанции до постройки гаража было самым большим на Молодежной. Оно тоже стояло непосредственно на грунте и снаружи было обшито металлическими листами, поблескивающими на солнце.

Перед входом у порога лежала циновка для ног, потом еще мокрая тряпка. Цементный пол прихожей сверкал чистотой. В центре его сиял медный парусный кораблик и цифры «1967 г.» — дата постройки дизельной электростанции.

Когда я был на Молодежной в двенадцатой экспедиции, я видел, как строили это здание. Потом в Москву пришло известие, что ДЭС пустили. Установили четыре двигателя мощностью 150 киловатт каждый. Некоторые считали, что это слишком много: энергию, мол, некуда будет девать.

Я вошел в машинный зал. Ровно гудели дизели. Работало три двигателя. Значит, загрузка возросла (один двигатель всегда держат в резерве). В том, что нагрузка резко возросла, нет ничего удивительного: столько новых зданий, а ведь отопление везде электрическое.

Еще на мосту через овраг я увидел, что от здания электростанции к центру поселка тянется вереница двухметровых опор из труб с держателями поверху, на которых закреплена целая связка кабелей. В домиках для отопления используются небольшие радиаторы, наполненные маслом. В каждом находится тепловой электрический нагреватель (ТЭН). Чтобы отапливать в зимние холода такие обширные помещения, как, например, гараж, надо немало энергии.

Близилось время обеда, надо было возвращаться в кают-компанию. Проходя мимо длинного, в двенадцать окон, фасада здания поликлиники, окраска стен которой образовывала вытянутый красный крест, я было собрался переступить его порог, но вовремя вспомнил строгие слова начальника зимовки, что в сапогах туда не пускают. Я же после перелета в «Аннушке» с мясными брикетами порядком вымазался. Так что оставалось принять на веру, что внутри там есть все нужное для исцеления: сверкающие чистотой палаты, рентгеновский и зубоврачебный кабинеты, операционная и чудо из чудес — ванна!

На обед был борщ, котлеты с макаронами, фаршированный перец и компот. В столовой я встретил знакомых по старым экспедициям и среди них — Саню, моториста, механика-водителя вездехода. В двенадцатой экспедиции он шефствовал над станционным псом по кличке Механик.

За столиком мы оказались с Саней рядом, и я спросил его о судьбе пса.

— Не дожил Механик до моего возвращения, — нахмурился Саня.— Месяца два не дожил. Старик стал, уж ничего почти не видел, от снега ослеп.

— И на станции не осталось больше собак?

— Есть одна — Жучка. Ее из Австралии привезли. Но она не полярная собака, комнатная. А Механик ко всему приучен был, да и умом необычайным отличался.

ИСТОРИЯ СОБАКИ

Собака близка к человеку по своей потребности живых интересов, но, увы,
как далека от него своей неспособностью предвидеть!

Роберт Фолькон Скотт

Механик появился на свет в механической мастерской Мирного. Родители его — Урал и Лена — были родом с Колымы, чистокровные лайки, завезенные в Антарктиду первой советской экспедицией.

Одновременно с Механиком в Мирном родился другой пес. Щенки росли вместе, но со временем второй щенок превратился в огромную длинношерстную собаку, названную зимовщиками Волосаном. Несомненно, Волосан был самым крупным и красивым псом Мирного. Механик же не отличался такими внешними данными, но зато был удивительно любознательным. Особенно он интересовался новой техникой и за это вскоре снискал уважение зимовщиков.

Ни для кого не было секретом, что между Волосаном и Механиком шло негласное соперничество за право называться первой собакой экспедиции. И если сначала большинство зимовщиков отдавало предпочтение Волосану, то к концу зимовки они изменили свое мнение. Механик был добр и доверчив, Волосан — расчетлив и тщеславен. Он ничего не прощал Механику и, поняв, что в честной борьбе ему не выиграть, стал коварно нападать на того врасплох.

Так как Волосан пользовался особым расположением коменданта, а изолировать псов на станции не представлялось возможным, обеспокоенные судьбой Механика полярники решили перебросить его на Молодежную. И вот однажды, покинув занесенный снегом Мирный, Механик по воздуху перенесся на Молодежную. Здесь тоже было несколько собак, но они встретили новичка доброжелательно.

Скоро зимовщики заметили у собаки незаурядные способности к дрессировке. Шефство над ним взял Саня — моторист на электростанции, самый молодой из зимовщиков

Молодежной. Сане недавно перевалило за двадцать. У него были сверкающие цыганские глаза и ослепительная улыбка. Он любил петь, а на праздничных вечерах в кают-компании лихо отплясывал цыганочку. Теперь Механик большую часть времени проводил с Саней около дизелей, где было тепло и пахло машинным маслом.

Саня постелил ему войлок в углу, около телефона. В дизельной всегда было шумно, и, когда Саня работал в дальнем углу, телефонные звонки до него не доносились. Тогда дежуривший у телефона Механик начинал лаять, и Саня спешил к аппарату. Все шло хорошо, но...

Партии, работавшие в окрестностях станции, в двадцати — тридцати километрах, чтобы не обременять себя тяжелой рацией, стали брать с собой Механика. Если срочно что-то требовалось, писали записку, укрепляли ее на специально заведенном для этой цели ошейнике и говорили: «Механик, домой». Механик радостно взвизгивал и устремлялся на станцию к Сане, в свой угол, к теплым и шумным дизелям.

Однажды в самый разгар работ, когда Механик, выполнив задание, грелся на солнышке у дверей дизельной, прибывшая на станцию сезонная группа строителей, направлявшаяся выбрать место для сооружения причала, позвала пса с собой. Механик был рад прогулке и, задрав хвост, сосредоточенно бежал впереди.

Стояло арктическое лето. Море около Молодежной уже вскрылось, и только отдельные льдины ярко выделялись на атласной чернильной поверхности воды.

Пока дошли до берега, все сильно взмокли.

— Эх, искупаться бы, солнце такое, прямо Сочи! — сказал один из строителей, запарившийся в новой кожаной куртке.

— Сочи, да не очень. Вода сейчас минус полтора градуса, — заметил другой.

— Такой не бывает. Вода при нуле замерзает.

— То пресная, а это соленая. Гидролог сегодня утром мерил.

— Так то утром, а сейчас она нагрелась. А ну, Механик, выкупайся хоть ты, — крикнул строитель в кожаной куртке.

Механик подбежал к воде, потрогал воду лапой, потом даже лизнул ее и... попятился.

— Умная собака, дрессированная, ее не купишь, — заметил кто-то.

— Посмотрим, какая она дрессированная, — продолжал любитель купания. — Эй, Механик, служи! — Он поднял валявшийся на скале кусок доски, размахнулся и швырнул в море. Доска, описав дугу, шлепнулась рядом с маленькой мраморной льдинкой.

— Служи, Механик! — еще настойчивее прокричал он.

Механик подошел к воде, снова тронул ее лапой и заскулил. Потом обернулся назад. Сверху со скалы на него смотрели люди. Тогда он вдруг весь подобрался, поджал задние лапы и соскользнул в воду.

Доску уже далеко отнесло течением в сторону, и, когда Механик снова выбрался на берег, держа ее в зубах, прошло минут десять.

— Молодец, Механик! — громче всех кричал Новая Кожаная Куртка.

Механик положил никому не нужную доску на скалу, встряхнулся и, ни на кого не глядя, побежал на станцию.

— Обиделся, — сказал кто-то.

— Ишь какой, — уже недовольно проворчал Новая Кожаная Куртка.

— А ты сам попробуй, небось, сразу воспаление легких получишь.

— Ты чего равняешь? Я ж человек, а то собака.

В тот же день строители переехали со станции на объект.

Вечером Механик, как обычно, лежал в дизельной под телефоном. Саня ковырялся около моторов, когда в дизельную вошел другой сменный моторист.

— Что к телефону не подходишь? — прокричал он.— Начальство тебе звонит не дозвонится!

— Да ну? Может, аппарат испортился?

Подошли, проверили аппарат — он был исправен.

— Ты чего же, друг, подводишь, заснул в тепле, — сказал Саня, нагибаясь к Механику.

Тело собаки сотрясалось от жестокого озноба.

Механик проболел около месяца. В конце концов Саня все же выходил его. Только за время болезни с псом что-то произошло.

Саню перевели работать на вездеход, и теперь на сиденье рядом с водителем всегда сидел, почти не шевелясь, Механик и внимательно смотрел прямо перед собой и в то же время куда-то в сторону.

— Последствие менингита, — то ли в шутку, то ли всерьез пояснял Саня.

Даже когда рабочий день у Сани заканчивался, и он оставлял машину, Механик обычно еще долгое время сидел на своем месте, задумчиво поглядывая на рычаги.

— Смотри, угонит он как-нибудь у тебя вездеход, — говорили Сане зимовщики.

На место рядом с водителем теперь никто не претендовал.

Иногда Саня звал Механика к себе в дом. Дом стоял на

металлических сваях, вбитых в гладкую, словно языком облизанную коричневую скалу. Механик сначала поднимался вверх по холодной железной лестнице (в сильный мороз она обжигала лапы), входил в тамбур, вытирал задние ноги о половик и попадал в Санину комнату. Там он ложился на ковер, клал голову на передние лапы, смотрел и слушал.

В комнате стояло три кровати (с Саней жили повара, вечно пропадавшие на кухне), стулья, стол и этажерка с книгами. Мебель была совсем новая и отчаянно пахла лаком.

По стенам висели фотографии странных — безбородых и длинноволосых — людей. Таких людей Механик никогда в жизни не видел и смотрел на них с любопытством и непонятным раздражением. Ему не нравилось, что Саня очень часто поглядывал на большую фотографию над своей постелью и о чем-то задумывался. В такие минуты глаза у Сани становились совсем отсутствующими и он переставал замечать Механика.

Как тогда хотелось тому залаять и привлечь к себе внимание! Но Механик сдерживался. Ведь лаять в Антарктиде без особой надобности не принято. Здесь нет ни воров, ни бандитов. Здесь только полярники. Добрые к нему или безразличные и совсем редко — злые. Лаять на полярника может себе позволить лишь глупый молодой пес.

И Механик молча внимательно и преданно смотрел на Саню.

А Саня сидел на кровати, зашивал старую поношенную ватную куртку и напевал свою любимую песенку:

Порой мне так твои глаза увидеть хочется,
Но только ты об этом лучше песню расспроси...

Когда на станцию вернулись строители, Саню с вездеходом передали в их распоряжение. Строитель в кожаной куртке, по-хозяйски устремившись к наиболее удобному месту в, вездеходе, возмутился, увидев его занятым... собакой!

— Безобразие, пса какого-то возят. Псиной воняет. Ну ты, пшел отсюда, пшел! — брезгливо произнес Кожаная Куртка.

Механик повернул голову к Сане.

— Пойди, друг, погуляй лучше, — торопливо сказал Саня. — Все же начальник претендует.

Механик выпрыгнул из машины. Кожаная Куртка молча стал отряхивать сиденье...

И вот для зимовщиков пришла долгожданная пора возвращаться домой. С кораблем прибыла новая смена.

Перед самым отплытием Саня пошел разыскивать Механика. Собака лежала, укрывшись от ветра, под Саниным вездеходом. Механик догадывался, что Саня скоро уедет. Он это почувствовал, как только увидел корабль.

— Ну, прощай, друг. Сейчас уходим. Проводи, — сказал Саня. Механик поднялся и поплелся за ним.

Заревел, покатился над льдинами, над голыми сопками хриплый гудок. Зимовщики сгрудились на палубе.

Механик молча стоял на холме и смотрел на корабль.

Саня помахал ему шапкой, но Механик не пошевельнулся — то ли не захотел, то ли не увидел: глаза его уже утратили былую зоркость.

Так они расстались навсегда...

— Умный пес был, — повторил Саня.

— Да, прекрасная собака, — согласился я. И мы немного помолчали...

МОСКВА — 13 783 КМ

...Нет сомнения в том, что огромные пространства суши на Юге, возможности использования которых в настоящее время строго ограничены, когда-нибудь будут эксплуатироваться наряду с ресурсами других стран.

Дуглас Моусон

— А как перезимовали? — перевел я разговор на другую тему.

— Нормально.

— Никаких особенных случаев не было?

— Да нет, ничего особенного. В прошлом году при разгрузке корабля товарищ мой упал с барьера вместе с вездеходом в море, но он пловец отличный — вынырнул. Правда, только выплыл — ему сверху на голову ящик свалился, к счастью не тяжелый, и он опять сумел вынырнуть. Тут ему сетку спустили, достали. А в остальном все нормально. Пожары у нас были кое-какие в домиках, но небольшие — быстро потушили.

— Так дома же теперь здесь негорючие.

— Снаружи-то, точно, металл, а внутри — облицовка, лаки. Еще как горит. Только, конечно, это не то, что было в старых домах, там под снегом, как в душегубке. Здесь легко по коридору выскочить.

— А пуржило зимой сильно?

— Да нет, нормально. Один у нас потерялся, правда рядом с домиками, поэтому его тут же нашли.

Нас уже несколько раз перебивали. Требовался вездеход — на аэродром.

— Вот, пообедать не дают, — проворчал Саня, но заторопился и, не доев, побежал.

Я вышел на крыльцо. Внизу толпились отобедавшие полярники. Курили, обсуждали новости. Я увидел бородатого зимовщика, с которым говорил утром. Он тоже заметил меня и приветливо кивнул. Я подошел к нему. Он живо поинтересовался:

— Ну как, станция понравилась?

— Да, очень.

— Еще бы, много здесь труда вложено.

— Первый раз здесь зимовали?

— Это я-то? — Он возмущенно оглядел меня. — Третий! И каждый раз по пятнадцать месяцев. Можно сказать, половина домов здесь моими руками выстроена. Только за последние два месяца пять новых поставили.

Я с уважением посмотрел на его руки.

— Сколько времени уходит на сооружение алюминиевого дома?

— Когда первый раз ставили, четыре месяца провозились. Теперь же ставим его за пятнадцать дней. Сваи забиваем два-три дня, еще два-три дня идут на сборку, а остальное время — на доделки.

— А сколько человек работает?

— Восемь — десять. Я сам — бригадир. Строители у нас не новички, не один раз здесь побывали. Вот в эту зимовку нам поздно подвезли материал, только в марте. Пришлось строить в апреле — мае. Зима в разгаре. Щиты ветер, как картонки, из рук вырывал, швырял их по станции — того гляди, изуродует, а ничего, строили. — И бригадир гордо посмотрел на меня.

— У меня здесь товарищ перезимовал,— сказал я, — Феликс. Тоже не в первый раз, но устал он после этой зимовки.

— Знаю его, — подтвердил строитель. — Я с ним недавно говорил. Устал, конечно. И я тоже устал. Теперь отдыхать буду. Года три-четыре никуда не поеду.

— А потом вернетесь сюда?

— Сюда? Может, и вернусь. Вложено много...

Неподалеку от кают-компании находится столб с указателями расстояний до различных географических пунктов. Это тоже нововведение. Я направился туда. Ко мне подошел Слав — болгарский писатель и журналист, только что прибывший на Молодежную.

— Ну-ка щелкни меня, попросил он, — на фоне этого географического чуда. — И он протянул мне свой фотоаппарат.

Все указатели, кроме одного, смотрели на север, в сторону моря, где за Южным океаном лежали другие материки.

Северный полюс —17 555 км
Москва — 13 783 км
Ленинград — 14 247 км
Варшава — 13 470 км
Берлин — 13 640 км
Париж — 13 496 км

Лишь одна стрелка глядела на юг, назад, в сторону ледникового щита. На стрелке надпись:

«Южный полюс — 2486 км».

Две с половиной тысячи, можно сказать, рукой подать по сравнению с гигантскими расстояниями до Европы.

Перед тем как покинуть Антарктиду, полярники традиционно

фотографируются около столба расстояний.

— А до Софии будет меньше 13 тысяч, — подсчитал Слав. Чувствовалось, он огорчен тем, что на станции нет соответствующего указателя.

— А это что? — показал он на затесавшуюся в середину стрелку: «Сберкасса № 1991 — 14 247, 85 км» — и поняв, расхохотался:

— Сюда заработок вам перечисляют!

— Мне пора на судно, — сказал я ему. — А то погода испортится, запуржит — застряну на станции, а вечером мне выходить на разгрузку. — И, словно подтверждая правоту моих слов, над нашими головами в сторону моря прострекотал вертолет.

— Я тебя провожу, — вызвался Слав.

Мы вернулись в кают-компанию. Здесь уже стоял Санин вездеход.

— Садитесь, садитесь, всех довезу, — Саня сверкал своей цыганской улыбкой.

Вездеход взобрался на соку, где садились вертолеты. Очередной вертолет уже запустил двигатель.

Спасаясь от ураганного ветра, поднятого лопастями винта, мы отошли со Славом подальше на сопку, за здание ракетного павильона. Здесь я увидел гранатовые гнейсы и вспомнил, что обещал их пассажирскому помощнику. Отколов несколько увесистых образцов, я передал свой молоток болгарину, который захотел последовать моему примеру.

С вершины сопки были видны почти все холмы Молодежной, похожие на верблюжьи горбы, — крошечный скалистый оазис среди ледяной пустыни. И на этих голых скалах, изборожденных антарктическими ураганами, на этой холодной земле, где не растет ни одной травинки, а в расщелинах прячутся жалкие кустики мхов и лишайников, вырос аванпост человеческой цивилизации, который не без основания можно считать столицей Антарктиды.

— Посмотри, — обратился ко мне Слав. Он разложил на носовом платке коллекцию из десятка антарктических камушков, некоторые с куртинками мхов и лишайников. — Я дочке обещал в школу.

Я стал разбирать его камни.

— Этот, темный, — биотит-амбриболовый гнейс, а вот с красными зернами — биотит-гранатовый. Это самые древние породы оазиса, образовавшиеся около миллиарда лет назад. А вот более молодая жильная порода — пегматит, в нем, видишь, среди

полевого шпата кристаллы слюды — биотита. Когда-то давно такая слюда шла на окошки для керосинок. А это чистый кварц, тоже, очевидно, жильный. Породы здесь однообразные. А определить лишайники и мхи не сумею, не специалист. Кстати, на многих зарубежных станциях мхи и лишайники — объекты охраняемые, собирать их запрещено, ведь их в Антарктиде немного.

— А камни можно?

— Пока можно.

— И драгоценные тоже?

— Драгоценные нужно еще найти. 99% горных пород здесь подо льдом.

— Так растопить его надо.

— Растопить-то, может быть, и можно, только к каким последствиям это приведет?

— А, да, вспомнил: я читал, что уровень океана тогда поднимется и его воды затопят берега, Голландия вся под воду уйдет.

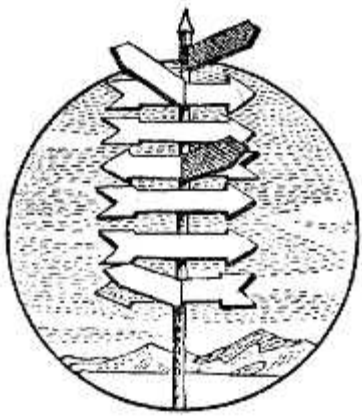
— Вот-вот, — подтвердил я.

Вскоре прилетел вертолет, и начали грузиться. У некоторых зимовщиков было довольно много чемоданов, ящиков — наверно, везли с собой разные коллекции, подарки. Все были сильно возбуждены, торопились влезть в кабину, словно боялись куда-то опоздать. В вертолет набилось человек двадцать пять.

— Осторожно, не садись на мой чемодан, — предупреждал один зимовщик другого, — помнешь.

— Черт с ними, с чемоданами, — ведь домой возвращаемся! — воскликнул уже знакомый мне бульдозерист.

Когда вертолет проходил над Молодежной, все прильнули к иллюминаторам, словно впервые видели станцию. Двое помахали рукой, остальные смотрели молча.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

И этого всего потом из памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо — как редких и дорогих гостей.

И. А. Гончаров

А потом нас перебросили в горы. Две-три палатки, маленькие черные точки на леднике у подножия величественных массивов, — так выглядели наши полевые лагеря. Временами покой горной антарктической пустыни нарушался тарахтением вертолета или мягким гулом «Аннушки», но чаще воем ветра. Мы были один на один с Антарктидой.

Каждый погожий день начинался с полевого маршрута. Обезумевшее солнце неустанно кружило по небосводу, и невозможно было представить, что на смену этому празднику света придет долгая полярная ночь. Наши лица обветрились, погрубели. Антарктический загар не имеет ничего общего с ровным бронзовым загаром тропиков. Здесь солнце обжигает, кожа краснеет и лопается, лица становятся медно-красными, носы и губы вспухают. Но мы не обращали на это внимания, торопились не упустить ни одного дня, ни одного часа.

Росли коллекции образцов, составлялись карты, устанавливались неизвестные ранее факты, рождались оригинальные концепции. Это было напряженное, всепоглощающее время полевых исследований. Новые сведения о геолого-геофизическом строении южной полярной области, ее оледенении сейчас, как никогда раньше, нужны ученым. Без этого немыслимо дальнейшее развитие многих фундаментальных представлений в науках о Земле, нельзя понять законы эволюции природной среды в масштабах всей планеты, невозможны долгосрочные прогнозы, а иной раз и конкретные практические рекомендации.

Поэтому и отправляются ежегодно экспедиции в Антарктиду, поэтому и мы оказались в далеких горах. Но антарктическое лето, когда только и возможны полевые исследования, коротко, и каждый час работы ценится на вес золота. И только когда задувает пурга, удается разобрать собранные коллекции,

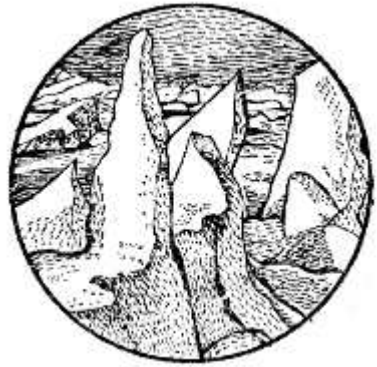
привести в порядок торопливые маршрутные записи, подлечить солнечные ожоги, иной раз просто подумать и поразмыслить.

Здесь, на краю света, в ослепительном антарктическом безмолвии, впечатления недавнего плавания отступают на дальний план. Наши мысли все чаще обращаются к дому, к близким и любимым. Забравшись в спальные мешки, перед сном мы еще некоторое время предаемся воспоминаниям. А вспоминается обычно самое сокровенное, самое волнующее, радостное, а иной раз и грустное. Перед моими глазами чаще всего вставали милые туманные картинки детства, домики, сады и овраги старой Воробьевки, и я вновь переживал детские радости и обиды, видел своих молодых еще родителей, давно умерших дедушек и бабушек, потонувших в волнах времени товарищей детства. В эти краткие мгновения перед глазами прокручивались, как ленты кинофильмов, самые разнообразные события минувшего. Никогда и нигде не испытывал я так остро силу воспоминаний...

Много позже, уже дома, в Москве, в суматохе быстро бегущих дней редко удавалось остановиться и оглянуться назад. Но когда удавалось, тогда вспоминалась Антарктида, бури и льды Южного океана, нескончаемое ненастье Кергелена, уединенность острова-гробницы Святой Елены, изнуряющий зной Гвинейского залива, мягкое тепло Канарских островов...

Помнится, кто-то из великих мыслителей сказал, что каждому человеку для гармоничного развития должны быть отпущены судьбой хотя бы три возможности: увидеть мир собственными глазами, испытать радость общения с друзьями, суметь насладиться талантливыми книгами. Путешествие в Антарктиду одарило всем этим сразу.

Я узнал разнообразие и неповторимость природных ландшафтов Земли, обрел верных товарищей, ибо в долгой экспедиции люди тесно сближаются, и их дружба не имеет ничего общего с поверхностными отношениями в городской повседневности. А книги? Книги тоже читались тут по-особому. Именно в экспедиции заново открыл я для себя замечательного русского писателя И. А. Гончарова и вслед за ним повторяю: «Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать!»



АНТАРКТИДА — КОНТИНЕНТ НАУКИ (вместо заключения)

Завершая книгу о путешествии на край Земли, автору хотелось бы вкратце рассказать читателю о том, какие проблемы волнуют исследователей Антарктиды, в каких направлениях идет поиск, что уже достигнуто и каковы перспективы.

С Международного геофизического года (МГГ), 25-летие которого отмечалось в 1982 г., начался новый, современный этап изучения Антарктики. Советские полярники провели в этот период исключительно важные исследования южнополярной области. За годы работы антарктических зимовок, своего рода научных стационаров, собрана богатейшая информация, существенно расширившая представления о многих геофизических процессах.

Полевые исследования охватили труднодоступные районы: центральную Антарктиду, горные территории — Землю Королевы Мод, Землю Мак-Робертсона, Землю Эндерби и другие, а также гигантские шельфовые ледники Фильхнера и Ронне. Открыто множество географических объектов. Составлены новые карты.

Результаты стационарных многолетних исследований и полевых кратковременных, но охватывающих большие площади, дали материал для разработки проблем общетеоретического значения, важных для понимания эволюции природных явлений.

Например, изучая южнополярную область, геологи и географы решают интереснейшие вопросы палеогеографии, связанные с существованием Гондваны; гляциологи стараются представить развитие антарктического оледенения — гигантского аккумулятора холода и влаги; геофизики пытаются вскрыть солнечно-земные связи, для познания которых Шестой континент особенно интересен, и т. д.

Некоторые из этих крупных проблем решаются в рамках международных программ, таких, как Международный гляциологический проект, проект Геофизический полигон в Антарктиде, проект изучения шельфового ледника Росса и др.

Первое десятилетие, последовавшее за МГГ, завершилось изданием советского Атласа Антарктики — уникального картографического произведения, подводящего итог всем научным изысканиям на Шестом континенте. Прошло еще десять лет, и встал вопрос о подготовке нового издания Атласа. Поток ежегодно поступающей информации оказался столь велик, что

позволил существенно обновить, а в ряде случаев составить новые оригинальные карты.

Такая быстрая трансформация наших представлений — результат не только приобретения большого опыта, навыка ведения изысканий на суровом материке, но прежде всего применения все более надежных и эффективных методов исследования, использования новейших достижений науки и техники: ЭВМ, наблюдений со спутников, радиофизических изысканий, изотопной геохронологии, термобурения и т. д. Большую роль здесь, безусловно, сыграло творческое содружество ученых всех стран — участниц антарктических исследований, широкий обмен информацией, научными идеями, действенная взаимопомощь и поддержка.

На наших глазах происходит своего рода информационный взрыв в представлениях об Антарктике, причем он затрагивает широкий комплекс наук, исследующих Землю. Изучаются все компоненты природы Антарктики: твердая оболочка (литосфера), атмосфера, ледниковый покров и проявления жизни в этих крайне экстремальных условиях.

Южнополярный район во многих отношениях уникален, ибо здесь у полюса располагается огромный материк, в отличие от Арктики, где у полюса суши нет. Выяснено это было не сразу. В 50-х годах нашего века еще дискутировался вопрос, что́ скрывается под антарктическим льдом: острова или континент? Разобраться в этом помогли работы геофизиков. Сейсмические, гравиметрические, радиолокационные, магнитометрические наблюдения, выполненные в санно-гусеничных походах и с борта самолетов, позволили получить представления как о подледниковом рельефе, так и о строении земной коры. В самом центре Восточной Антарктиды советские ученые открыли грандиозные подледные хребты — горы Вернадского и Гамбурцева, достигающие высоты 3390 м, а мощность земной коры тут оказалась типично материковой. Все сомнения относительно того, материк ли Антарктида, отпали.

По современным данным, большая часть Южного континента, исключая лишь Антарктический полуостров и прилегающую к нему часть Западной Антарктиды, представляет собой древнюю материковую платформу, формирование которой началось еще в архейскую эру. Гнейсы и граниты, слагающие кристаллический фундамент этой платформы, имеют возраст до 4 млрд. лет. Это наидревнейшие породы Земли. Там, где сплошной ледниковый покров отсутствует, кристаллические толщи часто выходят на поверхность. Но в ряде мест их перекрывают сланцы, песчаники, конгломераты, известняки — породы осадочного чехла,

сформировавшиеся гораздо позже. Находки в этих осадках разнообразной флоры и фауны позволяют восстанавливать историю развития антарктической платформы.

Антарктическую платформу геологи называют Гондванской. Древний суперконтинент Гондвана, как полагают, объединял материки южного полушария, но распался в мезозойскую эру. Действительно, геологическое строение антарктической платформы имеет поразительные черты сходства с платформами других гондванских территорий: Африки, Австралии, Южной Америки, полуострова Индостан. Сходство это обнаруживается в строении как кристаллических фундаментов, так и особенно осадочных чехлов платформы, в которых наблюдаются не только однотипные породы, но и одинаковый комплекс ископаемой флоры и фауны. Однако многие вопросы распада и эволюции гондванских материков не разрешены полностью. Поэтому проблема Гондваны — ключевая для геологии всего южного полушария. К тому же, поскольку на гондванских материках найдены многочисленные месторождения ценнейших полезных ископаемых, геологические исследования в Антарктиде приобретают не только общетеоретическое, но и практическое значение.

Антарктиду со времени ее открытия стали называть ледяным континентом. И это название оказалось как нельзя более подходящим. Здесь сосредоточено свыше 90% объема льдов Земли — около 25 млн. куб. км. Почти вся территория материка (более 99% площади) погребена под ледниковым покровом, средняя толщина которого около 2000 м, а в отдельных местах — до 4700 м. Под давлением этого огромного слоя льда земная кора континента опустилась, изостатически прогнулась в среднем на 600 м. Словом, современный облик Антарктиды, характерные черты ее природы определило оледенение. Поэтому естественно, что особое внимание к этому уникальному объекту проявляют гляциологи — специалисты, изучающие природные льды (гляциосферу Земли).

Аэрофотосъемка побережья, походы в глубинные районы материка, радиолокационное зондирование ледниковой толщи с самолетов, определение скоростей движения льда со спутников, глубокое бурение ледникового покрова — все это позволило собрать богатую информацию о гляциосфере Антарктиды.

Особое внимание гляциологов привлекают процессы, протекающие на контакте льда с подледным ложем, со слоями атмосферы на поверхности, а в краевых частях ледника, сползающего в океан, — с водой. Не меньше усилий требует изучение внутреннего строения ледникового покрова. Ледниковая

толща содержит в своих слоях богатейшую палеогеографическую информацию, проливающую свет на многие особенности окружающей среды и ее изменения. Однако получение этой информации сопряжено с немалыми трудностями, связанными прежде всего со сложностью извлечения глубинных образцов льда.

До недавнего времени с помощью шурфов и неглубоких буровых скважин исследовались лишь самые верхние горизонты ледникового покрова, в основном слои снежно-фирновой толщи, которая в центральных районах Антарктиды достигает максимальных значений — около 200 м. Проникновение дальше в глубь ледника оказалось технически сложной задачей из-за меняющейся с глубиной текучестью льда. Для бурения ледников советские инженеры сконструировали оригинальное оборудование — специальный термобур.

Бурение на советской станции Восток в центре Восточной Антарктиды обещает дать особенно важные научные результаты. Толщина ледника здесь около 4000 м, а климатические условия самые суровые на Земле, что усложняет работы. Пока удалось пройти около половины всей ледниковой толщи.

В слоях льда обнаруживаются космическая пыль, продукты вулканических извержений, споры растений. Изучение этих включений позволяет составить представление об особенностях атмосферной циркуляции, газовом составе атмосферы, ее загрязненности, в том числе о содержании радиоактивных элементов и т. д.

Интересные данные об изменениях температур на поверхности ледника в процессе накопления снежных осадков удается получить, изучая стабильные изотопы кислорода в образцах ледяного керна. Содержание этих изотопов зависит от температуры воздуха. Это позволяет не только выделять в толще льда и снега сезонные (летние и зимние) слои, но и устанавливать длительные, вековые колебания климата.

Сравнение результатов, полученных советскими учеными в Антарктиде и американскими в Гренландии, показало, что основные температурные изменения в центральных районах ледниковых щитов Антарктиды и Гренландии протекали одновременно. Этот интересный факт, однако, не дает права делать поспешные заключения о синхронных изменениях размеров ледников северного полушария и Антарктиды. Южнополярный ледниковый покров самый холодный в мире. Запасы холода в нем столь велики (средняя температура антарктического льда около —24 С), что он весьма устойчив к изменениям климата. Колебания температур, способные вызвать

таяние или образование льда в полярных районах северного полушария, оказываются несущественными для Антарктиды.

Антарктическое оледенение — самое раннее оледенение Земли кайнозойской эры. Материковый ледниковый покров возник тут не менее 20 млн. лет назад. Это доказано изучением мощной толщи морских (айсберговых) осадков у берегов южнополярного континента. Воссоздание картины истории антарктического оледенения — задача особой сложности.

Исследование следов древней деятельности ледников на самом материке осложнено тем, что подавляющая часть поверхности антарктической суши покрыта современными льдами. Лишь на отдельных участках, свободных от ледникового покрова, в горных и прибрежных оазисах, обнаружены древние морены, свидетельствующие о колебаниях размеров антарктического оледенения. Изучение этих морен в различных районах материка показало, что гигантский ледниковый покров Восточной Антарктиды, достигнув несколько миллионов лет назад своего максимума, в дальнейшем сокращался, испытав в своем развитии несколько циклических колебаний. Оледенение Западной Антарктиды, развивающейся в несколько иных условиях (значительные территории ее подледного ложа лежат намного ниже уровня океана), было не столь стабильно и сформировалось позднее.

Хронологию событий ледниковой истории в Антарктиде установить особенно сложно. Естественные обнажения ледниковых отложений встречаются здесь крайне редко, к тому же в них, как правило, отсутствуют органические остатки, с помощью которых обычно удается получать возрастные датировки. Лишь в тех местах, где одновременно с развитием оледенения действовали вулканы, определение возраста лав, излившихся на ледниковые отложения, позволяет судить и о времени событий ледниковой истории. Такие результаты получены в Восточной Антарктиде только для отдельных горных оазисов Земли Виктории.

О том, как трудно восстанавливать далекое прошлое антарктического оледенения, косвенно свидетельствует то обстоятельство, что до сих пор мы недостаточно определенно представляем даже его нынешнюю эволюцию. Оценки происходящих изменений снежно-ледниковых масс современной Антарктиды весьма приблизительны. Скорее всего ледниковый покров находится сейчас в состоянии, близком к стабильному. Расход льда, который в Антарктиде происходит в основном за счет образования айсбергов, вполне компенсируется выпадающими осадками.

Не менее важно и интересно изучение южнополярной атмосферы, в которой протекают грандиозные по масштабам процессы. В приземных слоях они обусловлены резким контрастом между холодным ледниковым покровом и относительно теплыми водами Южного океана, а выше — особой активностью электромагнитных явлений, характерной для полярного района.

Данные ракетного зондирования, информация, полученная со спутников, позволили представить основные черты строения атмосферы южной полярной области до высоты 80 км. Сравнение их с соответствующими моделями для северного полушария выявили коренные различия в распределении всех метеорологических параметров. Эти факты — свидетельство асимметрии основных черт географической оболочки севера и юга нашей планеты.

Южнополярная область представляет особый интерес для изучения ионосферы и магнитосферы, широкого комплекса электромагнитных явлений, возникающих при движении нашей планеты в космическом пространстве. На Землю постоянно воздействуют разнообразные космические излучения, потоки протонов и электронов, так называемый солнечный ветер. Входя во взаимодействие с окружающими Землю защитными сферами, космические частицы вызывают различного рода геофизические возмущения, генерируют электрические токи. Это приводит к возникновению полярных сияний и магнитных бурь. Полярные районы — Мекка для геофизиков, изучающих магнитосферу Земли. В полярных областях располагаются магнитные и геомагнитные полюса. Здесь же обнаружены так называемые каспы — своего рода нейтральные воронки, где отсутствует магнитное поле. Через каспы космические излучения почти беспрепятственно достигают Земли. Антарктическая обсерватория Мирный часто попадает в область такой нейтральной воронки.

Исследователями космических лучей получены интересные данные о количестве протонов, поступающих при солнечных вспышках в стратосферу южного полушария. Эти работы важны и в практическом отношении, так как подобного рода излучения представляют радиоактивную опасность для человека в космосе. По материалам измерений интенсивности космических лучей в Антарктиде и ряде районов на территории СССР экспериментально доказано существование 22-летнего цикла изменений космических излучений, обусловленного соответствующим магнитным циклом на Солнце.

Состояние ионосферы, как известно, непосредственно влияет на распространение радиоволн. Изучение ионосферы в

Антарктиде помогает выработать определенные практические рекомендации для поддержания устойчивой радиосвязи. Новый метод исследования ионосферы — наклонное зондирование на сверхдлинной трассе Молодежная — Москва — позволил получить оперативные данные, необходимые для трансконтинентальной связи.

Природные условия южнополярного материка — самые суровые на планете — не благоприятны для развития органической жизни. Об этом красноречиво говорит пустынный, безжизненный облик бескрайних снежных пространств. Однако на участках, свободных ото льда и снега, даже вблизи Южного полюса поселяются низшие растения — мхи, лишайники, водоросли. Летом в горах в сотнях километрах от моря можно увидеть гнездовья некоторых видов птиц. Особенно многообразны проявления жизни в прибрежной зоне, где обитают наиболее яркие представители антарктической фауны — пингвины.

В Центральной Антарктиде советскими учеными проведены оригинальные микробиологические исследования. Например, изучалась возможность естественной консервации бактерий в ледяной толще, выяснялось, не могут ли микроорганизмы, занесенные в Антарктиду, сохраняться в условиях глубокого охлаждения многие тысячелетия.

На станции Восток — полюсе холода нашей планеты, где зарегистрирован абсолютный минимум температуры (— 88,3), были взяты образцы льда с разных глубин ледника. В общей сложности было получено около 1000 микробиологических проб. В результате из глубинных горизонтов ледникового покрова Центральной Антарктиды выделены различные формы микроорганизмов, доказана возможность их сохранения в состоянии анабиоза в толще ледника в течение по крайней мере 10—13 тыс. лет. Это только один из примеров изучения биосферы Антарктиды.

Чтобы изучить условия жизни и работы человека в Антарктиде, проводятся специальные медико-биологические изыскания. Разработаны рекомендации по жизнеобеспечению, меры профилактики различного рода расстройств здоровья полярников, возникающих вследствие неблагоприятных влияний социальных, гелиогеофизических и других экологических необычных условий Антарктиды.

Рекомендации медиков не только используются при отборе кандидатов в экспедицию, но и учитываются при разработке образцов полярной одежды, жилищ, при нормировании питания, организации труда и отдыха и т. д. Развивается самостоятельное направление в медицинской науке — полярная медицина.

Научное освоение Антарктиды идет интенсивно. Успех изысканий на Шестом континенте во многом объясняется международным сотрудничеством ученых, начавшимся со времени МГГ. Для координации усилий разных стран образован специальный международный Научный совет по исследованию Антарктики, ведущий важную организационную работу, разрабатывающий научные программы, устраивающий специальные симпозиумы для обсуждения полученных результатов, публикующий бюллетени и отчеты об исследованиях.

Согласно заключенному в 1959 г. Договору об Антарктике — первому в истории международному соглашению по южнополярному району, — все государства, ведущие исследования в Антарктике, поставлены в равные условия. Основные принципы Договора — свобода научных изысканий и использование Антарктики исключительно в мирных целях в интересах всего человечества. Прошедшие годы показали своевременность и полезность заключенного Договора.

Для современного этапа изучения Антарктики характерно осуществление особенно сложных комплексных научных проектов, требующих значительных материальных затрат, сосредоточения творческих усилий ученых разных стран. Полученные в результате активных международных усилий знания природного потенциала южнополярной области приблизили нас к этапу экономического изучения этого региона. Пока еще во многом не ясно, как человечество будет использовать природные ресурсы Антарктиды, какие выгоды сможет извлечь из освоения этого континента. Предстоит разрешить еще много научных, технических и политических проблем.

Как быть, к примеру, с месторождениями различных полезных ископаемых, обнаруженных здесь? Добыча минерального сырья без применения специальной, учитывающей антарктические условия, технологии может сильно загрязнить природную среду южнополярного района, нанести непоправимый вред ее уникальной фауне и флоре. Возможно, реальную пользу удастся извлечь прежде всего из ледовых запасов Антарктиды. Рассматривается вопрос о транспортировке айсбергов к районам, страдающим от нехватки пресной воды.

Правовые вопросы, международные правила и нормы использования минеральных, равно как и живых, ресурсов Антарктики пока не разработаны.

Важно заранее найти приемлемое решение, разумно распорядиться экономическим потенциалом южнополярного района, чтобы возможная погоня за прибылью не подорвала

международного сотрудничества ученых и Антарктида не потеряла в будущем статуса континента науки и мира. В это верят, на это надеются исследователи Шестого континента.